

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ-1976

4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

БАКУ — 1976

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Адрес редакции: 370602, ГСП Баку-122, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Г. К. КУЛИЕВ

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГЛАГОЛОВ ЗРЕНИЯ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ОГУЗСКОЙ ГРУППЫ*

Как известно, глаголы зрения¹ входят в семантический разряд глаголов, объединяемых под названием «глаголы чувственного восприятия». Этой группе глаголов посвящен очерк А. А. Юлдашева², в котором, к сожалению, автором из глаголов зрения рассматривается только один глагол — *kög-*.

Предметом настоящего исследования является рассмотрение семантического развития глаголов зрения: азерб. *kөр-, бах-, көзлә-*; туркм. *гөр-, бак-, гара-, гөзле-*; тур. *gör-, bak-, gözle-, kara-*; гаг. *gör-, бак-, гөзле-*, путем сравнительного изучения как общетюркских письменных памятников и памятников отдельных тюркских языков, так и данных современных литературных языков и их диалектов. Фонетические варианты приведенных глаголов обусловлены соответствующими фонетическими особенностями указанных языков.

К древним глаголам зрения относится общетюркский глагол *kög-*, представленный во всех современных тюркских языках и в их письменных памятниках. Это позволяет заключить, что глагол *kög-* существовал также и в языке-основе³.

Этимологически глагол *kög-* связан со словом *köz* 'глаз'. А. А. Юлдашев выделяет в этом глаголе корень *kö-* и формант *-r*⁴. М. Т. Хоутсма приводит в своей работе глагол *közin*⁵ со значением «показываться, появляться», к которому Э. В. Севортян возводит глагол *kөз-||көр-*, а показатель *-үн-* в глаголе *kөзүн-* им рассматривается как аффикс возвратного залога⁶. В «Древнетюркском словаре» *közün-* переводится как «казаться, показываться; виднеться»: *közündi neң* 'нечто показалось' (МК II, 157); *ol gilič köziñä ört jalın teg közünüp* 'тот меч показался его глазам подобным пламени' (Uig I, 37₁₅); *ıraqtan közünü tigur* 'издали виднеется' (Uig II, 22₆)⁷. В письменном памятнике азербайджанского языка

* Содержание данной статьи было доложено на VII Тюркологической конференции в Ленинграде (3—6 июня 1975 г.).

¹ Глаголы чувственного восприятия в тюркских языках разделяются на следующие подгруппы: зрения, слуха, вкуса и обоняния. См.: Г. К. Кулиев. Семантические группы глаголов на материале юго-западной группы тюркских языков. — «Советская тюркология», 1975, № 3, стр. 7—16.

² А. А. Юлдашев. Глаголы чувственного восприятия. — В сб.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 294—321.

³ Там же, стр. 300.

⁴ Там же.

⁵ M. Th. Houtsma. Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894.

⁶ Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 412.

⁷ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 321.

XVI в. — тезкире «Шейх Сафи» встречается глагол *gözük-* 'показывать-ся, появляться': *Şeyhi kərdüm kim bu tənədən көзүкди* (стр. 281) 'Ви-дел я, что шейх показался с этого холма'; *Mən ejlə sağundum kim bu joldur və bu көзүкən бир јеричи* (стр. 261) 'Я так думал, что эта дорога и этот виднеющийся — пешеход'; *Ол нур көзүкмәз олурди* (стр. 37) 'Тот свет становился невидимым'⁸.

В гагаузском языке в аналогичной функции встречается глагол *gözük-* 'показаться (из-за укрытия)'⁹. *Көзүк-* (по-видимому, возвратная форма глагола) выступает в памятнике в том же значении, что и *көрүн-* в современном азербайджанском языке. Глагол *көзүк-* сохранился в кубинском диалекте и кафанском говоре азербайджанского языка.

В «Диване» Махмуда Кашгари приводится следующий пример: *Ol atamni menä közgärdi* 'Он показывал мне моего отца' (МК II, 196)¹⁰. Здесь *közgärdi* 'дал увидеть' — форма побудительного залога: *köz* — корень, *-gär* — аффикс побудительного залога, *-di* — аффикс прошедшего времени. Таким образом, восстанавливается корень *köz-*, существовавший в свое время наряду с *kög-*. Форму *көзәдән-* данного глагола находим и в произведении азербайджанского поэта XIV в. Насими: *Көрүнән мәнним үзүмдүр, көзәдән мәнним көзүмдүр* 'Видимое — мое лицо, видящие — мои глаза'. Здесь *көзәдән* можно расценивать таким образом: *көз-*, *кө-* — корень, *-әд||-ән* — глаголообразующий аффикс, *-ән* — аффикс причастия (ср. туркм. *серет*). В гагаузском языке употребляется глагол *гөзет-* в значении «высматривать, глядеть, посматривать»¹¹. Таким образом, наряду с формой *kög-* устанавливается и форма *köz-* данного глагола.

Еще в древнетюркских памятниках основным значением глагола *көг-* было «видеть»: (12) ... *буны көрйү* ... 'видя это'; (13) *Аны көрпін* ... 'видя его...' (Кюль-Тегин. Малая надпись)¹².

В «Китаби Дедем Коркуд» этот глагол выступает в значении «видеть»: *Kazan big gördi ki kâfir qatı yaklandı*¹³ 'Казан бек видел, что гяур совсем приблизился'; *Qöğürmisiz ağam Kazan baş kesdi*¹⁴ 'Видите, мой господин, Казан рубит головы'.

В этом же значении *көг-* встречается в письменных памятниках азербайджанского, турецкого и туркменского языков: *Јәгин чәннәт јүзин көрмәз бир адәм...* (Насими) 'Наверняка не увидит лицо рая тот человек...'; *Dostu görmek mi dilersin...* (Юнус Эмре, XIV в.) 'Желаешь ли увидеть друга...'; *Гөрүн бу эйямы...* (Махтумкули, XVIII в.) 'Видите эту эпоху...'; *Сейди диер, инди түкенди сөзүм, Гидейин сизлери гөрмесин гөзүм* (Сейди, XVIII в.) 'Сейди говорит, «теперь кончились (мои) слова, Уйдемте, чтобы вас не видели мои глаза»; *Рысвалык иле чыкды элемге мениң адым. Рехм этмезми бир гөрсе бу халда мени шадым* (Гайыбы, XVIII в.) 'Срамом ославилось имя мое в мире. Не сжалится ли, если увидит меня в таком состоянии, шад (мой)'; *Нәгехан гөрдүм йүзин...* (Молланепес, XIX в.) 'Неожиданно увидел (я) лицо (твое)'; *Патыша Шабәхрамы гөргеч, хайран галды* (Шабенде, XVIII в.) 'Падишах, увидя Шабәхрама, изумился'.

⁸ Примеры из тезкире «Шейх Сафи» были любезно представлены А. Ш. Садыховым, за что автор выражает ему свою искреннюю признательность. Данная рукопись хранится в рукописном фонде Ленинградской библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (каталог Ханыхова, 91).

⁹ «Гагаузско-руско-молдавский словарь». М., 1973, стр. 117.

¹⁰ «Древнетюркский словарь», стр. 321.

¹¹ «Гагаузско-руско-молдавский словарь», стр. 117.

¹² С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 28.

¹³ *Muharrem Ergin*. Dede Korkut kitabı. Ankara, 1958, стр. 160.

¹⁴ Там же, стр. 161.

Глагол *kög-* выражает во всех тюркских языках, в которых он встречается, значение «видеть»: в якутском¹⁵, алтайском¹⁶, хакасском¹⁷, кумыкском¹⁸, тувинском¹⁹, уйгурском²⁰, башкирском²¹, карачаево-балкарском²², татарском²³, киргизском²⁴ и т. д.

Другим основным значением глагола *kög-* является «смотреть»: (11) ... *aңар көрү билің* '... смотря на него, знайте (то есть учитесь) вы...' (Кюль-Тегин. Малая надпись)²⁵; (2) ... *közi jögärjü körti* '... глаза (его) смотрели вверх (на трон)' (Памятник хану Могилян)²⁶; *bu meniñ jiti giliñimñ körünlär* 'посмотрите на этот мой острый меч' (Uig I 41₁₄)²⁷.

Глагол *kög-* в языке памятника «Покаянная молитва манихейцев» употреблен в значении «смотреть»: (616) ...*ынару бәрү көрjн* (20) '... взглянув (досл.: смотрев) по сторонам (досл.: туда-сюда)...'²⁸.

Глагол *kög-* управляет в языке древнетюркских письменных памятников дательного-направительного (... *aңар көрj*) и винительного падежами (... *бунь көрj*). В значении «видеть» он стабилизировался как переходный глагол, по-видимому, уже в период древнетюркских памятников, а в значении «смотреть» выступает и как переходный, и как непереходный глагол. Факты памятников позволяют заключить, что глагол *kög-* исторически являлся основным глаголом зрения.

Употребление глагола *kög-* в значении «смотреть» встречается и в произведениях Насими: ... *онун ичини көр, дашини* '... смотри его внутренность (содержание) и наружность'.

Глагол *kög-* в значении «смотреть» употребляется и в ряде современных тюркских языков: якутском²⁹, алтайском³⁰, хакасском³¹, тувинском³² и т. д.

Кроме значений «видеть» и «смотреть», глагол *kög-* имеет еще значение «подчиняться». В этом значении он употребляется в цитируемых ниже примерах из древнетюркских письменных памятников: (1) *Türk budun Tabγasqa köγür ärti* '(Так, как и весь) тюркский народ был в подчинении у государства Табгач' (Тоньюкук)³³; (39) ... *татабы будун табгач казанка көγтi* '... Народ (тат) бийцев подчинился хакану табгачей ...' (Памятник хану Могилян)³⁴; (2) ... *анта iчräki будун көм* (*аңа көрjр...* '... (повсюду) там (то есть в этих пределах) живущие (букв.: находящиеся внутри) народы все мне подвластны' (Кюль-Тегин. Малая надпись)³⁵. В современном азербайджанском языке этому значению глагола *kög-* соответствует глагол *бах-*.

¹⁵ «Русско-якутский словарь». М., 1963, стр. 63.

¹⁶ «Русско-алтайский словарь». М., 1964, стр. 54.

¹⁷ «Русско-хакасский словарь». М., 1961, стр. 95.

¹⁸ «Русско-кумыкский словарь». М., 1960, стр. 85.

¹⁹ «Русско-тувинский словарь». М., 1953, стр. 66.

²⁰ «Русско-уйгурский словарь». М., 1956, стр. 105.

²¹ «Русско-башкирский словарь». М., 1964, стр. 86.

²² «Русско-карачаево-балкарский словарь». М., 1965, стр. 68.

²³ «Русско-татарский словарь», т. I. Казань, 1955, стр. 194.

²⁴ «Русско-киргизский словарь». М., 1957, стр. 79, 134.

²⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 28.

²⁶ С. Е. Малов. Древнетюркские памятники Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 16.

²⁷ «Древнетюркский словарь», стр. 317.

²⁸ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 108.

²⁹ «Русско-якутский словарь», стр. 589.

³⁰ «Русско-алтайский словарь», стр. 706.

³¹ «Русско-хакасский словарь», стр. 800.

³² «Русско-тувинский словарь», стр. 546.

³³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 61.

³⁴ С. Е. Малов. Древнетюркские письменные памятники Монголии и Киргизии, стр. 18.

³⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 27.

В приведенных примерах глагол *kög-* управляет дательно-направительным падежом.

В древнетюркских памятниках глагол *kög-* употребляется также в значении «испытывать», «иметь»: *op oq bodun emgäk körti* 'народ десяти стрел испытал (букв.: увидел) трудности, лишения' (КТб₁₉)³⁶. В азербайджанском языке употребляется выражение *nis kün körmək* 'испытывать трудности (досл.: увидеть плохой день)'. В словарях тюркских языков огузской группы это значение глагола *kög-* отсутствует.

Глагол *kög-* в ряде тюркских языков имеет и значение «ухаживать, заботиться, смотреть (за кем-либо), присматривать (за кем-либо)»: в якутском — *ыалдьааччылары көр* 'ухаживать за больными'³⁷; в хакаском — *олғаннар соонаң көрібізеге* 'присмотреть за детьми'³⁸; в алтайском — *балдарды көрүп турар* 'смотреть за детьми'³⁹; в карачаево-балкарском — *кэайгыысын этерге* (или *кёрюрге*) 'заботиться (проявлять заботу)'⁴⁰. В тюркских языках огузской группы это значение выражается глаголом *baq-*.

Согласно изложенному, глагол *kög-* употребляется в нескольких значениях, из которых общим для всех современных тюркских языков является значение «видеть». Исходя из совокупности фактов, свидетельствующих о ярко выраженной этимологической связи *kög-* с *köz* 'глаз', А. А. Юлдашев предполагает, что значение «видеть» является исходным и основным для глагола *kög-*, тогда как все другие его значения производны⁴¹.

Вторым широко распространенным в тюркских языках глаголом зрения является *baq-*. В письменном памятнике «Золотой блеск» этот глагол употреблен в значении «внимательно смотреть»: *baqar erdi qatmaŋta* 'во всех (местах) внимательно смотрели' (637₉)⁴². В «Кутадгу билиг» этот глагол встречается в значении «обозревать, разглядывать»: *bu saqlıq bilä sen tüzü elkä baq* 'с этой внимательностью ты обозревай всю (свою) страну' (QVK 104₅); *közi qanča baqsa bu köñli naŋu* 'куда глядят их глаза, там и их сердца' (QBN 325₁₅)⁴³.

Глагол *baq-* употреблен в значении «смотреть» и в «Диване» Махмуда Кашгари: *Künge baksa köz kamaŋ* (МК I, 340) 'Если смотреть на солнце, в глазах рябит'; *Ol maŋa bakdı* (МК II, 16) 'Он посмотрел на меня'.

В «Китаби Дедем Коркуд» глагол *baq-* встречается в трех значениях: а) «смотреть», б) «ожидать», в) «смотреть за (кем-либо, чем-либо)»:

а) Глагол *baq-* в значении «смотреть»:

*Bakdı gördi Oğuzun uçunda bir ala şayvan dikilmiş*⁴⁴ 'Смотрел и видел, что у огузов построен высокий шатер'.

В этом значении глагол *baq-* используется в письменных памятниках азербайджанского, турецкого и туркменского языков: *Бах онун үзүнә илаһини көр* (Насими, XIV в.) 'Смотри на ее лик — узри бога!'; ... *kamu bakdı yere*... (Ашык Паша, XIV в.) '... все смотрели вниз (досл.: на землю)'.

³⁶ «Древнетюркский словарь», стр. 317.

³⁷ «Якутско-русский словарь», стр. 489.

³⁸ «Русско-хакаский словарь», стр. 679.

³⁹ «Русско-алтайский словарь», стр. 706.

⁴⁰ «Русско-карачаево-балкарский словарь». М., 1965, стр. 167.

⁴¹ А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 301.

⁴² «Древнетюркский словарь», стр. 81.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Muharrem Ergin. Dede Korkut kitabı, стр. 118.

Глагол *baq-* в значении «смотреть» в современных тюркских языках гагузской группы управляет дательно-направительным падежом. В языке классической турецкой и туркменской литературы *baq-* в значении «смотреть» употребляется не только с дательно-направительным, но и с винительным падежом: *Bak a şunın sözünü* (Юнус Эмре, XIV в.) 'Смотри на его слова...'; ... *бакың гердиши* ... (Махтумкули, XVIII в.) '... посмотрите на коловращение рока'; *Бакгыл аягын астыны...* (Сейди, XVIII в.) 'Смотри под ногу (свою)...'.

В современном турецком языке глагол *baq-* в значении «смотреть» управляет и дательно-направительным, и винительным падежами: *gözünü içine bakmak* 'смотреть в глаза кому-либо'; *Palto için kumaş baktık* 'Мы смотрели кумаш (материя) на пальто'⁴⁵.

Можно предполагать, что некогда глагол *baq-* (по аналогии с глаголом *kög-*) в значении «смотреть» управлял дательно-направительным и винительным падежами. В современных тюркских языках его функции стабилизировались, и он управляет только дательно-направительным падежом.

б) Глагол *baq-* в значении «ждать, ожидать»:

*Bir ay baksun. Bir ayda varmaz-isem iki ay baksun. İki ayda varmaz-isem üç ay baksun. Üç ayda varmaz-isem öldüğümü ol vakt bilsün*⁴⁶ 'Пусть ждет месяц. Через месяц если не приду, пусть ждет два месяца. Через два месяца если не приду, пусть ждет три месяца. Через три месяца если не приду, пусть тогда она считает меня умершим'; *Yigidiñ men saña bir yıl baķam. Bir yılda gelmez-iseñ iki yıl baķam. İki yılda gelmez-iseñ üç dört yıl baķam. Dört yılda gelmez-iseñ biş yıl altı yıl baķam*⁴⁷ 'Мой храбрец, я тебя жду год. Через год если не придешь, два года подожду. Через два года если не придешь, три-четыре года подожду. Через четыре года если не придешь, пять-шесть лет подожду'.

Во втором примере глагол *baq-* управляет дательно-направительным падежом. В современном азербайджанском языке в этом значении употребляется глагол *közlä-*.

в) Глагол *baq-* в значении «смотреть за (кем-либо, чем-либо), присматривать, ухаживать»:

*Yanım ala baķduğumda kōñşuma eyü baķdım*⁴⁸. 'Осмотревшись вокруг, я стал лучше относиться (досл.: смотреть) к своему соседу (?)'.

В данном примере глагол *baq-* управляет винительным падежом. В том же значении и той же функции он встречается и в произведениях Молланепеса (XIX в.): *Мен сувда акып гитсем Гарып энеми ким бакар. Багу — бакжамы şатып Энени өзүм бакар* (Молланепес. Зохране-Гакхыр) 'Если я уплыву, за бедной матерью моей кто будет смотреть? — Сад и палисадник мой продам. За твоей матерью сама буду смотреть'. Глагол *baq-* в этом значении встречается и в гагаузском языке: *хайван бакмаа* 'ухаживать за скотом'⁴⁹.

В том же значении этот глагол употреблен и в «Шаджәрә-и тәраки-мә» (1408—1409): *Tävāni бакыб олтуруб әрдиләр* 'Они присматривали за верблюдами'⁵⁰.

В значении «смотреть за» глагол *baq-* в турецком языке управляет дательно-направительным падежом: *Hastaya hangi hekim bakıyor* 'За больным какой врач смотрит'; *Çok yaşlı amma, vaktiyle kendine iyi bakmış*

⁴⁵ «Русско-турецкий словарь». М., 1972, стр. 848.

⁴⁶ *Muhammed Ergin*. Упом. раб., стр. 170.

⁴⁷ Там же, стр. 228.

⁴⁸ Там же, стр. 164.

⁴⁹ «Гагаузско-русско-молдавский словарь», стр. 69.

⁵⁰ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. М.—Л., 1958, стр. 147.

‘Очень стар, но в свое время за собой хорошо смотрел’; *Bu taya bakılsa, güzel bir at olacak* ‘Если смотреть за этим жеребенком, станет он хорошим конем’⁵¹; *çiçeklere bakmak* ‘ухаживать за цветами’⁵²; *bahçeye bakmak* ‘ухаживать за садом’⁵³. Этот глагол встречается в азербайджанском языке в значении «ухаживать за», «пасти»: *Чобанын иши нә олар гојун-гузуја бахмаг...* (Т. Эфэндијев. Дағ јолу, стр. 55) ‘Какое дело у пастуха — пасти овец да ягнят...’

Интересно отметить, что в рассматриваемом значении глагол бақ- в туркменском и гагаузском языках является переходным и управляет винительным падежом, в турецком же и азербайджанском языках — он непереходный и управляет дательно-направительным падежом.

Глагол бақ- в турецком языке в составе сочетания *dāvaya bakmak* ‘слушать (букв.: смотреть) дело’ управляет дательно-направительным падежом, так же как и в азербайджанском языке: *Məhkəmə Əlinin işini nə baxdı* ‘Суд слушал (букв.: смотрел) дело Али’. В ряде современных тюркских языков глагол бақ- также означает «ухаживать, заботиться о ком-либо»: в уйгурском — *балиларни бақмак* ‘ухаживать за детьми’⁵⁴; в киргизском — *оорулуу адамды багуу* ‘ухаживать за больным’⁵⁵; в каракалпакском — *кеселди бағый* ‘смотреть больного’⁵⁶; в казахском — *балаларды бағып-қағу* ‘смотреть за детьми’⁵⁷.

В азербайджанском языке глагол бақ- употребляется также в значении «подчиняться»: *Заманлы кəнди Кəдəбəјə бахыр* ‘Село Заманлы подчиняется Кедабеку’. В этом значении глагол бақ- встречается и в ряде письменных памятников тюркских языков.

Так, в «Легенде об Огуз-кагане» (XIII в.) глагол бақ- употреблен в значении «подчиняться (букв.: смотреть в рот) кому-либо»: *Oşul kim meniñ aŗızumqa baqaŗ ŗurur bolsa ŗartŗu tartŗp dost ŗutar men* ‘Кто мне подчиняется, (с того) я буду взимать поборы и буду считать его другом’ (ЛОК 13₃); *Oşbu kim aŗızumqa baqmaz ŗurur bolsa... duşman ŗutar men* ‘Если кто мне не подчиняется..., буду считать врагом’ (ЛОК 13₄)⁵⁸.

В таком же значении глагол бақ- встречается в «Шəджəрə-i tərar-kimə» (1659—1661) — сочинении Абу-л Гази хана Хивинского: *Барчасыны өз аŗзына бактуруб* (268)⁵⁹ ‘Подчинив (досл.: заставив их всех смотреть в свой рот) их всех к себе...’; *Обуз ханға бакынмады* (356) ‘Он не подчинился (досл.: не смотрел) Огуз-хану’⁶⁰.

В значении «подчиняться» глагол бақ- употребляется в ряде современных тюркских языков: каракалпакском — *приказға бағыныў* ‘подчиниться приказу’⁶¹; казахском — *бўйрыққа бағыну* ‘подчиниться приказу’, *бұл мекеме біздің министрствого бағынады* ‘это учреждение подчиняется нашему министерству’⁶²; киргизском — *бағынуу* ‘подчиняться (кому-чему)’⁶³; алтайском — *бактырар* ‘подчинить кого-что (завоевать, покорить)’⁶⁴ и т. д.

⁵¹ «Türkçe sözlük». Ankara, 1959, стр. 82.

⁵² «Русско-турецкий словарь», стр. 960.

⁵³ Там же, стр. 848.

⁵⁴ «Русско-уйгурский словарь», стр. 1356.

⁵⁵ «Русско-киргизский словарь», стр. 907.

⁵⁶ «Русско-каракалпакский словарь». М., 1967, стр. 946.

⁵⁷ «Русско-казахский словарь». М., 1954, стр. 755.

⁵⁸ «Древнетюркский словарь», стр. 21.

⁵⁹ В примерах из «Родословной туркмен» цифра в скобках соответствует номеру строки оригинального текста.

⁶⁰ А. Н. Кононов. Родословная туркмен, стр. 139, 140.

⁶¹ «Русско-каракалпакский словарь», стр. 706.

⁶² «Русско-казахский словарь», стр. 555.

⁶³ «Русско-киргизский словарь», стр. 586.

⁶⁴ «Русско-алтайский словарь», стр. 521.

Типичным для кыпчакской группы тюркских языков глаголом зрения является глагол *қаға-*. Этот глагол нам не удалось обнаружить в древнетюркских памятниках (V—VIII вв.). В этих памятниках встречается слово *qagaγu* со значениями «дозор, передовое охранение (в противоположность *jelmä* 'отряд разведки)', стража, охрана»: *Uzun jelmäg jemä itim-oq arquj qagaγu ul[u]γartdim-oq janıγta jayıγ kelü bilirtim* 'Я и разведку послал на далекие расстояния (букв.: длинную разведку — то есть на длинные переходы), и дозоры аркуй (?) я увеличил, и (поэтому) я знал о приближении угрожающих нам врагов' (Тон 53); *Oluruγ tejin temiş yelmä qagaγu edgüti urγıl basıtma* 'Пребывай на месте! — сказал (каган), — хорошо расставь (отряды) разведки и дозоры, не допусти, чтобы [враг] напал на тебя [внезапно]' (Тон 34); *Bu kün men-me dāvlāt qagaγu sanı/maγa kim ilinsä tutar men anı* 'Сегодня именно я считаюсь стражем государства/кто ко мне приблизится, я того хватаю' (QBN 58₉)⁶⁵. Слово *qagaγu*, несомненно, образованное от глагола *қаға-*, можно расчленить на *қаға-* 'смотреть' и *-γu* (словообразовательный аффикс). Итак, налицо компонент *қаға-*, то есть корень глагола *қаға-*, существовавший в древнетюркских памятниках.

Корень *қаға-* сохранился и в азербайджанском языке в словах: *ғараул* 'сторожа, охрана', *ғараулчу* 'сторож, охранник'. Кроме того, можно предположить, что послелог *ғаршы* также восходит к корню *қаға-*⁶⁶.

Основное значение глагола *қаға-* в туркменском языке «смотреть, глядеть»: *йүзүне ғарамак* 'смотреть в лицо кому-либо'; *белентликден ғарамак* 'глядеть с высоты, обозревать с высоты'; *даш-төверегине ғарамак* 'осмотреться вокруг'; *ғарап дурмак* 'смотреть, глядеть (постоянно)'⁶⁷.

Глагол *қаға-* в значении «смотреть» употребляется и в ряде тюркских языков: казахском⁶⁸, карачаево-балкарском⁶⁹, каракалпакском⁷⁰, киргизском⁷¹, уйгурском⁷², татарском⁷³ и т. д.

Глагол *қаға-* встречается и в письменных памятниках туркменского языка: *Өнүң гара, ызың гөзле, Хош сөзүң дий, гахрың гизле* (Махтумкули, XVIII в.) 'Смотри вперед, обозри свой след, Скажи свое доброе слово, гнев утай'; *Балахуси энесиге ғарап...* (Шабенде. Шабэхрам, XVIII в.) 'Балахуси смотрел на свою мать!..'. Как видно из примеров, в туркменской классической литературе глагол *қаға-* выступает и в переходном (управляет винительным падежом), и в непереходном значениях (управляет дательно-направительным падежом), а в современном туркменском языке он обычно является непереходным: *Керим мыхманларың йүзлерине йылгырып гарады* (журнал «Совет эдебияты») 'Керим, улыбаясь, смотрел на лица гостей'; *Бу меселе гечен йыгнакда гарадылар*⁷⁴ 'Этот вопрос рассмотрели на прошедшем собрании'. Однако в современном туркменском языке нам встретился пример, в котором глагол *қаға-* управляет винительным падежом: ... *ызыны га-*

⁶⁵ «Древнетюркский словарь», стр. 424.

⁶⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 323; *его же*: Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 308; А. М. Шербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 188.

⁶⁷ «Туркменско-русский словарь». М., 1968, стр. 160.

⁶⁸ «Русско-казахский словарь», стр. 755.

⁶⁹ «Русско-карачаево-балкарский словарь», стр. 585.

⁷⁰ «Русско-каракалпакский словарь», стр. 946.

⁷¹ «Киргизско-русский словарь», стр. 346.

⁷² «Уйгурско-русский словарь», стр. 583.

⁷³ «Татарско-русский словарь». М., 1966, стр. 231.

⁷⁴ «Туркмен дилиниц сөзлүги» Ашгабат, 1962, стр. 147.

раман чыкып гитди (газ. «Совет Түркменистаны») '... несмотря на свои следы, ушел он'. Глагол қага- в узбекском литературном языке употребляется в переходном, а в разговорной речи — в непереходном значениях⁷⁵.

Глагол қага- приведен и в «Толковом словаре турецкого языка» (в форме кага-) как синоним глаголов bag- и gözet-⁷⁶.

Глагол қага- употребляется и в памятниках уйгурского письма: Atin tinin tartar turdi qarar çinäkka inça ter ajtti 'Натянув поводья лошади [принц — бодисатва], остановился, посмотрев [на этих людей], так спросил Чинека (USp 973)⁷⁷.

Глагол қага- употребляется в монгольском⁷⁸ и в якутском⁷⁹ языках в форме хара-. В азербайджанском литературном языке этот глагол отсутствует.

В туркменском языке глагол қага- встречается и в значении «подчиняться»: бир эле гарамак 'подчиняться одному лицу (букв.: смотреть в одну руку)⁸⁰.

В «Шаджарә-и тәракимә» этот глагол также употреблен в значении «подчиняться»: Ол вактда халг Тоғрулның абызы карајтуруп әрдиләр (1078—1079) 'В те времена народ подчинялся (досл.: смотрел в рот) Тоғрулу⁸¹.

Глагол қага- в туркменском языке имеет и значение «присматривать, следить, ухаживать»: сыркава гарамак 'ухаживать за больным', чагалара гарамак 'присматривать за детьми⁸².

Глагол қага- выражает это значение и в большинстве современных тюркских языков: башкирском — балаларзы карау 'смотреть за детьми⁸³; казахском — балаларды қарау 'присматривать за детьми⁸⁴; кумыкском — аврувгъа къарамакъ 'смотреть за больным⁸⁵; татарском — бала карау 'нянчить ребенка; присматривать за ребенком⁸⁶.

Примечательно, что в алтайском и каракалпакском языках глагол қага- употребляется вместе с көг-: алт. *карап корөр*⁸⁷, каракалп. *карап көриу*⁸⁸ и имеет значение «смотреть» (досл.: смотря видеть).

Последним из рассматриваемых глаголов зрения является глагол közlä-, отмеченный в «Древнетюркском словаре» в значениях «сторожить, присматривать»: kögüklüg qajaqa qonupan közläjür men 'усевшись на красивой скале, я смотрю (вокруг)' (ThS II₉₉)⁸⁹.

Этот глагол встречается и в письменном памятнике «Китаби Дедем Коркуд»: Qözçi gözledi, gördi kim...⁹⁰ 'Лазутчик выследил и заметил, что...'

В обоих случаях глагол közlä- означает «смотреть». Глагол közlä- образован от существительного köz- 'глаз' с помощью словообразова-

⁷⁵ К. Рахманбердиев. Глаголы зрительного восприятия. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1969, стр. 9.

⁷⁶ «Türkçe sözlük», стр. 430.

⁷⁷ «Древнетюркский словарь», стр. 424.

⁷⁸ «Русско-монгольский словарь». Улан-Батор, 1967, т. I.

⁷⁹ «Русско-якутский словарь». М., 1968.

⁸⁰ «Туркменско-русский словарь», стр. 160.

⁸¹ А. Н. Кононов. Родословная туркмен, стр. 146.

⁸² «Туркменско-русский словарь», стр. 156.

⁸³ «Русско-башкирский словарь», стр. 143.

⁸⁴ «Русско-казахский словарь», стр. 614.

⁸⁵ «Русско-кумыкский словарь», стр. 492.

⁸⁶ «Татарско-русский словарь», стр. 231—232; «Русско-татарский словарь», т. I, стр. 194.

⁸⁷ «Русско-алтайский словарь», стр. 107.

⁸⁸ «Русско-каракалпакский словарь», стр. 946.

⁸⁹ «Древнетюркский словарь», стр. 321.

⁹⁰ Muharrem Ergin. Упом. раб., стр. 221.

тельного аффикса -lā, и его значение тесно связано с функцией зрительного органа (ср. азерб.: *əl* 'рука', *əllə* 'трогать рукой, ощупывать', *əjağ* 'нога', *əjağla* 'топтать, попира́ть ногами'). Поэтому наиболее древним значением этого глагола следует считать значение «смотреть». Кроме основного первичного значения, глагол *közlā* имеет и ряд производных значений.

В письменных памятниках азербайджанского и туркменского языков *közlā* означал «смотреть в ожидании на дорогу», «ждать с нетерпением»: *Гуллуға бел бағладым султаны көзләр көзләрим* (Насими, XIV в.) 'Я готов быть слугой, глаза мои находятся в ожидании султана'; ... *Шабəхрамы гəзлєр гəзлєрим* (Шабенде. Шабəхрам, XVIII в.) ... 'глаза мои ожидают Шабəхрама'.

В современном туркменском языке глагол *gözle* употребляется в следующих значениях: 1) «искать», «разыскивать», «шарить», *гєрек китабыны гəзлємєк* 'искать нужную книгу'; *жүблєрини гəзлємєк* 'шарить в карманах'; *алындакыны алты ай гəзлєр* (погов.) 'иной ищет шесть месяцев, что у него под рукой'; 2) «смотреть», «поглядывать»; *даштөвєрегини гəзлємєк* 'смотреть вокруг себя, оглядываться вокруг'; *ёлы гəзлємєк* 'смотреть в ожидании на дорогу; ждать с нетерпением'; 3) «искать», «добиваться чего-либо», «стремиться к чему-либо»: *чыкалга гəзлємєк* 'искать выход'; *дава гəзлємєк* 'искать ссоры'⁹¹.

Основное значение глагола *gözlā* в азербайджанском языке — «ожидать». В «Азербайджанско-русском словаре» даются следующие его значения: 1) «ждать», «ожидать», «выжидать», «поджидать»; 2) «стеречь», «охранять», «сберегать»; 3) «соблюдать»⁹². В турецком языке, кроме «ожидать», этот глагол имеет значение «обращать взор»⁹³. В гагаузском языке глагол *gözlā* [*gözle*] имеет значения «наблюдать, следить за кем-либо, поглядывать»⁹⁴.

Кроме приведенных основных глаголов зрения, в тюркских языках юго-западной группы имеется и ряд производных глаголов зрения, возникших значительно позднее: *бојлан*- (азерб.), *сејрет*- (азерб.), *серет*- (туркм.), *seret*- (тур.), *тамаша ет*- (азерб.), *əçет*-, *сынла*- (туркм.) и др.

Обобщая сказанное, сопоставим значения рассмотренных выше глаголов зрения:

kög:- 1) «смотреть», «видеть»; 2) «подчиняться»; 3) «испытывать», «иметь»; 4) «заботиться», «ухаживать»;

baq:- 1) «смотреть», 2) «ожидать»; 3) «смотреть за», «присматривать», «ухаживать»; 4) «подчиняться»;

qara:- 1) «смотреть», 2) «подчиняться», 3) «присматривать», «пасти»;

közlā:- 1) «искать», «разыскивать»; 2) «смотреть», «поглядывать»; 3) «ожидать»; 4) «стеречь», «охранять», «сберегать»; 5) «соблюдать».

Сравнительное изучение общетюркских письменных памятников и памятников отдельных тюркских языков показало, что основные значения рассмотренных глаголов зрения стабильны. Их производные значения, развившиеся из основных, семантически как бы подчинены первичному значению и со временем мало от него отделились.

⁹¹ «Туркменско-русский словарь», стр. 198.

⁹² «Азербайджанско-русский словарь». Баку, 1965, стр. 226.

⁹³ «Türkçe sözlük», стр. 321.

⁹⁴ «Гагаузско-русско-молдавский словарь», стр. 117.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Я. Ш. ХЕРТЕК

О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ В НЕКОТОРЫХ ТЮРКСКИХ И СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

В каждом из тюркских языков имеются оригинальные фразеологизмы, связанные с обычаями, традициями и бытом народа — носителя языка. Наряду с этим в тюркских языках встречается также множество фразеологизмов, имеющих общую семантику, одинаковый лексический состав и синтаксическую структуру; это явление отражает историческую и языковую общность тюркоязычных народов в древности, а также их этногенетические и культурные контакты в последующие эпохи. «Материальное единство тюркских языков, — пишет Н. А. Баскаков, — и общая их фонетическая и грамматическая структура, имеющая дифференциальные особенности только в деталях, объясняется единством происхождения этих языков»¹. И. А. Батманов высказывает следующую точку зрения: «Все тюркские языки содержат общие лексические, грамматические и некоторые фонетические элементы, повторяя в то же время часть древних компонентов»².

Г. А. Байрамов подчеркивает: «Наши исследования, в историческом плане проведенные параллельно с изучением фразеологии современного азербайджанского и некоторых других тюркских языков, показали, что десятки... фразеологических единиц... имеют полную аналогию в нескольких тюркских языках и по лексическому составу, и по характеру синтаксической связи между компонентами, и по общему значению»³. Это положение подтверждается данными, полученными в ходе нашего исследования.

Одной из особенностей современного тувинского языка является наличие большого числа фразеологических и лексических заимствований из монгольского языка.

В настоящей статье мы рассматриваем фразеологизмы современного тувинского языка в сравнении с фразеологизмами тюркских языков соседних народов Южной Сибири, а также киргизского и турецкого. Нами привлечен также материал современного монгольского языка.

Остановимся на примерах фразеологизмов из различных языков.

¹ Н. А. Баскаков. Тюркские языки (Общие сведения и типологическая характеристика). — «Языки народов СССР», т. II. «Тюркские языки». М., 1966, стр. 16.

² И. А. Батманов, Э. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 17.

³ Г. А. Байрамов. Основы фразеологии азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1970, стр. 73.

Примеры из тувинского языка: *sugluq čoq salyɣ*⁴ 'говорить без стеснения что попало' (букв. 'пустить без удил'), *ezeŋgi qyɣynda* 'готов уехать сейчас же' (букв. 'на стремени'), *ezeŋgi dɣyzydaɣ* 'выпить немного (спиртного)' (букв. 'натянуть стременные ремни'), *qyzyl dustār* 'умирать' (букв. 'уехать за красной солью'), *eɣdi āryɣ* 'испытывать родовые схватки (о человеке)' (букв. 'тело ее болит'), *aqsyp čajaɣ* 'объезжать (необъезженную лошадь)' (букв. *aqsyp* 'его рот', *čajaɣ* 'махать'), *mojnu ɣzāɣ* 'голодать' (букв. 'шея его удлиняется'), *baq qeži dūzer* 'наедаться досыта, пировать, быть угощенным обильным обедом' (букв. 'вылезать из плохой кожи'), *āɣta dūzer* 'переплыть (горный поток), держась за гриву или хвост лошади' (букв. 'тонуть на лошади'), *ɣdɣny qežip aŋdaɣa qeder* 'заупрямиться' (букв. 'шкуру своей собаки надевать наизнанку'), *tāqru tɣr bēɣ* 'посетить кого-либо после смерти близкого ему человека, чтоб разделить его горе, выразить свое соболезнование' (букв. 'угостить табаком'), *āɣt čazār* 'сопровождать конское состязание на дальнее расстояние' (букв. 'править (направлять) лошадьми'), *ajaq eɣni ɣzyɣaɣ* 'быть угощенным чаем или обедом' (букв. 'кусать края пиалы'), *šaj buzar* 'сделать помолвку' (букв. 'крошить чай'), *čatqa bār* 'выйти замуж' (букв. 'идти к чужим'), *āɣdu argan* 'неудачник (о человеке, который опоздал на угощение)' (букв. 'конь у него худой'), *ös edeɣ* 'заморить червячка' (букв. 'поправить аорту') и многие другие.

Примеры из других тюркских языков⁵: кирг. *qudaɣ qaŋtargaŋ* 'неудачник (о человеке, который опоздал на угощение)' (букв. 'недопущенный небом'), *žyɣōɣu tajlū* 'отчаянно смелый' (букв. 'сердце его покрыто жиром'), *qatū baš* 'скупой' (букв. 'твердая голова'), *taš qulaq* (букв. 'каменное ухо'), *qum qulaq* (букв. 'песочное ухо') и *toŋ qulaq* (букв. 'мерзлое ухо') 'туг на ухо';

хак. *qōɣceŋ sām čogul* 'ненавидеть' (букв. 'нет силы смотреть');

тур. *ag'zy qulaqlaɣyna varɣu* 'испытывать большую радость, быть на седьмом небе' (букв. 'рот его к ушам пошел'), *qūplere bɣnmeq* 'сильно злиться, рассердиться, разгневаться' (букв. 'садиться верхом на кувшины').

1. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ТУВИНСКОМ И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

К фразеологическим параллелям нами относятся:

- 1) идентичные фразеологизмы, совпадающие по значению и лексическому составу;
- 2) фразеологизмы, одинаковые по значению, но различающиеся частично по лексическому составу;
- 3) фразеологизмы, одинаковые по лексическому составу, но различающиеся по значению.

Приведем конкретные примеры.

⁴ Примеры даны в фонетической транскрипции, принятой редакцией журнала «Советская тюркология». Исключением является знак *ɣ*, которым обозначается фарингализация предшествующего гласного в тувинских словах. Кроме того, следует оговорить, что в тувинском языке звук *d* в зависимости от позиции произносится и звонко, и глухо, и в наших примерах он соответственно выражен через *d* и *t*.

⁵ Сравнительный материал из других тюркских языков взят из следующих двуязычных словарей: «Ойротско-русский словарь». М., 1947; «Хакасско-русский словарь». М., 1953; «Киргизско-русский словарь». М., 1965; «Турецко-русский словарь». М., 1945; «Русско-турецкий словарь». М., 1945; «Русско-хакасский словарь». М., 1961; «Русско-алтайский словарь». М., 1964.

**Идентичные фразеологизмы в нескольких тюркских языках,
совпадающие по значению и лексическому составу**

Тув. *aq sagyštyg* || алт. *aq sagyštu* || хак. *ax sagystyγ* || кирг. *aq qöñüldü*: 'добрый, честный, доброжелательный, отзывчивый' [*букв.* 'душа его белая, с белым желанием (в отношении других)'], ср. еще в калмыцком языке аналогичный фразеологизм *saḥan sedqltä* с аналогичным лексическим составом и тем же значением⁶;

тув. *qara sagyštyg* || алт. *qara sagyštu* || хак. *xara sagystyγ* || кирг. *qara qöñüldü*: 'коварный, злой, злонамеренный' (*букв.* 'душа его черная, с черным желанием');

тув. *čürē aqsynğa qēr* || кирг. *žürögü özuna tygył* || тур. *jüregi agzyna gelmeq* 'сильно перепугаться' (*букв.* 'его сердце переходит в рот');

тув. *qulā qadyg* || хак. *xulā xatyγ* 'глуховатый, туг на ухо' (*букв.* 'уши его твердые');

тув. *qaraq čiveš dēr arazynda* || кирг. *qöz ilēšqenče* 'мгновенно, в один миг' (*букв.* 'пока глаз мигнет');

тув. *xolu āγ* || кирг. *qolu öγ* 'удар его силен, зарезанное им животное недолго конвульсирует' (*букв.* 'его рука тяжелая');

тув. *xolu či:q* || кирг. *qolu ženil* 'удар его слаб, зарезанное им животное долго конвульсирует' (*букв.* 'его рука легкая');

тув. *čüreq čoq* || алт. *žüreq žoq* 'ленивый, боязливый, трусливый' (*букв.* 'без сердца');

тув. *sōq qō:γ* 'смотреть недружелюбно' || алт. *sōq qōγ* 'охладеть, не любить' (*букв.* 'смотреть холодно');

тув. *dyly azyγ* || хак. *tili ačyγ* 'дерзкий, злоязычный' (*букв.* 'у него язык терпкий');

тув. *ištinde dištig* || хак. *istinde tistig* 'коварный, злонамеренный' (*букв.* 'внутри имеющий зуб');

тув. *qaraq-qulaq čoq* 'как попало, сломя голову' || хак. *хагах-хулах čох* 'без оглядки, быстро, спешно' (*букв.* 'без глаз и ушей');

тув. *baš qōdürbejn* 'непрерывно, упорно (работать)' || кирг. *baš qōtōγ-bōj* 'непрерывно, упорно' (*букв.* 'не поднимая головы');

тув. *čürē ölgen 1)* 'изнуренный', 2) 'запуганный, проученный' || кирг. *žürögü öldü* 'он запуган, боязлив' (*букв.* 'у него сердце омертвело');

тув. *čüreqqe dēr* 'приесться, опротиветь (о жире), надоесть (о работе)' || кирг. *žürögünö tijgen* 'ему приелось, ему опротивело' (*букв.* 'задеть его за сердце');

тув. *qoqajğa hoj qadartpa* || кирг. *börügö qoj qajtartpa* 'не поручай важного дела ненадежному человеку, не пускай козла в огород' (*букв.* 'не поручай волку пасти овец');

тув. *ās ažag* 'говорить, высказаться против' || тур. *ag'yz ašmaq 1)* 'говорить, заговорить'; 2) 'начать ругаться'; 3) 'заниматься сплетнями' (*букв.* 'открыть рот');

тув. *ās azytтыrbas* || тур. *ag'yz ačтырмаmaq* 'не дать вымолвить слова, не дать говорить' (*букв.* 'не дать рта раскрыть');

тув. *aqsyn tuttunar 1)* 'хранить молчание, держать язык за зубами'; 2) 'крайне сожалеть о чем-либо упущенном в свое время' || тур. *ag'зыпу tutmaq* 'хранить молчание, держать язык за зубами' [*букв.* 'держат, ух-ватить свой рот' (тув.), 'держат свой рот' (тур.)];

тув. *aqsy qara* '(человек), предсказывающий недоброе, клеветник' || тур. *ag'zy qara* 'клеветник, лицемер' (*букв.* 'у него рот черный');

⁶ См.: Г. Ц. Пюрбеев. О калмыцкой фразеологии. — В сб.: «Филологические вести», 2. Элиста, 1970, стр. 39.

тув. aqsy byžyg||тур. ag'zy req 'умеющий держать что-либо в секрете, скрытый' (букв. 'рот у него крепкий');

тув. bažup čī:г||тур. başunu jemet 'погубить, вогнать в гроб' (букв. 'съесть его голову').

Приведенные выше фразеологические параллели основаны на тождественном образе и совпадают по значению и лексическому составу. Некоторые из них, как мы это видели, имеют различный смысловой объем, то есть один и тот же фразеологизм в одном языке однозначен, а в другом — многозначен. Следует при этом отметить, что фразеологизмы данной группы не всегда совпадают по своей грамматической структуре.

Фразеологизмы, одинаковые по значению, но различающиеся (частично) по лексическому составу

Фразеологизмы данной группы имеют одинаковые значения и частично сходятся по лексическому составу, однако в некоторых случаях количество компонентов в них может быть различным.

Тув. išti iriq||хак. isti čox||кирг. iči agam 'коварный, злонамеренный, завистливый' [букв. 'его внутренность гнилая' (тув.), 'у него нет внутренности' (хак.), 'его внутренность грязная' (кирг.)];

тув. xol deri||кирг. mañdaj deri||тур. ajaq teri 'плата за труд' [букв. 'пот руки' (тув.), 'пот лба' (кирг.), 'пот ноги' (тур.)];

тув. iji aruñnyg||алт. äqi sagyštu||хак. iqi sauystuy 'двуличный' [букв. 'с двумя лицами' (тув.), 'с двумя умами' (алт., хак.)];

тув. xyl qurynda||кирг. qyldyn uñunda turat||тур. qyl qaldu 'на волоске, на краю гибели' [букв. 'на волоске' (тув.), 'волосок остался до' (тур.), 'находится на конце волоска' (кирг.)];

тув. bažu qatqan 'бывалый, имеющий большой жизненный опыт' || кирг. başy byşqan qiši 'человек, которого уже не удивить трудностями и неприятностями' [букв. 'с закаленной головой' (тув.), 'человек с созревшей головой' (кирг.)];

тув. aruñ-pñ:г čoq||хак. sygaју čox 'бессовестный' [букв. 'без совести' (тув.), 'без лица' (хак.)];

тув. qudurūn bylgār||хак. хузугух tolʔalaгʔa 'вилять хвостом, хитрить' (букв. 'вилять своим хвостом');

тув. xolu čadagaј||кирг. qolu aсyq 'щедрый, нерасчетливый, небережливый' (букв. 'у него рука открытая');

тув. xolu quzy||кирг. qolu čüñš 'скупой' [букв. 'у него рука узкая' (тув.), 'у него рука сморщенная' (кирг.)];

тув. ažyq qizi 'открытый, чистосердечный, бесхитростный человек' || кирг. aсyq žigit 'чистосердечный, бесхитростный парень' [букв. 'открытый человек' (тув.), 'открытый парень' (кирг.)];

тув. qaгаq-qulaq bolur 'присматривать за кем-либо, помогать кому-либо' || кирг. baš-qöz bol- 'присматривать за кем-либо' [букв. 'быть глазом и ухом кому-либо' (тув.), 'быть головой и глазами кому-либо' (кирг.)];

тув. quš daң||кирг. quzgun saг 'время, когда начинает чуть брезжить рассвет' [букв. 'птица-рассвет' (тув.), 'ворон-рассвет' (кирг.)];

тув. qeš bile sō:q||тур. bir deri bir qemіq 'тощий, худой' [букв. 'кожа да кость' (тув.), 'одна кожа, одна кость' (тур.)];

тув. čerže qire ber čazar 'испытывать ужасный стыд, быть готовым сквозь землю провалиться' || тур. jere gešmeq, jerin dibine gešmek 1) 'испытывать ужасный стыд, быть готовым сквозь землю провалиться'; 2) 'подвергнуться большому унижению' [букв. 'чуть не провалиться сквозь землю' (тув.), 'переселяться в землю, переселяться в глубину земли' (тур.)];

тув. *holga qirer* || тур. *ele gelmek* 'попасть в руки, попасться, быть захваченным, схваченным' [букв. 'попасть в руки' (тув.), 'приходить в руки' (тур.)];

тув. *çirgen tudar* 'пленить, покорить чье-либо сердце, расположить к себе, завоевать симпатии' || тур. *gönlü almaq* 1) 'пленить, покорить чье-либо сердце, расположить к себе, завоевать симпатии'; 2) 'доставить удовольствие, обрадовать' [букв. 'взять в руки чье-либо сердце' (тув.), 'взять у кого-либо сердце' (тур.)];

тув. *qulā qadug* || тур. *qulag'yu ag'ug* 'тугой на ухо, глуховат' [букв. 'у него уши твердые' (тув.), 'у него уши тяжелые' (тур.)];

тув. *āsqa syñmas* || тур. *ag'yuza alupmaz* 'неприличные, непристойные (слова)' [букв. 'такой, который не вмещается во рту' (тув.), 'такой, которого не берут в рот' (тур.)];

тув. *qaraq cār* || тур. *göz bojataq* 'обманывать, вводить в заблуждение, втирать очки' [букв. 'мазать глаза' (тув.), 'красить глаза' (тур.)];

тув. *qudurūn dolgār* || тур. *qulaq burtmaq* 'дать нагоняй' [букв. 'крутить кому-либо хвост' (тув.), 'крутить ухо' (тур.)];

тув. *dylyn tyrtar* || тур. *dilini tutmaq* 'держат язык за зубами, молчать' [букв. 'тянуть свой язык' (тув.), 'держат свой язык' (тур.)];

тув. *sō:gū dyştanyr* || тур. *qalyby dinlendirmeq* 'умереть' [букв. 'его кость отдыхает' (тув.), 'дать отдохнуть своей внешности' (тур.)];

тув. *qurug ās* || хак. *xiguγ til* 'болтун' [букв. 'пустой рот' (тув.), 'пустой язык' (хак.)].

Вышеприведенные сочетания выступают как межъязыковые лексические варианты фразеологизмов.

Фразеологизмы, одинаковые по лексическому составу, но различающиеся по значению

В сравниваемых тюркских языках встречаются и фразеологизмы, имеющие почти одинаковый лексический состав и грамматическую структуру, но различающиеся по значению. Они выступают как межъязыковые фразеологические омонимы.

тув. *qyzyl but* 'босой' || кирг. *qyzyl but* 'холостяк' (букв. 'красная нога');

тув. *qara bāγu qadar* 'смеяться до слез' || хак. *хага pāγum хигурса* 'я тоскую, скучаю' [букв. 'высохнет чья-либо черная печень' (тув.), 'сохнет моя черная печень' (хак.)];

тув. *bāγu qara* или *qara bārlyg* 'жестокий, бессердечный' || тур. *bag'gu qara* 'печальный, огорченный' [букв. 'у него черная печень' или 'с черной печенью' (тув.), 'у него черная печень' (тур.)];

тув. *sug çüreqtig* 'ветренный, легкомысленный, ленивый' || кирг. *sū žūgōq* 'трус' [букв. 'с водяным сердцем' (тув.), 'водяное сердце' (кирг.)];

тув. *qaraq quzar* 'сильно стараться' || хак. *хагауу хузагу busxap* 'он возгордился' || кирг. *qōžū qyzyl boldu* 'он заважничал, возгордился' [букв. 'краснеть (о глазах)' (тув.), 'у него глаза покраснели' (хак.), 'у него глаза стали красными' (кирг.)]; данный фразеологизм в хакасском и киргизском языках имеет одинаковое значение;

тув. *qujga baš cūγlyg* 'чувствовать сильный страх' || кирг. *qujdam qugušur turat* 'мне противно, меня тошнит' [букв. 'стягиваться (о коже головы)' (тув.), 'кожа моей головы стягивается' (кирг.)].

Кроме указанных групп фразеологизмов, в тувинском и киргизском языках нами обнаружены двукомпонентные фразеологизмы с общим значением; их первые компоненты — одинаковые общетюркские слова или межъязыковые синонимы с аналогичным грамматическим оформле-

нием, а вторые — состоят из общего корня общетюркских слов или являются межъязыковыми синонимами с разным грамматическим оформлением. Нам удалось выявить только два фразеологизма данного типа:

тув. аҕ qaraqtyg || кирг. аҕ qöž 'жадный, завистливый' [букв. 'с голодными глазами' (тув.), 'голодный глаз' (кирг.)];

тув. еыт baštyg || кирг. äт baš 'глупый, тупоголовый' [букв. 'с мясистой головой' (тув.), 'мясо-голова' (кирг.)].

Здесь наиболее четко проявляется разница в способах образования фразеологизмов в разных языках. Фразеологизмы подобного типа образуются одинаково в тувинском, хакасском, алтайском и турецком языках. В этом отношении особняком стоит киргизский язык. Если в тувинском, хакасском, алтайском и турецком языках именные фразеологизмы, выступающие в предложении в роли прилагательного, снабжаются одинаковым грамматическим оформлением, то в киргизском языке они грамматически оформляются по-иному. К таковым относятся двукомпонентные фразеологизмы, где первый компонент — производное от имени прилагательного, существительного и числительного, а второй — от отыменного прилагательного с аффиксом -lyg. У подобных фразеологизмов грамматическое оформление первого компонента во всех сравниваемых языках одинаково, второй же компонент в киргизском языке имеет безаффиксальную форму, в тувинском, хакасском, алтайском и турецком языках — снабжается аффиксом особой формы словосочетания с атрибутивной функцией -ly или -lyg⁷. Прилагательные-фразеологизмы в киргизском языке сохраняют, как и в азербайджанском⁸, более старую безаффиксальную форму. Например:

тув. uzun dyldyg 'болтливый', daš čüreqtig 'отчаянно смелый', dalgan mēlig 'тупоголовый';

хак. iqi saγystyγ 'двуличный', piq čüreqtig 'волевой, решительный', tabrax čüreqtig 'несдержанный, резкий, вспыльчивый', xalyn nitqelig 'упрямый';

алт. aq sagyštu 'добродетельный', qara sagyštu 'злодей, злонамеренный', äqi sagyštu 'двуличный';

тур. abanoz jüreqli 'бессердечный, жестокий, бесчувственный', ag'yr žanlı 'ленивый, неподвижный', iqi žanlı 'беременная', et qafaly 'тупоголовый', gevşeq ag'yzly 'болтливый'.

Ср. кирг. qara žaq 'красноречивый', aq žürgöq 'преданный, верный', qara žürgöq 'враждебный', äр žürgöq 'смелый, мужественный, храбрый', qoš žürgöq 'храбрец из храбрецов', qū qalpaq 'бывалый, ловкий, хитрый', qebeq baš 'пустоголовый, глупый', žel qoltuq 'легкомысленный' и др.

Однако следует отметить, что в турецком языке для фразеологизмов рассмотренного выше типа такой порядок расположения компонентов, когда прилагательное предшествует существительному, не характерен. В турецком, а также в киргизском языках чаще встречается обратный порядок расположения компонентов (когда существительное предшествует прилагательному). Например:

тур. alny aсyγ 'безупречный, честный', alny paq в том же значении, bag'gy qara 'печальный, огорченный', eteg'i temiz 'честный';

кирг. qanu buzuq 'раздражительный, нервный', dini qara 'нечестный', aldy žajyq 'удачливый, счастливый' žürögü tō 'бесстрашный', žyldyzy artuq 'счастливый, удачливый', qabyrgasy majlū 'хлебосольный и щедрый' и др.

⁷ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 56.

⁸ Там же, стр. 55.

2. ТУВИНСКО-МОНГОЛЬСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Наличие общих фразеологизмов в современном тувинском и монгольском языках обусловлено тем, что тувинцы и монголы издавна жили на сопредельных территориях и находились в тесном контакте друг с другом⁹. Их хозяйственный уклад имеет много общего. Еще сравнительно недавно тувинцы и монголы вели кочевой образ жизни, и основными занятиями их были скотоводство, охота и частично земледелие.

Тувинско-монгольские языковые связи имеют «длительную историю и оказали влияние на разные уровни тувинской языковой системы, в особенности на лексику...»¹⁰. Эти контакты «еще не в столь отдаленном прошлом (до 30-х гг. нашего столетия) носили весьма активный характер»¹¹. И. А. Батманов отмечает, что монголизмы начали проникать в тувинский язык в период средневековья¹².

В XIX в. в Туве монгольский язык использовался в официальных и деловых документах. Ш. Ч. Сат пишет: «Усиливавшееся распространение монгольского языка привело к появлению тувинско-монгольского группового билингвизма»¹³. С 1921 по 1930 г. в Тувинской Народной Республике (ТНР) делопроизводство велось на монгольском языке, на нем же в этот период издавались тувинские газеты и журналы. Таким образом, монгольский язык оказал значительное влияние на тувинскую лексику. Не случайно современный тувинский язык содержит большое количество слов монгольского происхождения. Вместе с лексикой были заимствованы и многие монгольские фразеологизмы. Конечно, монгольский язык, в свою очередь, также заимствовал какую-то часть тувинской лексики и фразеологизмов¹⁴. Наличие большого количества общих фразеологизмов в тувинском и монгольском языках является, таким образом, результатом длительного их взаимодействия. Нам удалось выявить в тувинском и монгольском языках около 150 параллельных фразеологизмов¹⁵, совпадающих по своему лексическому составу и значению (большинство из них имеют также и одинаковую грамматическую структуру). В монгольском языке существуют фразеологизмы, имеющие полные или частичные соответствия в нескольких тюркских языках. Кроме них, в тувинском языке имеется группа фразеологизмов, которые можно считать монгольскими кальками, полукальками и заимствованиями. В этой группе количественно преобладают кальки, на втором месте находятся полукальки (заимствована только часть компонентов). Прямых монгольских фразеологических заимствований в тувинском языке немного. Приведем примеры.

⁹ Д. А. Монгуш, Ш. Ч. Сат. Совет үеде тыва дылдың хөгжүдези. Кызыл, 1967, стр. 63.

¹⁰ Б. И. Татаринцев. О некоторых группах монголизмов в языке тувинского фольклора (на материале сказок и героических сказаний). — «Ученые записки ТНУИЯЛИ, вып. XIV». Кызыл, 1970, стр. 174.

¹¹ Там же, стр. 175.

¹² И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин. Указ. раб., стр. 66.

¹³ Ш. Ч. Сат. Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. Кызыл, 1973, стр. 21.

¹⁴ См. об этом: Csojdzsawin Luwszandzsaw. A mongol szólások. Автореф. канд. дисс. Budapest, 1966, стр. 11—12.

¹⁵ Фразеологизмы монгольского языка взяты из следующих источников: «Монгольско-русский словарь». М., 1957; «Краткий монгольско-русский словарь». М., 1947; «Русско-монгольский словарь». М., 1960; Чой Лувсанжав. «Орос-монгол өвөрмөц хэллэгийн толь». Улан-Батор, 1970; Г. Ц. Пюрбеев. Глагольная фразеология монгольских языков. М., 1972.

Параллельные фразеологизмы в монгольском и других тюркских языках, совпадающие по значению, лексическому составу, а в некоторых случаях и по грамматической структуре

Тув. *qulā qadyg*, хак. *xulā xatuy*, монг. *ċix xatū* 'туг на ухо' (букв. 'уши его крепкие');

тув. *qōq dēr!*, алт. *qōq teŋeri!*, монг. *xōx tāngār!* 'боже мой!', 'о господи!' (букв. 'синее небо');

тув. *baḡān boluḡ* 'служить, быть слугой, состоять в свите', кирг. *baḡān bol-* 'быть подмогой', монг. *baḡā bolox* 'состоять в свите, сопровождать';

тув. *ās aḡaḡ* 'говорить, высказаться против', тур. *aḡ'uz aḡtaq 1* 'говорить, заговорить'; 2) 'начать ругаться'; 3) 'заниматься сплетнями', монг. *am aḡaḡx* 'молвить слово' (букв. 'открыть рот');

тув. *qaraq čiveš dēr arazynda*, кирг. *qōz ilēšqenče*, монг. *nūd savčraḡ zūr* 'моментально, вмиг, в мгновение ока' (букв. 'за время, пока мигнешь глазом');

тув. *baš qōdūrbejn*, кирг. *baš qōtōrbōj*, монг. *tolgoj örgöḡgüj* 'непрерывно, упорно, неустанно, не покладая рук' (букв. 'не поднимая голы');

Происхождение приведенных общих фразеологизмов в монгольском, тувинском и других тюркских языках пока остается невыясненным. Однако можно полагать, что некоторые из них являются монгольскими заимствованиями, а остальные — совпадают случайно или относятся к группе общих тюрко-монгольских фразеологизмов.

Монгольские фразеологические кальки в тувинском языке:

тув. *aqsyn tyrtar* || монг. *amā tatax* 'держат язык за зубами' (букв. 'тянуть свой рот');

тув. *uḡān-qudu ünēr* || монг. *süns gaḡaḡ* 'перепугаться' (букв. 'душа выйдет');

тув. *adyš deg* || монг. *algyn činē* 'мизерный, слишком маленький' (букв. 'величиной с ладонь');

тув. *aqsyn tuttunaḡ a* 'сожалеть о невысказанном в свое время'; б) 'сожалеть о чем-либо упущенном' || монг. *amā baḡix a* 'закрывать рот ладонью (в знак досады)', б) 'сожалеть о сказанном' (букв. 'ухватить свой рот');

тув. *aqsyn alyḡ* || монг. *am авах* 'взять слово' (букв. 'брать его рот');

тув. *ās eder* || монг. *am gaḡaḡ* 'давать слово, обещать; клясться' (букв. 'ртом произносить');

тув. *bodun tuttunaḡ* || монг. *bieä baḡix* 'брать себя в руки' (букв. 'держат себя');

тув. *sō:gün tudar* 'хоронить, погребать' || монг. *jas baḡix a* 'вправлять кость (при вывихе); б) 'хоронить, погребать' [букв. 'держат чью-либо кость' (тув.), 'держат кость' (монг.)]¹⁶;

тув. *xol qurug a* 'очень бедный'; б) 'с пустыми руками, ни с чем' || монг. *gaḡ xōson* 'с пустыми руками, ни с чем' (букв. 'руки пустые');

тув. *xol čeder* || монг. *gaḡ xūḡaḡ* 'налагать руку, посягать на что-либо' (букв. 'рука дойдет');

тув. *xolḡa qirer* 'быть пойманным, попасться в руки, попадать в чьи-либо руки' || монг. *gaḡ oḡox* 'попадать в чьи-либо руки' (букв. 'входить в руки');

¹⁶ Некоторые тувинско-монгольские параллельные фразеологизмы по смысловому объему не совпадают.

тув. adyn baqsygradyr||монг. nār gutāx 'порочить чье-либо имя, компрометировать' [букв. 'бесчестить чье-либо имя' (тув.), 'позорить имя' (монг.)];

тув. qaraq azyt||монг. nūd dald 'в отсутствие кого-либо, за глаза, скрытно' (букв. 'тайно от глаз');

тув. čarāzyp sýrtynar||монг. šülsä: zalgix 'глотать слюнки';

тув. ulug āstyg||монг. ix amtaj 'хвастливый' (букв. 'большеротый');

тув. äyđin čir||монг. maxā idāx 'измучиться' (букв. 'есть мясо [своего тела]');

тув. qaraq qyzar а) 'стараться'; б) 'жадничать, проявлять корыстолюбие'||монг. nūd ulajx а) 'жадничать, проявлять жадность, алчность, корыстолюбие'; б) 'быть в гневе, сердиться на кого-либо' [букв. 'краснеть (о глазах)'];

тув. qaraп čidider 'смотреть со злобой'||монг. nūd üzū:rlāx 'смотреть со злобой, обвинять первым' (букв. 'заострять глаза');

тув. qaraq megelēr 'втереть очки, замазывать глаза, заниматься показухой'||монг. nūd xūгах 'втереть очки, очковтирательство' (букв. 'обманывать глаза');

тув. čyrtān eder dēš sogurartyp ār||монг. nūху n' avax gā:d nūdiј n' soxlox 'желая наладить, вывести из строя что-либо, оказать медвежьёму услугу' (букв. 'желая вытереть гной на глазах, ослепил глаза');

тув. qyzyl агпунга 'в лицо, с глазу на глаз, прямо'||монг. ulāп nū:gā:gā: 'с глазу на глаз, наедине' (букв. 'красному лицу');

тув. qyzyl čanagaš||монг. ulāп nūsgāп 'плохо одетый, нуждающийся в одежде' (букв. 'красный голый');

тув. äydi čürlur||монг. bie njасрах 'чувствовать разбитость, быть разбитым (от тяжелого физического труда, верховой езды и пр.)' [букв. 'раздробляться (о теле)'];

тув. bažynga sug qudar||монг. ogoј gūgā us xijv 'навлекать беду на свою или чужую голову' (букв. 'лить воду на чью-либо голову');

тув. beš salāzy deg bilir||монг. tavan хугū šigā: mādāx 'знать, как свои пять пальцев';

тув. baš minnir||монг. tolgoј mādāx 'быть самостоятельным хозяином своей судьбы' (букв. 'знать свою голову, распоряжаться своей головой');

тув. агпун qyzydar||монг. nū:rijg n' ulajlгах 'пристыдить, заставить краснеть' (букв. 'заставить краснеть чье-либо лицо');

тув. uzup dyldyg 'болтливый, ябедник'||монг. urt хālt 'ябедник' [букв. 'с длинным языком' (тув.), 'длинный язык' (монг.)];

тув. uzup qulaqtyg 'слышащий все'||монг. urt čix 'тот, кто все слышит' [букв. 'с длинными ушами' (тув.), 'длинное ухо' (монг.)];

тув. duzaqqa tuttunar||монг. urxind ogox 'попадать в ловушку' (букв. 'залезать в силки');

тув. budu čerge degbes||монг. xöl n' gazar хūgāхgūј 'ног под собой не чувствовать от радости' (букв. 'ноги у кого-либо земли не касаются');

тув. ās dēr||монг. am хūgāx 'отведывать, пробовать' [букв. 'коснуться (о рта)'];

тув. sō:gū dyštanyr а) 'достичь покоя, отдыхать'; б) 'умереть'||монг. jas amгах 'достичь покоя, отдыхать' [букв. 'кость его отдыхает' (тув.), 'кость отдыхает' (монг.)];

тув. sō:gūп salyr||монг. jasā tavix 'погибать, умирать' (букв. 'положить свои кости');

тув. aza qō:r||монг. ad üzāx 'недолюбливать, питать ненависть и презрение' [букв. 'беса (черта) видеть'];

тув. *holun aqtār*||монг. *gar sajlgax* а) 'дать, давать что-либо в благотворительных целях'; б) 'преподнести что-либо в подарок', 'одарить' [*букв.* 'делать чью-либо руку белой' (тув.), 'руку делать белой' (монг.)];

тув. *ady üner* 'прослыть на всю округу (в плохом смысле)'||монг. *när gaгах* 'стать известным, знаменитым, прослыть на всю округу (в хорошем или плохом смысле)' [*букв.* 'имя чье-либо выйдет' (тув.), 'имя выйти' (монг.)];

тув. *xünün manār*||монг. *ödrö: xülä:x* 'ждать смертного часа, дожидать последние дни' (*букв.* 'дня своего ждать');

тув. *qudurün dolgār*||монг. *sü:lij n' mišgix* 'накрутить хвост кому-либо, дать нагоняй кому-либо' (*букв.* 'крутить хвост у кого-либо');

тув. *bažyn bilir*||монг. *tolgoj mädäx* 'распоряжаться кем-либо, лишать кого-либо самостоятельности, заставляя повиноваться себе, держать кого-либо в своей власти' (*букв.* 'голову чью-либо знать');

тув. *bažyn sujbār*||монг. *tolgojgij n' iläx* 'гладить по голове, потворствовать кому-либо' (*букв.* 'гладить по голове');

тув. *čem tuluptār*||монг. *xöl tulamnaх* 'набивать утробу свою', 'непомерно много есть', 'быть прожорливым' [*букв.* 'пищу (еду) набивать в кожаный мешок'];

тув. *budu ezenigige čeder*||монг. *xöl n' dögö:nd xüräx* 'стать совершеннолетним, достичь зрелости' (*букв.* 'ногой до стремени доставать');

тув. *bāгyn qadyг qattyрar*||монг. *äläg xöšix; älägä: xöštöl inä:x* 'смеяться до коликов, надирать живот от смеха', 'хохотать до изнеможения' (*букв.* 'до высыхания печени смеяться').

Среди приведенных примеров, возможно, есть некоторые фразеологизмы, хотя и совпадающие по лексическому составу, значению и грамматической структуре, но возникшие самостоятельно. Большинство же этих сочетаний, бесспорно, монгольские кальки.

Фразеологические полукальки с монгольского языка

Монгольскими фразеологическими полукальками в тувинском языке мы называем фразеологизмы, некоторые компоненты которых представляют собой монгольские лексические заимствования, а другие — переводы соответствующих частей фразеологизмов монгольского языка. Например:

тув. *ala qö:r*||монг. *alag üzex* 'быть пристрастным, предвзятым' (*букв.* 'смотреть пестро');

тув. *амузун алуг* 'спасать жизнь'||монг. *ам' авах* а) 'спасать жизнь'; б) 'лишать жизни' (*букв.* 'брать жизнь');

тув. *амузун салуг* 'сильно желать, отдаваться всей душой'||монг. *ам' tavix* а) 'умирать'; б) 'сильно желать, отдаваться всей душой' (*букв.* 'ронять жизнь');

тув. *adyн буžartadyр*||монг. *när buzarlax* 'позорить, дискредитировать' (*букв.* 'бесчестить имя');

тув. *амузындан qogarār*||монг. *ам' busnix* 'лишаться жизни' (*букв.* 'нести потери от жизни');

тув. *хор даžyр*||монг. *хов зö:x* 'сплетничать, заниматься сплетнями' (*букв.* 'таскать сплетни');

тув. *čezi qöstür*||монг. *zäs n' сихујž bajна* 'показать свои недостатки' (*букв.* 'обнаруживать медь');

тув. *möгүnde čögүр* 'идти своей дорогой, никому не мешать'||монг. *mögö:gö: javaх* 'идти своей дорогой' (*букв.* 'идти своим следом');

тув. *tala dugaj tyrtar*||монг. *tal toxoj tatax* 'быть пристрастным (в пользу своего человека, приятеля)' (*букв.* 'тянуть своего человека, друга');

тув. *qara sagyš*||монг. *хаг сапā* 'злонамерение, злоумышление, коварство' [*букв.* 'черная душа' (тув.), 'черное намерение' (монг.)];

тув. *хеј аът*||монг. *хиј тог* 'вдохновение, приподнятое настроение, бодрый дух' (*букв.* 'воздушный конь');

тув. *хорқа қігер*||монг. *ховд огох* 'стать предметом сплетен' (*букв.* 'войти в сплетни');

тув. *ақ setqildig* 'добродушный, честный, чистосердечный'||монг. *саgān sātgālt* 'незлобивый, чистосердечный' (*букв.* 'с белой душой');

тув. *аqsy bardam*||монг. *ам bardam* 'хвастливый, бахвалистый' (*букв.* 'рот у него чванливый');

тув. *dora qō:r*||монг. *дог үзāх а* 'недооценивать кого-либо'; б) 'презрительно относиться к кому-либо' (*букв.* 'смотреть хуже');

тув. *duza qadar dēš dužamyq xaldadyr*||монг. *tus болох gā:d tušā болох* 'желая быть полезным, стать помехой' (*букв.* 'стать путями, думая о помощи и пользе кому-либо');

тув. *хогапу хајпуғ*||монг. *хог буclax* 'кипеть злобой, быть в гневе, сердиться' [*букв.* 'яду у кого-либо кипеть' (тув.), 'яду кипеть' (монг.)].

Кроме калек и полукалек, в тувинском языке встречается ряд тувинско-монгольских параллельных фразеологизмов, которые можно рассматривать как результаты или творческого калькирования (вольного перевода) монгольских фразеологизмов носителями тувинского языка, или простого совпадения как в структуре, так и в семантике. Особенно их заключаются в следующем: во-первых, они имеют общее значение; во-вторых, подобные фразеологизмы основываются на тождественном или сходном образе, в-третьих, в их лексическом составе имеются некоторые различия. Ср. следующие примеры:

тув. *baldyr суqрајп*||монг. *борви бохигохгүј* 'не покладая рук' [*букв.* 'не сгибая голенный сустав' (тув.), 'не сгибая ног' (монг.)];

тув. *холу боš* 'щедрый, небережливый'||монг. *гар sul* 'небережливый, расточительный' [*букв.* 'руки его некрепкие' (тув.), 'руки слабые' (монг.)];

тув. *холу тыртым*||монг. *гар tatū* 'скупой' [*букв.* 'руки его притянуты к себе' (тув.), 'руки его кривые' (монг.)];

тув. *išti iriq* 'коварный, завистливый'||монг. *мүхај dotortoj* 'коварный, хитрый, лукавый' [*букв.* 'его внутренность гнилая' (тув.), 'его внутренность грязная' (монг.)];

тув. *агпу quzyl ört арāғ*||монг. *нү:rā:s gal гарах šig болох* 'очень стыдиться, стесняться' [*букв.* 'лицо становится, как красный пожар' (тув.), 'лицо становится, как пожар' (монг.)];

тув. *агпунуғ qeži qulyп*||монг. *нү:r zuzāп* 'бесстыдный, беззастенчивый' [*букв.* 'у него кожа на лице толстая' (тув.), 'у него лицо толстое' (монг.)];

тув. *агпу častyр* 'стать непринужденным, привыкать к обществу людей'||монг. *нү:r хагагах* 'быть развязным, быть непринужденным' (*букв.* 'агпу 'его лицо', нү:r 'лицо', častyр 'развязываться', хагагах 'трескаться');

тув. *qizi агпу qō:r*||монг. *нү:r хагах* 'взирать на лицо, поступать лицемерно' [*букв.* 'смотреть на лицо человека' (тув.), 'смотреть на лицо' (монг.)];

тув. *холу quzy*||монг. *гар tatag* 'скупой' [*букв.* 'руки у него узкие' (тув.), 'рука у него недостающая' (монг.)];

тув. bažyn tö:redir 'морочить голову' || монг. tolgoj ärgü:läh 'дурманить, морочить, кружить голову' [букв. 'морочить чью-либо голову' (тув.), 'кружить чью-либо голову' (монг.)];

тув. qešš bile sö:q || монг. ag's jas хојог 'кожа да кости' (букв. 'кожа и кости');

тув. čüreqqe dēr 1) 'чувствовать тяжесть от переедания жирной пищи'; 2) 'надоесть (о работе)' || монг. zügxänd xügāx 'чувствовать тяжесть от переедания жирной пищи' [букв. 'задеть за сердце' (тув.), 'до сердца достать' (монг.)];

тув. čürē aqsunga qēr || монг. zügx üšig amār garax šaxlā 'душа в пятки ушла' [букв. 'сердце переходит в рот' (тув.), 'сердце, легкие чуть не вышли изо рта' (монг.)];

тув. sugga dūšqen qūsqe deg || монг. usān xulgana болох 'сильно потеть, промокнуть до нитки, до костей' [букв. 'как мышь, промокшая в воде' (тув.), 'становиться водяной мышью' (монг.)];

тув. mojnunga olugar || монг. xüzü:n dēr n' zajdlax 'сесть на шею кoto-либо' [букв. 'сесть на его шею' (тув.), 'сесть на шею без седла' (монг.)];

тув. adyn sygar 'позорить, опорочить честь кого-либо' || монг. nārā: хугалах 'позориться, подрывать свой авторитет' [букв. 'ломать чье-либо имя' (тув.), 'ломать свое имя' (монг.)];

тув. qudurūn munuqtar || монг. sū:lā: хавčix 'трусить' [букв. 'сесть верхом на свой хвост' (тув.), 'поджимать хвост' (монг.)];

тув. but quyunga turguzar || монг. xöl dā:r n' gargaх 'ставить на ноги' [букв. 'ставить на ноги' (тув.), 'вывести на ногах' (монг.)];

тув. čili: üstür || монг. čömqög alдах 'худеть, тощать' [букв. 'прервется его костный мозг' (тув.), 'лишиться костного мозга' (монг.)];

тув. агага хаву || монг. агхину lü: 'пьяница, алкоголик' [букв. 'мешок для вина' (тув.), 'сосуд для вина' (монг.)].

Монгольские фразеологические заимствования

Монгольские заимствованные слова в тувинском языке претерпевают некоторые фонетические изменения, но при этом сохраняется их основная структура. Подобное же явление наблюдается и в компонентах монгольских фразеологических заимствований. Приведем примеры:

тув. setqil амуγār || монг. sätgāl амгах 'успокаиваться, утешаться' [букв. 'отдыхать (о душе)'];

тув. пазу баγār 1) 'дожить до глубокой старости'; 2) 'скончаться, умереть в глубокой старости' || монг. нас багах 'скончаться, умереть' (букв. 'возраст исчерпан');

тув. биргап öršē! 'дай бог счастья, будь здоров!' || монг. бирхап öršō: 'будь здоров! будьте здоровы!' (букв. 'бог спаси!');

тув. töre aralčyr 1) 'умереть'; 2) 'умереть и снова родиться (религиозное представление)' || монг. töröl arilžix, töröl solix 'уйти из мира сего, умереть' (букв. 'переменить родство').

* * *

На основании сравнительного анализа материалов тувинского и нескольких тюркских и современного монгольского языков можно сделать некоторые выводы. В тувинском языке имеются оригинальные, характерные только для него фразеологические единицы.

Существует большое количество фразеологических параллелей в сравниваемых тюркских языках, с одной стороны, в тувинском и монгольском — с другой.

Фразеологизмы тувинского, хакасского, алтайского и турецкого языков по грамматическому оформлению и структуре почти не отличаются друг от друга. Для фразеологизмов же современного киргизского языка характерно безаффиксальное образование именных фразеологизмов и иной порядок расположения компонентов в них.

Длительные исторические контакты, сходный хозяйственный уклад тувинцев и монголов сыграли определенную роль в столь продуктивном калькировании тувинским языком монгольских фразеологизмов, а также в их заимствовании.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

И. В. СТЕБЛЕВА

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОМ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Изучение эстетической роли древнетюркской литературы, одного из компонентов культурно-исторической общности древнетюркского мира, представляет собой важную задачу. В качестве первоначального этапа эта задача включает в себя определение художественной специфики данной литературы. Здесь полезно вспомнить замечание Д. С. Лихачева по поводу трудностей проникновения в мир прошлого. В частности, он пишет, что понять во всей полноте художественную сторону произведения, далекого от современности, можно только при всестороннем его постижении и объяснении, что эстетический анализ должен основываться на обширном реальном комментарии, учитывающем знание эпохи, искусства того времени, закономерностей историко-литературного процесса¹. Из сказанного следует, что выявление эстетической ценности древних литературных памятников должно основываться на глубоком проникновении в особенности культуры прошлого, по возможности охватив ее в наиболее полном объеме. Трудность такого подхода к произведениям литературы заключается и в том, что явления культурной жизни древности должны находить свое адекватное истолкование. Как справедливо полагает А. Я. Гуревич, понять культуру прошлого можно, «только измеряя ее соответствующей ей меркой»².

Реконструкция литературного канона в некоторых произведениях древнетюркской словесности (Малая и Большая надписи в честь Кюль-Тегина, Надпись в честь Тоньюкука), связанных с культурной жизнью Тюркского каганата (VI—VIII вв.) и датируемых серединой VIII в., не только позволяет отнести их к сфере литературной жизни древнетюркского общества, но и дает необходимый материал для дальнейшего изучения разнообразных аспектов древнетюркской культуры.

Сопоставление истории древних тюрков (то есть реального течения событий, отраженного в современных исторических работах) с их описанием в указанных текстах рунического письма³ позволяет заключить, что изложение событий в последних подчинено художественной системе, которая являлась для своего времени традиционной. Сравнительный анализ изображения одних и тех же событий в разных надписях свидетельствует о чрезвычайно жестких требованиях, предъявлявшихся к изображаемому. Определенные правила развертывания повество-

¹ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 369.

² А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972, стр. 7.

³ См. подробнее об этом: И. В. Стеблева. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976.

вания, отбор необходимой лексики и ограниченная возможность варьирования на сюжетном уровне, предусмотренные функционированием данной системы, приводили к повторению в описании целого ряда приемов, что можно квалифицировать как отражение в этих текстах литературного этикета. Для древнетюркского автора (так же, как, например, и для древнерусского) литературный этикет, пользуясь терминологией Д. С. Лихачева, складывался из этикета миропорядка — представлений о том, как должен осуществляться ход событий, из этикета поведения — представлений о том, как должен поступать тот или иной герой, из этикета словесного — представлений о том, как должен автор описывать все происходящее⁴. Выводы Д. С. Лихачева, сделанные на материале древнерусской литературы, представляются универсальными. Они постулированы характерными чертами общественной жизни эпохи раннего и развитого феодализма с присущей ей чрезвычайно развитой светской и религиозной обрядностью. Отношение человека к богу и взаимоотношения людей между собой строго регламентировались традицией и подчинялись определенному церемониалу. «Этикетность» из общественной жизни проникла в искусство и литературу; литературный этикет и созданный им литературный канон стали выражением типичной условно-нормативной связи содержания с формой⁵.

Вывод о том, что характер изображения событий в орхонских текстах подчинен литературному этикету, позволяет рассматривать совокупность приемов и средств изображения как литературный канон данной эпохи. В плане выявления литературного канона ситуаций следует обратить внимание на следующие характерные особенности древнетюркских текстов.

I. Одинаковые приемы описания разных исторических периодов жизни народа тюрков (VI—VIII вв.) с тремя главными компонентами: 1) указанием на необходимость следовать законам предков; 2) указанием на крайние точки военных походов тюрков; 3) благоприятным исходом походов тюрков.

II. Одинаковые приемы создания образов каганов, характеристика которых требует соблюдения трех обязательных условий: 1) указания на божественное происхождение кагана или на помощь богов при его избрании; 2) указания на выдающуюся военную деятельность кагана; 3) указания на заботу кагана о благополучии народов тюрков.

III. Одинаковое описание битв, в которых участвовал Кюль-Тегин, предусматривающее: 1) указание на возраст Кюль-Тегина ко времени данной битвы; 2) сообщение о цвете и кличке (или происхождении) коня; 3) изображение мужественного поведения Кюль-Тегина; 4) указание на победный исход сражения.

IV. Одинаковые приемы описания военных походов, в которых участвовал Тоньюкук, содержащие: 1) указание на сговор врагов; 2) описание тревоги Тоньюкука; 3) обращение — совет с каганом; 4) изображение Тоньюкука в походе; 5) указание на победный исход битвы.

Таким образом, описание деятельности разных каганов, поведения Кюль-Тегина и Тоньюкука в военных походах и битвах сводится к определенным для каждого случая и ограниченным наборам сюжетных комбинаций, целью которых является создание образа идеального героя: кагана, витязя или советника. Реально существовавшие люди, с индивидуальными чертами характера и разными историческими судьбами, утрачивают конкретный облик и изображаются абстрактно, в соответ-

⁴ См.: Д. С. Лихачев. Упом. раб., стр. 95.

⁵ Там же, стр. 84—85.

вии с принятым каноном. Описание битв Кюль-Тегина однотипно, лишено реальной подлинности и преследует цель изобразить идеального героя. Описание тех же битв с участием Тоньюкука связано с иной целевой установкой — созданием идеального образа мудрого советника. Как бы удачно ни складывались военные действия тюрков или, наоборот, какие бы поражения они ни терпели, при описании военных походов мы неизменно находим указание на крайние точки продвижения тюрков на восток, юг, запад и север, которое служит формулой военного могущества тюркского каганата.

Описание событий, их оценка, с точки зрения сюжетной оппозиции (следование идеалам предков — нарушение идеалов предков в Малой и Большой надписях в честь Кюль-Тегина), характеристика упоминаемых лиц свидетельствуют о традиционности изобразительных приемов. Авторы надписей описывают историю древних тюрков и создают образы наиболее ярких ее представителей, подчиняя свое повествование выработавшемуся литературному канону.

Д. С. Лихачев, анализируя литературный канон ситуаций на материале древнерусской литературы, полагает, что канон этот обязан своим происхождением как жизненному обиходу существовавшей обрядности, так и собственно литературной практике⁶.

В Большой надписи в честь Кюль-Тегина, состоящей из шести вполне самостоятельных рассказов, первый рассказ, посвященный идеализируемому прошлому тюрков, содержит набор ситуаций, выражавших, по-видимому, идеальные представления автора надписи о могуществе тюркского государства. Эти ситуации отчасти связаны с реальными фактами истории предков Бильге-кагана — Бумын-кагана и Истеми-кагана, удачливых правителей, при которых тюркский каганат действительно обладал большой военно-политической мощью, его завоевательные войны велись успешно и государство процветало. Изображая в последующих рассказах других каганов, автор описывает традиционные ситуации независимо от того, насколько они соответствовали реальной действительности. Войны всегда представляются победоносными, каганы неизменно изображаются положительными личностями, их главная забота — благополучие народа тюрков. Эти части Большой надписи в честь Кюль-Тегина являются примером литературного происхождения канона ситуаций, который в орхонских текстах также можно связать с религиозной обрядностью.

Ориентация тюрков лицом на восток известна с древнейших времен. Движение по солнцу соблюдалось при различных ритуальных и социальных действиях⁷. Показательно, что описания обширных владений тюркского государства или военных походов обязательно содержат пространственные характеристики, ориентирующие по горизонтали: вперед (восток) — назад (запад); вправо (юг) — влево (север). «Вперед, вплоть до солнечного восхода, направо, вплоть до полудня, назад, к солнечному закату, налево, вплоть до полуночи — там внутри этих пределов находящиеся народы все и мне подвластны» (Малая надпись в честь Кюль-Тегина, 12—16); «Вперед — на киданей, вправо — на табгачей, назад — на курданов, влево — на огузов...» (Надпись в честь Тоньюкука, 69—70).

Пространственная характеристика, связанная с ориентацией по вертикали, представлена в орхонских текстах универсальной оппозицией

⁶ См.: Д. С. Лихачев. Упом. раб., стр. 93.

⁷ См.: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., стр. 229.

«*верх — низ*», которая дает ряд конкретизаций: *небо — земля* (также достаточно универсальная): «Когда вверху голубое небо, [а] внизу бурая земля возникли (или были сотворены)...» (Большая надпись в честь Кюль-Тегина, 1—2); «Если небо сверху не давило, если земля внизу не разверзалась...» (Большая надпись в честь Кюль-Тегина, 166—167); *головы — колени* (специфическая для орхонских текстов оппозиция): «Имевших головы они заставили склонить [головы], имевших колени они заставили преклонить [колени]» (Большая надпись в честь Кюль-Тегина, 12—13, 113—114, 135—136).

В набор бинарных оппозиций входят также противопоставления: *день — ночь*: «Ради тюркского народа я не спал ночей [и] днем не сидел [без дела]» (Большая надпись в честь Кюль-Тегина, 202—203); «Ночью не имея сна, днем не имея покоя...» (Надпись в честь Тоньюкука, 272—273); *многочисленный, — немногочисленный, богатый — бедный* (неимущий): «Неимущий (бедный) народ я сделал богатым, малочисленный народ я сделал многочисленным». (Малая надпись в честь Кюль-Тегина, 77—78; см. также Большую надпись в честь Кюль-Тегина, 123—124); *жирный — тощий* (жирные быки — тощие быки, Надпись в честь Тоньюкука, 22—25); *сытый — голодный* (Малая надпись в честь Кюль-Тегина, 63—65); *толстое — тонкое* (Надпись в честь Тоньюкука, 67—68); *растения — камни* (Надпись в честь Тоньюкука, 12); *конный — пеший* (Надпись в честь Тоньюкука, 14—15).

Литературный канон ситуаций орхонских текстов мог восходить также к устно-поэтической традиции некоторых героических сюжетов, распространенных среди тюркских племен. В связи с этим особый интерес представляет описание битв Кюль-Тегина, подчиненное определенной схеме, с обязательным присутствием элементов героики. Кюль-Тегин предстает храбрым витязем, совершающим подвиги. Далее следует традиционная характеристика его коня с обязательным упоминанием масти, происхождения или его клички. Примечательно, что из четырнадцати упоминаний масти коня одиннадцать приходятся на светлую масть (восемь раз белый конь, три раза — серый); в остальных трех случаях: гнедой (один раз) и бурый конь (два раза). Таким образом, победоносные сражения Кюль-Тегина, происходящие, как и другие военные действия тюрков, при покровительстве их богов (Неба, Умай, Священной земли-воды), связываются главным образом с конями белой и серой масти и, следовательно, с добрым, положительным началом в системе их религиозно-мифологических представлений. Правомочность этого вывода подтверждается и более поздними аналогиями из религиозных воззрений тюрков. В частности, мусульманский святой Хизр, охраняющий источник в «Китаби дедем Коркуд» (огузский памятник XV в.), появляется на сером коне⁸. В азербайджанских дастанах конь Хизра белой масти⁹.

Повторяющиеся детали в описаниях битв с участием Кюль-Тегина указывают на стремление автора надписи воспроизвести литературный канон ситуаций в военных эпизодах. Изображение Кюль-Тегина как идеального героя-витязя требовало необходимых и, возможно, заранее обусловленных компонентов описания. Источником таких компонентов описания служил жизненный опыт, то есть реальное представление о войне, которое в совокупности с элементами религиозно-мифологиче-

⁸ «Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос». Перевод академика В. В. Бартольда, издание подготовили В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов. М.—Л., 1962, стр. 19.

⁹ «Азербайжан халг дастанлары», т. II. Баку, 1961, стр. 97—98.

скими и фольклорными аналогами дало возможность создать устойчивый комплекс обязательных ситуаций при изображении военных эпизодов.

Литературный канон в орхонских текстах складывался не только из канона ситуаций, но включал также устойчивые стилистические формулы, отражавшие различные стороны жизни древних тюрков. Повторяемость стилистических формул, перенос их из одной части надписи в другую в связи с тем, что расположение их в тексте регулируется этикетной нормой поведения изображаемых героев, дает возможность выделить эти формулы в качестве объекта специального исследования.

Употребление в орхонских текстах стилистических формул и устойчивых словосочетаний привело к художественному абстрагированию изображаемого и к типизации действительности.

Безусловно, признание существования литературного канона в орхонских текстах несколько не умаляет значения этих текстов для исторической науки, однако учитывать то, что факты истории древних тюрков даны в них сквозь призму традиционной художественной системы, необходимо. В связи с этим интересно отмеченное А. Я. Гуревичем наблюдение: «... История не представлялась уму средневекового человека самостоятельно, спонтанно, по своим имманентным законам развивающимся процессом — этот поток событий, развертывающийся во времени, получал свой смысл только при рассмотрении его в плане вечности и осуществлении божьего замысла»¹⁰. Так и для авторов орхонских текстов мир резко делится на божественный (божественное происхождение кагана, одобрение и милость неба во всех полезных для тюркского народа начинаниях кагана — войнах, походах, усмирениях непокорных народов) и человеческий (события, реально происходившие в жизни народа тюрков и описанные в рамках традиционной художественной системы). Это создает необходимый план оценки деятельности человека, скоррелированной со сферой божественного промысла. При этом божества древнетюркского пантеона, естественно, изображаются как реально существовавшие, именно их участие в жизни народа тюрков определило положительные моменты в их «истории».

Элементы реалистичности в орхонских текстах появляются тогда, когда их авторы с помощью ряда реалистических деталей пытаются приблизить свое описание к действительности, стремясь создать иллюзию реальности изображаемого, чтобы придать своим творениям большую убедительность.

Сказанное можно сопоставить с выводом Д. С. Лихачева, сделанным на материале древнерусской литературы: для автора часто бывает важным не столько описание события, сколько выражение своего отношения к этому событию. Именно с этой попыткой индивидуализированного подхода к событию связано его более или менее реалистическое изображение¹¹.

Реалистическую окраску эти тексты приобретают благодаря ярко выраженному авторскому отношению к описываемым лицам и событиям. Патетика этих надписей, обращенных к современникам и потомкам, составляет их реальную действенную силу. Сопоставление подлинной истории древних тюрков с их описанием в древнетюркских надписях свидетельствует о том, что действительность была значительно богаче и разнообразней, что в текстах орхонских надписей нашли отражение только те события, которые давали авторам возможность провозглашать определенные идеи, безусловно, положительные для свое-

¹⁰ А. Я. Гуревич. Упом. раб., стр. 11.

¹¹ Д. С. Лихачев. Упом. раб., стр. 135—137.

го времени, — идеи единства и укрепления могущества тюркского государства, следования заветам предков в борьбе с рознью и междоусобицей. Идеализированные в надписях образы тюркских каганов, полководца Кюль-Тегина и советника Тоньюкука призваны были служить назидательным примером для современников, то есть «идеал выполнял существенную социальную функцию и выражал *действительную тенденцию жизни* (курсив наш. — И. С.) средневекового общества...»¹².

Конечно, такая завершенность стиля орхонских сочинений, демонстрирующая эстетическое единство содержания и формы, не могла возникнуть вдруг. Поэтому естественно отнести зарождение тюркской литературной традиции хотя бы ко времени становления мощной центральноазиатской империи — Тюркского каганата, то есть к середине VI в. Однако не исключено, что главные тенденции развития этой литературы сложились значительно ранее.

В связи с канонизированностью стиля орхонских сочинений встает вопрос о характере изобразительного искусства того времени. К сожалению, сейчас невозможно сравнить описание подвигов Кюль-Тегина в текстах надписей с изображением их на фресках заупокойного храма Кюль-Тегина, который входил в целый комплекс погребальных сооружений, так как фрески не сохранились¹³. Было бы чрезвычайно заманчиво установить, что и в древнетюркском мире «сюжеты фресок были сюжетами письменных источников»¹⁴, как это имело место во многих культурных традициях Востока и Запада. Но, независимо от этого, в настоящее время сложилось вполне определенное представление о характере древнетюркского искусства, в частности, периода тюрко-согдийских связей (VII в.). Исследуя взаимовлияние искусства Согда и Тюркского каганата, Б. И. Маршак пишет, что тюрки, покорившие в непродолжительное время «всю срединную Азию, широко использовали искусство оседлых цивилизаций...», их «привлекали выработанные многофигурные композиции...», «иконографические каноны, сложный орнамент...», ими заимствовались и перерабатывались «согдийские растительные орнаменты, превращаясь в сочетание абстрактных элементов»¹⁵. Вместе с тем культура кочевников также оказывала влияние на оседлое общество согдийцев. «Ярость варахшинских тигров, чуткость джейрана и козерогов на серебряных сосудах заставляют вспомнить *стилизованных* (курсив наш. — И. С.) и в то же время таких живых тигров и барсов, кабанов и горных баранов, куланов и ланей на украшениях кудургинского или копенского седла...»¹⁶.

Следовательно, на основании вполне объективных данных можно заключить, что литературный канон, выявляющийся в некоторых произведениях древнетюркской словесности, функционировал параллельно с канонами в изобразительном искусстве данной эпохи (или, по крайней мере, с его тенденциями). Это свидетельствует о том, что миропонимание древних тюрков отличалось закономерной целостностью.

¹² А. Я. Гуревич. Упом. раб., стр. 278.

¹³ См.: С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, стр. 58.

¹⁴ Д. С. Лихачев. Упом. раб., стр. 24.

¹⁵ Б. И. Маршак. Согдийское серебро. М., 1971, стр. 81.

¹⁶ Там же, стр. 78. Интересно сопоставить это с однотипным описанием животных в древнетюркской рунической Книге гаданий, не исключающим, при однотипности, общей живости сцен и проявленной автором наблюдательности. См. текст и перевод в ст.: И. В. Стеблева. Древнетюркская Книга гаданий как произведение поэзии. — См.: «История, культура, языки народов Востока». М., 1970.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ф. А. ГАНИЕВ

К ВОПРОСУ О СЛОЖНЫХ СЛОВАХ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Сложные слова в тюркских языках стали предметом специального исследования сравнительно недавно. Так, в грамматиках О. Бётлингга и П. М. Мелиоранского они вообще не рассматривались. В работах же А. М. Казембека, Н. Ф. Катанова сложные («составные») глаголы лишь упоминаются¹. обстоятельному исследованию сложные слова подверглись позже в трудах А. Н. Самойловича, Н. П. Дыренковой, В. А. Гордлевского, В. М. Насилова, Н. К. Дмитриева, Н. А. Баскакова, Т. М. Гарипова, А. Н. Кононова, Э. В. Севортяна, А. И. Исакова, М. А. Хабишева и др.²

Проблемой этой в той или иной степени интересовались и татарские языковеды Дж. Валиди, Г. Алпаров, В. Н. Хангильдин, Д. Г. Тумашева, Ф. С. Фасеев³. Однако, несмотря на довольно обширную литературу, сложные слова нельзя считать достаточно изученными. Об этом свидетельствует, например, хотя бы тот факт, что в тюркологии высказываются противоречивые мнения и суждения о них, пока еще окончательно не установлены критерии отличия их от сходных лексических единиц. Следует отметить также, что многие исследователи при изучении лексики тюркских языков основное внимание уделяют простым словам, то есть

¹ А. М. Казембек. Грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1839, стр. 67, 161; Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского наречия. Казань, 1903, стр. 131—400, 727—728.

² А. Н. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османо-турецкого языка. Л., 1925, стр. 44; В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928, стр. 31—36, 52—53; Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940; *ее же*. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941; *ее же*. Грамматика хакасского языка. Абакан, 1948; В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 58, 118, 127; Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 46; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, ч. II. М., 1952, стр. 100, 105, 175—203; Т. М. Гарипов. Именное словообразование в башкирском языке. Уфа, 1959, стр. 58; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 64; С. Чэфэров. Азәрбајҹан дилиндә сөз јарадычылығы. Бақы, 1960; Э. В. Севортян. Словообразование в тюркских языках. — В сб.: «Исследование тюркских языков», ч. II. Морфология. М., 1956; *его же*. Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками (по данным тюркских языков). — В кн.: «Тюркологический сборник 1971». М., 1972; А. И. Исаков. Морфологическая структура слова и именные части речи в современном казахском языке. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата, 1961; М. А. Хабишев. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.

³ Ж. Валиди. Татар теле грамматикасы (арабская графика). Казан, 1919; Г. Алпаров. Сайланма әсәрләр. Казан, 1945; В. Н. Хангильдин. Татар теле грамматикасы. Казан, 1959; Д. Г. Тумашева. Хәзерге татар теле морфологиясе. Казан, 1964; Ф. С. Фасеев. Татар теленде терминология. Казан, 1969.

словам с синтетической структурой⁴. Это обстоятельство объясняется несколькими причинами.

Во-первых, в тюркологии до последнего времени господствовали грамматические схемы синтетических языков, что приводило к недооценке аналитических средств выражения грамматических и словообразовательных значений. Исследователи, настойчиво подчеркивая агглютинативный характер тюркских языков, игнорировали их аналитичность. Как показывают факты, аналитизм в системе и структуре татарского языка играет роль не меньшую, чем агглютинативность. Аналитизм тюркских языков буквально пронизывает всю их грамматическую и словообразовательную системы⁵. Без учета аналитического строя тюркских языков грамматическая и словообразовательная схема их выглядела бы весьма неполной и многое в их строе невозможно было бы понять и объяснить.

Во-вторых, как в общем языкознании, так и в тюркологии все еще не разработана стройная теория слова. Многие аспекты учения о слове и его структуре теоретически не решены и спорны.

Все это вместе взятое привело к тому, что в центре внимания исследователей структуры тюркских слов оказались главным образом только синтетические слова.

Однако в татарском языке, как и в других тюркских языках, значительную часть словарного богатства составляют аналитические (сложные) слова.

Чтобы дать наглядное представление о структуре лексики татарских слов, нами ниже приводятся тексты, взятые из произведений художественной литературы:

...*Иртәгесен көн искиртәрлек* иде: якты, жылы, тын, аз гына бөркү, тик *аратирә эллә каян* гына искәлэгән *уйнак* жил биткә йомшак кына *орынып китә*. Жирдә төнлә аккан *гөрләвеклардән комлы* эзләр калган, аяк асты, шактый *дымлы* булса да, пычрак түгел, *шаклы* туфракка яңгыр сеңеп өлгергән. Агачлар, үләннәр, бакча рәшәткәләре, өйләр бар да *тузаннан төмәм чистарынганнар, яшәреп*, бәйрәм иртәсендәге кызлар шикелле, *сөөнечле балкып торалар*. Павада тополь исе аңкый, тик бу *таза-тәмле* искә *аралашып, әлеге* тамак төбен *кытыклаган* әчкелтем *ташкүмер* исе дә килә. *Күк йөзе* ерак, *сыек-зәңгәр* һәм бик *биектән төнге* яшен теткәлэгән *күперенке* ак болытлар каядыр акрын гына агалар. (А. Еники).

Возьмем другой текст.

Зиннәт анага бер генә ул иде. Атасы *Асылгәрәй* грузчик булып *эшләп йөргән* жирендә *үлеп калган*. Болар — ике бала әниләренең канаты астында үстеләр.

Зиннәтнен апасы *Йөзлебикә*, анасы кебек үк, үткен, тере булып үсте. Укуга артык күңел салмады, инде эшкә тотынса, утлар уйната иде. *Унжиде* яшен тутырып-тутырмаз, бер *жыенда, кичке* уеннан *кайтышлый*, бик озак баш ватып тормастан, *Бикбулат* малае Гарифка ябышып чыкты да, тупырдатып бала китерә башлады.

Әмма Зиннәт *бөтенләй* башка иде. Ул кече яшәтән үк *йомшак холыклы, моңаючан, нечкә күңелле* булды. Аның музыкант буласын алдан ук *юрап куйдылар*. Зиннәт гармоньда һәм скрипкада уйнарга кечкенәдән үк өйрәнде. *Коңгырт чәчле, уйчан чырайлы* бу малай, башын артка *ташлап* озын көйләрне *сыздыра башласа, яше-карты* бөтен дөньясын онытып, *оенкала торган* иде. (Г. Җәһилов).

Анализ текстов показывает, что почти половину производных слов, образованных тем или иным способом, составляют сложные слова: из 46 производных слов 21 слово представляет собой аналитическое образование.

⁴ С. У. Усманов. Морфологические особенности слова в современном узбекском языке. Автореф. докт. дисс. Ташкент, 1964, стр. 147.

⁵ А. А. Юлдашев. Аналитические формы в тюркских языках. М., 1965.

Следовательно, можно заключить, что сложные лексические единицы составляют в татарском языке значительный пласт словарного состава. Они встречаются в сфере всех знаменательных частей речи, и при исследовании структуры языка невозможно пройти мимо них.

Отличие сложных слов от свободных синтаксических сочетаний. Многие исследователи тюркских языков, в основном правильно объясняя сущность сложных слов, вместе с тем не раскрывают их отличия от других внешне сходных языковых единиц. Сложные слова в тюркских языках, как известно, состоят из двух и редко — из трех слов. Имеются также и другие лексические единицы, состоящие из двух или более компонентов и внешне сходные со сложными словами. Ниже нами делается попытка установить основные критерии различения упомянутых лексических единиц на материале татарского языка. Зачастую бывает весьма трудно отличить сложные слова от внешне сходных с ними синтаксических сочетаний и фразеологических единиц. Трудность эта заключается в том, что по законам татарского языка сочетания как имен, так и глаголов могут представлять собой и сложные слова, и свободные синтаксические сочетания. Л. В. Щерба в свое время указывал, что «При отсутствии четкого формального выражения определить в каждом отдельном случае „речи“ („parole“), с чем мы имеем дело — с морфологическим словообразованием, со сложным словом или с синтаксической группой, иногда бывает необычайно трудно»⁶.

Так, в современном татарском языке многие сложные слова внешне сходны со свободными синтаксическими сочетаниями или фразеологическими единицами.

Советскими учеными для определения границ слова предложены критерии его цельнооформленности. Так, А. И. Смирницкий указывает, что «Именно своей цельнооформленностью, которой, вообще говоря, выражается и известная семантическая цельность, слово, даже сложное, отличается от свободного словосочетания, в частности — и от „идиоматического“ словосочетания, т. е. от так называемой фразеологической единицы и пр.»⁷. На это же указывает О. С. Ахманова: «Напротив, слова, какими бы они сложными ни были, всегда выступают как цельнооформленные единицы»⁸. По нашему мнению, цельнооформленность сложных слов выражается также в их смысловой монолитности.

В чем же выражается цельнооформленность татарских сложных слов? Какие признаки придают слову цельнооформленность в отличие от раздельнооформленных синтаксических сочетаний?

1. Составляющие компоненты сложных слов выражают одно лексическое значение и в предложении выступают как один член: *Tõn uzdyrg öçen çurtannan qurkyp sajya çuqqan taşbaşlar törkeme tiräng'äräk kerep kitte* 'Стая пескарей, подошедших к берегу, чтобы провести ночь вдали от щуки..., ушла вглубь' (М. Амир). *Bezneñ baryş taşbaqa baryşupa äjlände* 'Наша скорость превратилась в скорость черепахи' (Ф. Амирхан). *Qaŋğyldan aqqoş jözä açaqan küldä* 'Гогоча, плавает на просторном озере лебедь' (Дардменд).

В вышеприведенных предложениях сложные слова *taşbaş* 'пескарь', *taşbaqa* 'черепаха', *aqqoş* 'лебедь' выражают одно лексическое значение

⁶ Л. В. Щерба. Очередные проблемы языкознания. — «Известия Академии наук СССР. ОЛЯ», т. IV, вып. V, 1945, стр. 189.

⁷ А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема «тождества» слова). — «Труды Института языкознания АН СССР», т. IV, М., 1954.

⁸ О. С. Ахманова. К вопросу об отличии слов от фразеологических единиц. — Там же, стр. 51.

и выступают как один член предложения: слова *taşbaş* и *taşbaqa* — в функции определения, *aqqoş* — в функции подлежащего. Значение сложных слов *taşbaş*, *taşbaqa* идиоматично, то есть не вытекает из значений составляющих компонентов. Однако у части сложных слов значение их может представлять собой сумму значений их компонентов; например: *Bu bit ata-anasyn kügerg'ä qunaqqa qajtyp kilä* 'Этот же человек приезжает в гости, чтобы увидеть своих родителей' (Г. Ибрагимов). *Säriižan uqaqqa barıçu xatyn-qyzlarnı quır zitte* 'Шарифжан догнал женщин, идущих на жатву' (И. Гази).

В отличие от сложных слов компоненты свободных синтаксических сочетаний выражают два различных лексических значения и в предложении выступают как два члена предложения: *Küldä ber aq qoş jözer jöri* 'В озере плавает какая-то белая птица'. Словосочетание *aq qoş* в данном предложении представляет собой свободное синтаксическое сочетание, компоненты которого выражают два разных значения (*aq* 'белый' и *qoş* 'птица') и выступают как два члена предложения (*aq* 'белая' — определение, *qoş* 'птица' — подлежащее).

2. Компоненты сложного слова в татарском языке не могут разделяться третьим словом, имеющим самостоятельное значение, то есть они не могут располагаться дистантно. Так, например, невозможно разделить каким-либо словом компоненты сложного слова *aqqoş* 'лебедь'. При дистантном расположении компонентов сложного слова оно либо разлагается на обычное синтаксическое сочетание, либо же утрачивает смысл и превращается в искусственный набор слов без определенного значения. Сложное слово *aqqoş* при разделении его третьим словом в предложении *Küldä aq, soru qoşlar jözer jöri* 'В озере плавают белые, серые птицы' разлагается на свободное сочетание; сложное слово *taşbaş* при разделении его третьим словом в предложении *Jıylada taş ayaç başlar oçruj* 'В речке встречаются taş ayaç başlar' превращается в бесвязный набор слов.

В отличие от сложных слов компоненты свободных синтаксических сочетаний могут располагаться дистантно, при этом их цельность как сочетания не нарушается, значение не утрачивается. Так, в синтаксическом словосочетании *soru qoş* при разделении его третьим словом не нарушается цельность и не утрачивается значение: *Bezneñ ıttıpaında soru, kük qoşlar bar* 'В наших лесах имеются серые, синие птицы'.

3. Компоненты сложных слов взаимообусловленны и взаимосвязанны, в силу чего ни один из них не может быть опущен. Например, в словах *aqqoş* 'лебедь', *qaraqoş* 'орел' при опущении любого из компонентов нарушаются целостность и значение слова.

4. Между сложными словами и свободными синтаксическими сочетаниями имеются также фонетико-просодические различия.

Во-первых, как известно, у свободных синтаксических сочетаний, внешне схожих со сложными словами, наличествуют, как правило, два самостоятельных ударения. У сложных слов, за исключением парных, напоминающих свободные синтаксические сочетания, имеется только одно самостоятельное силовое ударение, при этом первый компонент может иметь вспомогательное ударение. Например, в сложном слове *qaraqoş* 'орел' выступает единое ударение, падающее на последний слог второго компонента. В словосочетании же, подобном данному сложному слову, наличествуют два самостоятельных ударения: *qara qoş* 'черная птица'.

Во-вторых, компоненты сложного слова, в отличие от синтаксического словосочетания, не разделяются паузой. Отсутствие подобной паузы является дифференцирующим признаком, отличающим сложное сло-

во от синтаксического словосочетания. Например, в сложном слове *qyzyltüş* 'снегирь' между его компонентами нет какой-либо уловимой паузы, имеющейся в словосочетании, составленном из таких же единиц: *qyzyl tüş* 'красная грудь'.

Некоторые исследователи указывают на отличительный признак тюркских слов — гармонию гласных. Однако факты показывают, что гармонию звуков⁹ нельзя считать отличительным признаком тюркских слов, в том числе и сложных. Основы сложных слов могут относиться к разным сингармоническим рядам и, следовательно, гармонии звуков здесь может и не быть. Так, например, в словах *ıyzañ* 'самосознание', *öçajaq* 'тренога', *bişjyllyq* 'пятилетка' первые компоненты включают мягкие гласные, вторые — твердые; в словах *qyzyltüş* 'снегирь', *qaraži-meş* 'сушеная слива', *utçäcäk* 'горлицец' гласные первых компонентов — твердые, вторых — мягкие. Возникает вопрос: почему же сложные слова, как правило, не подчиняются закону сингармонизма? На наш взгляд, это объясняется следующим обстоятельством. Образование сложных слов в тюркских языках по сравнению с сингармонизмом хронологически более поздний процесс. Мы склонны считать, что в тюркских языках сингармонизм представляет собой изначальное явление. Основы сложных слов, уже относившиеся по характеру звуков либо к переднему, либо к заднему ряду, сочетаясь вторично, не изменяли своей главной суперсегментной особенности — гармонии звуков. Поэтому сингармонизм не получил распространения на сложные слова.

Итак, единство сложного слова обусловлено следующими моментами:

- 1) единым и целостным значением (семантикой),
- 2) наличием единого ударения (за исключением парных слов) и отсутствием паузы между компонентами (фонетико-просодическими средствами),
- 3) непроницаемостью, то есть невозможностью разделить компоненты сложного слова третьим словом, имеющим самостоятельное значение (синтаксической особенностью).

Все отмеченные признаки отличают сложные слова от свободных синтаксических сочетаний, обладающих совершенно иными особенностями.

Отличие сложных слов от фразеологических единиц¹⁰. При определении специфики сложного слова как языковой единицы возникает необходимость в выявлении различия между ним и фразеологической единицей, функционирующей в языке семантически и синтаксически в качестве отдельного слова. Эта особенность, а также способность фразеологических образований быть воспроизведенными в качестве целостных языковых единиц сближает их со сложными словами и отличает от свободных сочетаний слов. В данном случае речь идет не вообще о фразеологических единицах, а лишь о тех, которые по внешней структуре сходны со сложными словами и почти не отличаются от них. Отметим, что сложные слова легче отличить от свободных синтаксических сочетаний, нежели от фразеологических единиц. Ибо сложные слова и

⁹ Сингармонизм в тюркских языках воплощается в гармонии не только гласных, но и согласных.

¹⁰ В вопросе о природе фразеологических единиц мы придерживаемся точки зрения Н. М. Шанского: «Фразеологический оборот — это воспроизводимая языковая единица из двух или более слов, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре» (см.: Н. М. Шанский. Фразеология современного русского языка. М., 1963, стр. 24).

свободные синтаксические сочетания различаются прежде всего семантически и синтаксически.

Сложные слова и фразеологические единицы не имеют между собой этих отличительных черт: и фразеологические единицы, и сложные слова, сходные с ними по внешней структуре, имеют одно значение (чаще идиоматичное) и в предложении выступают в качестве только одного члена предложения. Однако данное обстоятельство отнюдь не говорит об отсутствии отличительных черт между сложными словами и фразеологическими единицами. Различия между ними имеются и притом существенные:

1. Сложные слова в отличие от подобных им фразеологических единиц состоят из основ-морфем, а не из самостоятельных слов. Так, компоненты сложных слов *quşbaş* 'голавль', *aqqıgıyaş* 'олово', *islemaj* 'духи', *başqala* 'столица', *taşkümer* 'уголь каменный' не являются самостоятельными словами; они характеризуются взаимозависимостью и взаимопроникновением, указывающим на то, что это зависимые основы-морфемы. В фразеологических единицах *qıjañ jögäk* 'трусливый, как заяц', *žuly süz* 'теплое слово', *qart tölke* 'старая лиса', *satlıq zañ* 'продажная душа' оба компонента относительно самостоятельны, что проявляется в их фонетико-морфологических особенностях.

2. Компоненты сложных слов в отличие от сходных по внешней структуре фразеологических единиц связываются между собой одним самостоятельным ударением (лишь иногда ему может сопутствовать вспомогательное ударение)¹¹. Фразеологические же единицы, как правило, имеют два или более ударения, что объясняется относительной самостоятельностью слов, входящих в их состав. Например, сложные слова *aqsaqal* 'старейшина', *balaçaq* 'детство', *qulbaş* 'плечо', *bilbäu* 'пояс', *tönjaq* 'север' характеризуются одним ударением, падающим на последний слог. Фразеологические единицы *ét toqmıy* 'собачье отродье', *satlıq zañ* 'продажная душа', *qart tölke* 'старая лиса', *safsata satı* 'лясы точить' имеют два ударения, причем каждый компонент — свое собственное. Отмеченная акцентологическая особенность является одним из главных критериев различения сложных слов от фразеологических единиц.

Игнорирование акцентологических особенностей сложных слов и фразеологических единиц приводит к тому, что сложные слова иногда неправильно относят к фразеологическим единицам. Например, сложные слова *bertavyştan* 'единогласно', *beravyzdan* 'единогласно', *başkisär* 'разбойник' в «Русско-татарском фразеологическом словаре» приведены в качестве фразеологических единиц.

3. Сложные слова отличаются от фразеологических единиц также семантико-экспрессивными особенностями. Фразеологическим единицам свойственна ярко выраженная образность. У сложных же слов этого не наблюдается. Некоторые лингвисты не считают отсутствие образности отличительным признаком сложных слов, что, по-видимому, объясняется недооценкой проблем семантики и экспрессивных значений в татарском языкознании. Правда, между сложными словами и фразеологическими единицами могут наблюдаться и переходные случаи. Однако абсолютное большинство фразеологических единиц, безусловно, может быть выявлено именно благодаря образности значений. Так, фразеологические единицы *qolauna da elmi* 'и ухом не ведет', *eşne buşatu* 'излить душу', *kibäk baş* 'мякинная голова' характеризуются ярко выраженной экспрессивностью, образностью. Сложные же слова, образованные как

¹¹ За исключением парных слов, отличающихся от фразеологических единиц другими своими особенностями.

путем сложения основ, так и перехода фразеологических единиц, такой образностью не обладают. Как известно, переход фразеологических единиц в сложные слова происходит благодаря постепенной утрате ими образности, экспрессии. Д. Г. Тумашева, например, утверждает, что слова *şajtan tajaŋu* 'чертополох', *qot oçı* 'испугаться', *ığ'ı ana jaŋraŋu* 'мать-и-мачеха' образовались из фразеологических единиц в результате утраты ими образности¹².

Таким образом, главное отличие сложных слов от фразеологических единиц заключается в фонетико-морфологических, акцентуационных и экспрессивных особенностях, которые практически позволяют почти во всех случаях четко разграничить сложные слова и фразеологические единицы.

¹² Д. Г. Тумашева. Указ. раб., стр. 28.

Н. МАМАТОВ

О КЛАССИФИКАЦИИ СЛОЖНЫХ СЛОВ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

Для рассмотрения вопроса о классификации сложных слов необходимо прежде всего уточнить термин, обозначающий это понятие. Почти во всех научных трудах и словарях в качестве эквивалента русского лингвистического термина «сложное слово» обычно используется узбекское словосочетание «қўшма сўз». Однако в употреблении этих терминов («сложное слово» и «қўшма сўз») имеются значительные расхождения. В научных трудах на русском языке, касающихся классификации сложных слов в тюркских языках, сочетание «сложные слова» обычно употребляется как родовой термин, и лексические единицы, охватываемые этим термином, подразделяются по структуре на определенные группы (виды): собственносложные слова, парные слова, слитные слова и сложносокращенные слова¹. Таким образом, термин «сложные слова» является родовым и охватывает все виды сложных слов.

Между тем в литературе на узбекском языке сочетание «қўшма сўз», приравняемое в переводе к термину «сложное слово», употребляется в основном как видовой термин и обозначает лишь определенный вид сложных слов. Наглядным подтверждением этого является название монографии А. Хаджиева «Ўзбек тилида қўшма, жуфт ва такрорий сўзлар» — «Сложные, парные слова и слова-повторы в узбекском языке» (Ташкент, 1963). В грамматиках узбекского языка обычно говорится, что «синтаксическим способом образуются сложные („қўшма”) и парные („жуфт”) слова»². В «Современном узбекском литературном языке» читаем: «Синтаксическим способом образуются сложные („қўшма”), составные, сложносокращенные и парные существительные»³. Правда, сочетание «қўшма сўзлар» встречается и в значении родового термина, точнее, при обозначении либо собственносложных и слитных слов⁴, либо парных слов и повторов⁵.

Употребление одного и того же термина в двух или более значениях, естественно, затрудняет его понимание. Ибо «степень вредности тех или иных многозначных терминов различна. В то время как одни из них вызывают лишь затруднение при чтении литературы, нарушают взаимопонимание, ограничивают возможность обмена опытом, другие ведут к шаткости представлений и к более или менее тяжелым практическим ошибкам»⁶.

Отсутствие твердо фиксированного эквивалента русского родового термина «сложные слова» исключает возможность четкой классификации сложных слов. О необходимости введения в узбекском языке родового термина, «общего для сложных („қўшма”) и парных слов» писал в свое время А. Хаджиев⁷. Но такой общий (родовой) термин в узбекском

языкознании до сих пор никем не был предложен. Между тем применение родового термина, охватывающего все виды цельнооформленных лексических единиц, и тем самым отграничение их, с одной стороны, от простых слов, а с другой — от словосочетаний, в том числе от устойчивых и фразеологических⁸, имеет большое научное и практическое значение.

Правда, в некоторых тюркских языках термин, соответствующий родовому термину «сложные слова», существует давно. Например, в киргизском и уйгурском языках:

	В киргизском языке	В уйгурском языке	Переводы на русский язык
Родовой термин	татаал сөздөр	мүрәккәп сөзләр	сложные слова
Видовые термины	кошмак сөз	кошма сөз	собственносложные слова
		бириккән сөз	слитные слова
	кош сөз	кош сөз	парные слова
	кыскартылган сөз ⁹	қыскартылган сөз ¹⁰	сложносокращенные слова

Применение родового термина, охватывающего все виды сложных слов, облегчает их классификацию, придает последней научную определенность и четкость. Поэтому выделение в тюркских языках родового термина крайне необходимо. В узбекском языкознании, например, функцию родового термина могло бы успешно выполнять сочетание «мураккаб сўзлар», как это принято в уйгурском языкознании. Это же сочетание в качестве родового термина могло бы найти применение и в других тюркских (например, азербайджанском, туркменском, турецком) языках, где слово «мураккаб» полностью соответствует лингвистическому термину «сложный»¹¹. (В этом случае в азербайджанском языке в значении «собственносложные слова» могло бы, например, употребляться сочетание «гошма сөзләр», бытующее в этом языке как синоним термина «гошма сөзләр» 'парные слова')¹².

Введение родового термина «мураккаб сўзлар» как соответствия термину «сложные слова» позволяет закрепить за «қўшма сўзлар» понятие видового термина «собственносложные слова».

Среди тюркологов существует мнение, что сложные слова можно классифицировать по структуре, составу, семантике, происхождению компонентов, способам связи, законам образования и т. д.¹³. Однако указанные выше признаки охватывают не все виды сложных слов. Например, при классификации по структуре¹⁴, а также по способам связей компонентов сложных слов или «по синтаксическому признаку»¹⁵ вне классификации остаются такие виды сложных слов, как, например, сложносокращенные слова, слова-повторы и др.

Ф. А. Ганиев справедливо отмечает, что в сложных словах, в отличие от синтаксических сочетаний, отсутствует грамматическая связь, тем не менее сложные слова он классифицирует, «учитывая грамматическую связь между компонентами»¹⁶, что приводит к некоторым неточностям, например, к признанию сложными словами сочетаний типа *йорт қуяны* 'кролик', *жир жыләге* 'клубника'¹⁷, *балык мае* 'рыбий жир', *авыл совети*¹⁸ 'сельский совет'. Последние компоненты этих сочетаний имеют при-

тяжательный аффикс, свидетельствующий о наличии в них синтаксической связи¹⁹.

Некоторые признаки, как, например, семантика, состав и происхождение компонентов, могут служить основанием для внутривидовой классификации, например, для классификации собственносложных слов.

В данной статье делается попытка классифицировать сложные слова по способу образования их в современном узбекском языке. По этому признаку сложные слова можно разделить на четыре группы:

1) собственносложные слова, образующиеся в основном путем соединения между собой двух или более основ;

2) парные слова, образующиеся путем спаривания (сочетания) двух разных (но связанных по значению) слов;

3) повторы, образующиеся путем повторения одного и того же слова²⁰;

4) сложносокращенные слова, образующиеся путем сокращения двух или более слов.

Конечно, новые слова не могут быть образованы комбинацией любых основ или слов. Здесь имеют значение соответствующие условия и закономерности. В частности, при образовании собственносложных слов используются основы слов, выражающих наиболее характерные признаки данного предмета, причем соединение их между собой происходит согласно характерным для данного языка определенным моделям и закономерностям. Например, для того, чтобы образовать слово в значении «*кўзи зогчанинг кўзига ўхшаган (киши)*» ('человек), глаза которого похожи на глаза галки', используются основы *кўз* 'глаз' и *зогча* 'галка' и соединяются между собой по существующей в языке модели типа *эчкисоқол* (досл.: 'козел+борода') 'козлиная борода' или 'козлобородый': *зогчақўз* (досл.: 'галка+глаз') 'галкин глаз' или 'светлоглазый'²¹, но не наоборот (*кўззогча*), так как в узбекском языке не существует модели, в которой слово, выражающее уподобляемый (определяемый) предмет, находилось бы на первом месте.

Вопросы образования исторически сложившихся и современных моделей сложных слов требуют специального исследования. Многие модели подобных слов сформировались еще в глубокой древности. Например, в памятниках древнетюркской письменности встречаются слова типа (1) узб. *белбоғ* (*belbağ*²²) 'пояс, кушак' (досл.: 'талия+завязка'); (2) узб. *иштон* (иштон, ср. иштонланди < ичтон, ср. ичтонланди²³) 'штаны, шаровары' (досл.: 'внутренность+одежда'); (3) *қағабаш* (~ *қағабаш*) 'раб', 'слуга'²⁴ (досл.: 'черный+голова') и т. п., по моделям которых образовались и образуются в современном узбекском языке сотни собственносложных слов, например: (1) *бўйинбоғ* (досл.: 'шея+завязка') 'галстук', 'шарф', 'ошейник'; *қўлқоп* ('рука+мешок') 'рукавица', 'перчатка'; *келинсарпо* ('невеста+одежда') 'одежда для невесты'; *ошқовоқ* ('горячая пища+тыква') 'тыква мускатная'; *тишчўтка* ('зуб+щетка') 'зубная щетка' и т. п.; (2) *ичкўйлак* ('внутренность+рубашка') 'нижняя рубашка'; *тагачини* ('низ+кожа') 'подошва'; *тагсини* ('низ+жердь каркаса') 'балка'; *устўст* ('верх+кора') 'наружный слой коры'; 'эпидермис'; *остўст* ('низ+кора') 'внутренний слой коры'; 'эндодермис' и т. п.; (3) *оқсоқол* ('белый+борода') 'старейшина', 'староста'; *оқсоч* ('белый+волос') 'служанка', 'прислуга'; *қорақулоқ* ('черный+ухо'); зоол. 'степная рысь'; *қизилиштон* ('красный+штаны') зоол. 'дятел'; *қўнғирбош* ('бурый+голова') бот. 'мятлик'; *каттабош* ('большой+голова') бот. 'костер острозубчатый' (УРС) и т. п.

Некоторые из аморфных (безаффиксных) моделей могут оказаться наиболее древними, «поскольку вообще формы сочинения в языке древ-

нее форм подчинения»²⁵. А некоторые модели собственнотелесных слов образуются из словосочетаний путем опущения аффиксов, указывающих на синтаксическую связь между компонентами сочетания. Например, *гулнинг барги* 'лист цветка' > *гул барги* 'лист цветка' или 'цветочный лист' > *гулбарг* 'лепесток'; *ички кўйлак* > *ичкўйлак* 'нижняя рубашка'. В трехкомпонентном определительном сочетании с опущением аффикса -ли обычно выпадает и существительное, определяемое предшествующими словами, оформленными этим аффиксом. Например, *қизил уруғли қовун* 'дыня с красными семенами' > *қизилуруғ* 'сорт дыни с красными семенами', *қирқ бўғимли ўт* (досл.: 'трава, имеющая сорок узлов') 'трава, на стебле которой имеются сорок ростков' > *қирқбўғим* 'хвощ', *қора кўзли қиз* 'девушка с черными глазами' > *қоракўз* 'черноокая'.

При образовании собственнотелесных слов по готовым моделям основы обычно соединяются без аффиксов, указывающих на синтаксическую связь между компонентами. Например, *зоғчақўз*, *тулкиқўйруқ* (досл.: 'лисица+хвост') 'прангос кормовой' (УРС), *устўст*, *ичкўйлак*, *кўзойнак* ('глаз+стекло') 'очки', *қирқоёқ* 'сороконожка', *шакарпалак* (досл.: 'сахар+плеть') 'сорт дыни', *сувўлчағич* (но не *сувни ўлчағич*) 'водомер', *ўринбосар* (но не *ўринни босар*) 'заместитель' и т. д. В других случаях собственнотелесные слова образуются из определительных словосочетаний при помощи словообразовательных аффиксов. Например, *темир йўл* 'железная дорога' + *чи* = *темирийўлчи* 'железнодорожник', *қизил гвардия* 'красная гвардия' + *чи* = *қизилгвардиячи* 'красногвардеец', *юз центнер* 'сто центнеров' + *чи* = *юзцентнерчи* 'стоцентнеровик' (работник, получающий стоцентнеровый урожай); *қизил байроқ* 'красное знамя' + *ли* = *қизилбайроқли* 'краснознаменный', *уч хона* 'три комнаты' + *ли* = *учхонали*²⁶ 'трехкомнатный'; *Ўрта Осиё* 'Средняя Азия' + *лик* = *ўртаосиёлик* 'среднеазиатский'; *беш йил* 'пять лет' + *лик* = *бешйиллик* 'пятилетний' и 'пятилетка' и т. д. Пути возникновения собственнотелесных слов и их моделей в узбекском языке разнообразны и должны изучаться отдельно.

Способы образования парных слов, повторов и сложносокращенных слов широко освещены в тюркологической литературе. Поэтому мы ограничимся некоторыми замечаниями по спорным вопросам относительно включения повторов и сложносокращенных слов в разряд сложных слов. В некоторых работах (в основном в области грамматики) парные слова и повторы рассматриваются вместе как один из видов сложных слов²⁷, слова-повторы иногда вообще не относят к сложным словам. Так, С. Н. Муратов включает их в «грамматикализованные устойчивые словосочетания»²⁸. По мнению Т. М. Гарипова, «они представляют собой лишь формы редуцируемых слов, не получивших нового значения, а только модифицирующих его в сторону количественного или качественного изменения»²⁹.

Между тем большая часть повторов в узбекском языке выражает новые значения, отличающиеся от лексического значения повторяющихся слов³⁰. Такие повторы, как *ранг-баранг* (*ранг* 'краска') 'разнообразный', 'разноцветный', 'красочный', *йўл-йўл* (досл.: 'дорога-дорога') 'полосатый', 'линейный', *бирдан-бир* (*бир* 'один') 'единственный', 'единственно', *бирма-бир* (*бир* 'один') 'по-одному', 'один за другим', 'все по порядку', выражающие самостоятельные лексические значения, включаются в словники узбекских словарей и составляют отдельные словарные статьи³¹.

Таким образом, можно утверждать, что имеются все основания для включения повторов в разряд сложных слов в узбекском языке. Несмотря на некоторое внешнее сходство, парные слова и повторы коренным образом отличаются по способу образования (парные слова обра-

зуются спариванием или сочетанием двух разных слов, а повторы — повторением одного и того же слова) и поэтому принадлежат к отдельным (самостоятельным) видам сложных слов³².

Что касается сложносокращенных слов, то они иногда не выделяются в отдельный вид сложных слов³³, но в то же время в некоторых работах причисляются к сложным словам³⁴. По мнению Р. Бердиева, слова, созданные путем сокращения нескольких слов, представляют собой в туркменском языке особый вид сложных слов³⁵. Т. М. Гарипов пишет, что «процесс создания аббревиатур представляет собой новый, особый тип аналитического словообразования... (разрядка наша. — Н. М.)»³⁶. В «Грамматике азербайджанского языка» читаем: «По своей структуре и отношениям частей рассматриваемые сложные слова бывают трех типов: а) собственно сложные имена существительные...; б) парные имена существительные...; в) сложносокращенные имена существительные...»³⁷. Из сказанного следует, что сложносокращенные слова типа *райком*, *УзССР*, *партбилет*, *агитколлектив*, *узсельхозтехника* также следует отнести к сложным словам особого вида.

Резюмируя изложенное, можно предложить следующую классификацию сложных слов по способу образования в узбекском языке.

Родовые термины	По-русски	По-узбекски	Примеры	Способы образования
	сложные слова	мураккаб сўзлар		
Видовые термины	1. собственносложные слова	қўшма сўзлар	<i>гулбарг, тоғолча, боййўли, оқсоқол, ўринбосар</i>	присоединение основ слов по определенным моделям и законам
	2. парные слова	жуфт сўзлар	<i>ота-ана</i> 'родители', <i>қозон-товоқ</i> 'кухонная посуда', <i>бирин-кетин</i> 'гуськом'	сочетание (спаривание) двух разных слов
	3. слова-повторы	такрорий сўзлар	<i>йўл-йўл, туриб-туриб</i> 'все сильнее' (УРС), <i>бирма-бир, ранг-баранг</i>	повторение одного и того же слова
	4. сложносокращенные слова	қисқартма қўшма сўзлар	<i>УзССР, ўзкомпартия, агитпоезд, агроқоида</i> 'агроправило'	сокращение слов-компонентов, в основном устойчивых словосочетаний

В некоторых трудах по тюркологии в отдельный вид сложных слов выделяются и «слитные слова»³⁸, «один или все компоненты которых подвергаются фонетическим изменениям»³⁹. Классифицируя сложные слова по способу образования, мы не можем причислить к ним «слитные слова», так как они по этому признаку ничем не отличаются от других видов собственносложных слов. Например, узб. *билагузук* (<*билак*+*узук* 'запястье+кольцо') 'браслет', *қовоғари* (<*қовоқ*+*ари* 'тыква+оса') 'шершень', *экемар* (<*эчки*+*эмар* 'коза+сосущий') 'варан', уйг. *қашқибедә* (<*Қашқар*+*бедә* 'Кашгар+люцерна') бот. 'донник', башк. *алмағас* (<*алма*+*ағас* 'яблоко+дерево') 'яблоня', *қыргаяк* (<*қырык*+*аяк* 'сорок+нога') 'мокрица' и т. п., считающиеся «слитными словами», по способу образования являются собственно-

сложными словами, лишь подвергнутыми определенным фонетическим изменениям. (Фонетические изменения в данном случае не носят словообразовательного характера).

Сложные слова, подвергшиеся фонетическим изменениям, не сводимы к живым фонетическим закономерностям данного языка, например, *қайрағоч* (<қора 'черный'+*ёғоч* 'дерево') 'карагач', 'вяз', *қайната* (<қайын+ата<қадын=*қатун* 'жена', 'госпожа'+ата 'отец') 'тесть', 'свекор', а также слова, один или все компоненты которых самостоятельно не употребляются в современном узбекском языке и воспринимаются как простые слова (например, *кечқурун* 'вечером', *ширгуруч* 'молочная каша', *биохимия*, *самолет*, *галстук*), можно назвать этимологически сложными словами в отличие от современных сложных слов, все компоненты которых употребляются в качестве отдельного слова, как, например, *тошбақа* (*тош* 'камень'+*бақа* 'лягушка') 'черепаха', *қирқоёқ* (*қирқ* 'сорок'+*оёқ* 'нога') 'сороконожка'.

Приведенное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Термин «қўшма сўзлар», применявшийся в узбекском языке как эквивалент родового термина «сложные слова», нельзя считать удачным, так как он обозначает лишь один из видов сложных слов. Поэтому в качестве родового термина в значении «сложные слова» в узбекском языке мы предлагаем термин «мураккаб сўзлар», принятый в некоторых тюркских языках.

2. Сложные слова (*мураккаб сўзлар*) можно разделить по способу образования на: 1) собственносложные слова (*қўшма сўзлар*), 2) парные слова (*жуфт сўзлар*), 3) слова-повторы (*такрорий сўзлар*), 4) сложносокращенные слова (*қисқартма қўшма сўзлар*), а по употреблению компонентов — на современные сложные слова и этимологически сложные слова.

3. Употребление в ряде тюркских языков термина *мураккаб сўзлар* в значении родового термина «сложные слова» (соответственно в уйгурском языке *мурәккәп сөзләр*, азерб. *мүрәккәб сөzlәр*, туркм. *мүреккеп сөзлер*, тур. *mürekkkep sözler*), а в значении видового термина «собственносложные слова» — узб. *қўшма сўзлар*, тат. *кушма сүзләр*, башк. *кушма һүзләр*, туркм. *гошма сөзлер*, азерб. *гошма сөzlәр*, уйг. *қошма сөзләр*, ккалп. *қоспа созлар*, кирг. *кошмак сөздөр* и т. п. в определенной степени унифицирует лингвистические термины в тюркских языках.

4. Отсутствие в тюркологии единого взгляда на природу сложных слов, например, интерпретация в некоторых научных трудах устойчивых, а иногда даже и свободных словосочетаний как сложных слов⁴⁰, что отражается и на классификации последних, расхождение в употреблении термина «сложные слова» и его эквивалентов и, самое главное, разноречием в орфографии сложных слов⁴¹ (вследствие чего огромное количество собственносложных слов в узбекских словарях даются внутри словарных статей как устойчивые словосочетания) и т. п. — свидетельствуют о необходимости продолжать исследования природы сложных, особенно собственносложных слов.

¹ См.: С. Н. Муратов. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961, стр. 44; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 131; «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971, стр. 56; Ф. А. Ганиев. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974, стр. 44—46.

² У. Турсунов, Ж. Мухторов, Ш. Рахматуллаев. Хозирги ўзбек адабий тили. Тошкент, 1965, стр. 8; М. Мирзаев, С. Усмонов, И. Расулов. Ўзбек тили. Тошкент, 1962, стр. 88; и др. Здесь и далее переводы с узбекского — наши. — Н. М.

³ «Хозирги ўзбек адабий тили». Тошкент, 1966, стр. 228.

⁴ Здесь и далее термины «собственносложные слова» и «слитные слова» употребляются нами в том значении, в каком они употреблены А. Н. Кононовым (указ. раб., стр. 131) и С. Н. Муратовым (указ. раб., стр. 45—46 и 79—80).

⁵ Например, в «Основных правилах узбекской орфографии» читаем: «§ 56. Следующие типы сложных слов (қўшма сўзлар) пишутся слитно» и даются такие примеры, как *шибай* 'сдельщина', *томарқа* 'приусадебный участок', *билагузук* 'браслет', *эчкешар* 'варан'; «§ 57. Следующие типы сложных слов (қўшма сўзлар) пишутся через дефис: *эр-та-кеч* 'день и ночь', 'все время', *икир-чикир* 'мелочь', *қоп-қоп* 'мешками', 'очень много', *бориб-бориб* 'постепенно', 'в конце концов', *юзма-юз* 'лицом к лицу', 'с глазу на глаз'. Приведенные примеры (қўшма сўзлар) по классификации А. Н. Кононова, С. Н. Муратова, А. Хаджиева и др. называются «собственносложными», «слитными», «парными» словами и «словами-повторами».

⁶ Д. С. Лотте. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961, стр. 20.

⁷ А. Хожиев. «Ўзбек тилида қўшма, жуфт ва такрорий сўзлар». Тошкент, 1963, стр. 6—7.

⁸ В некоторых научных трудах сложные слова, выступающие монолитными единицами языка, рассматриваются наряду с фразеологическими единицами и устойчивыми словосочетаниями как одна из разновидностей последних (см.: С. Н. Муратов. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961; «Қазақ тілінің грамматикасы». Алматы, 1967, стр. 25—27). Нам представляется необходимым отличать цельноформленные лексические единицы, возникшие в процессе словообразования, от нецельноформленных фразеологических единиц и устойчивых словосочетаний.

⁹ Ж. Ш. Шукуров. Кыргыз тилиндеги татаал сөздөр. Фрунзе, 1955, стр. 9, 16, 21, 25 и след.

¹⁰ «Ҳазирки заман уйғур тили». Алмута, 1966, стр. 25.

¹¹ См.: О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

¹² М. И. Адилев. Мүасир Азербайжан дилинде муреккеб сөзләр (исим—сифәт). Баку, 1957, стр. 83—84.

¹³ М. И. Адилев. Сложные слова в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1958, стр. 9.

¹⁴ См.: С. Н. Муратов. Указ. раб., стр. 44; А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 131.

¹⁵ М. И. Адилев. Указ. автореф., стр. 9.

¹⁶ Ф. А. Ганиев. Суффиксальное словообразование в современном татарском литературном языке. Казань, 1974, стр. 43.

¹⁷ Там же, стр. 18 и 45.

¹⁸ «Хәзерге татар әдәби теле». Казан, 1965, стр. 56.

¹⁹ Аналогичные сочетания могут превратиться в определенных условиях в сложные слова, например, при переносном употреблении всех компонентов сочетания, ср. узб. *бойўғли* (досл.: 'сын богача') 'сова', 'сыч', а также при утрате (опущении) всех аффиксов — грамматических показателей (подробнее об этом см. ниже).

²⁰ А. Хожиев. Указ. раб., стр. 81.

²¹ «Узбекско-русский словарь». М., 1959 (далее — УРС).

²² «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 93.

²³ Махмуд Кошғарий. Девону луготит турк, т. I. Тошкент, 1960, стр. 305.

²⁴ «Древнетюркский словарь», стр. 423—424.

²⁵ С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957, стр. 51.

²⁶ Слова типа *учхонали* резко отличаются от словосочетаний сходной конструкции смысловым и ритмико-интонационным единством, что свойственно именно собственно-сложным словам. Ср. узб. *уч* (разделительная пауза) *болали хотин* 'трое женщин, имеющие детей' и *учболали хотин* (досл.: 'трехдетная женщина') 'женщина, имеющая троих детей'. Ср. еще: *йирик*, *мевали дарахт* 'крупное, плодовое дерево' и *йирик-мевали дарахт* 'крупноплодовое дерево', т. е. 'дерево с крупными плодами'.

²⁷ У. Турсунов, Ж. Мухторов, Р. Рахматуллаев. Указ. раб., стр. 7—8, 38—39, 98 и др.; «Хозирги ўзбек адабий тили», I. Тошкент, 1966, стр. 190, 236 и др.; А. Кайдаров. Парные слова в современном уйгурском языке. Алма-Ата, 1958; Б. О. Орузбаева. Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1964, стр. 225—232; «Хәзерге татар әдәби теле». Казан, 1965, стр. 56, 199; «Ҳазирки заман уйғур тили», 1966, стр. 31, 36; «Қазақ тілінің грамматикасы», 1967, стр. 30; «Грамматика азербайджанского языка». Баку, 1971, стр. 56—57, 66—67 и др.

²⁸ С. Н. Муратов. Указ. раб., стр. 103—105 и след.

²⁹ Т. М. Гарипов. Башкирское именное словообразование. Уфа, 1969, стр. 156.

³⁰ А. Хожиев. Указ. раб., стр. 88.

³¹ «Ўзбек тилининг изоҳли лугатини тузиш учун қўлланма» (Руководство для составления толкового словаря узбекского языка). Тошкент, 1964, стр. 23.

³² Об отличиях слов-повторов от парных слов см.: А. Хожиев. Указ. раб., стр. 87; Ю. Долинина. Туркий тилларда жуфт ва такрорий сўзлар. — В журн.: «Ўзбек тили ва адабиёти». Тошкент, 1973, № 3, стр. 49.

³³ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 130—131; С. Н. Муратов. Указ. раб., стр. 43—44; А. Хожиев. Указ. раб., стр. 4; Б. О. Орузбаева. Указ. раб., стр. 184—260; «Хазерге татар әдәби теле», стр. 21, 190 и др.

³⁴ Ж. Ш. Шукуров. Указ., раб., стр. 9, 16—21; Р. Бердиев. Сложные слова. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1955, стр. 15 и след.; М. И. Адилов. Указ. автореф., стр. 20 и указ. раб., стр. 202—225; «Хозирги замон ўзбек тили». Тошкент, 1959, стр. 298; «Назирки заман уйғур тили», 1966, стр. 26, 38; «Қазақ тілінің грамматикасы», 1967, стр. 27; «Грамматика азербайджанского языка», 1971, стр. 56, 59 и др.

³⁵ Р. Бердиев. Хазирки заман түркмен дилинде гошма сөзлер. Ашхабад, 1957, стр. 91.

³⁶ Т. М. Гарипов. Указ. раб., стр. 189.

³⁷ «Грамматика азербайджанского языка», стр. 56.

³⁸ См.: С. Н. Муратов. Указ. раб., стр. 43—44, 79—97; А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 131—132; «Назирки заман уйғур тили», стр. 26—28.

³⁹ С. Н. Муратов. Указ. раб., стр. 79.

⁴⁰ См., например: Б. Мадалиев. Хозирги ўзбек тилида кўшма сўзлар. Тошкент, 1966, стр. 146: қизил байроқ 'красное знамя'; «Хазерге татар әдәби теле». Казан, 1965, стр. 56: кызыл почмак 'красный уголок'; С. Н. Муратов. Указ. раб., стр. 49 и 54: уз-ара һейләшеу 'говорить между собой'; салбар бауы 'шнур для стягивания шаровар в поясе'; Ж. Ш. Шукуров. Кыргыз тилиндеги татаал сөздөр. Фрунзе, 1955, стр. 22: паровоз куруучу завод 'паровозостроительный завод'; Б. О. Орузбаева. Словообразование в киргизском языке. Фрунзе, 1964, стр. 213: шайлоо комиссиясы 'избирательная комиссия', Эмгек Кызыл Туу ордены 'орден Трудового Красного Знамени' и т. д., и т. п.

⁴¹ В качестве примера достаточно обратиться к следующим фактам: а) в «Киргизско-русском словаре» (М., 1965) из ста сложных слов, начинающихся на «а», сорок девять употреблены в двух формах — слитно и раздельно; б) в узбекском языке в различных, особенно терминологических, словарях тысячи сложных слов встречаются то в слитном, то в раздельном написании, а некоторые сложные слова, например, илдимева 'корневище', карқур 'глухарь', обиҳает 'живая вода', сўқирсичқон 'крот', встречаются даже в трех формах — слитно, раздельно и через дефис. Ср. еще: сассиқкузан — сассиқкузан — сассиқ кузан 'хорек', обиҳаво — оби-ҳаво — оби ҳаво — обу ҳаво — об-хаво — обҳаво 'погода, климат' и т. д. Причина такого разноречия кроется прежде всего в том, что существующие правила написания сложных слов «не аргументированы достаточно убедительно. Действующие правила не обеспечивают единообразного написания сложных слов». (К. М. Мусаев. Вопросы разработки и дальнейшего совершенствования орфографии тюркских литературных языков СССР. — В сб.: «Орфография тюркских литературных языков СССР». М., 1973, стр. 35). По нашему убеждению, проблему орфографии сложных слов нельзя разрешать в отрыве от вопроса о природе таких единиц в тюркских литературных языках.

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

Л. Р. ТУМИЯНИЦ

О НЕГРАММАТИЧНОСТИ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена сопоставительному исследованию категории числа имен существительных¹ в русском, английском и туркменском языках.

В туркменском языке, в отличие от русского и английского², значение числа выражается неграмматическими средствами.

Для обоснования высказанной точки зрения достаточно, как нам кажется, показать, что имена конкретные, такие, как *галам*, *адам*, *китап*, *папирос*, *гул*, *газет*, *хораз* и т. д., не несут в себе никакой информации о числе и поэтому ничем не отличаются от имен, стоящих вне категории числа, например, *яг* 'масло', *суйт* 'молоко'. (имена вещественные)³, *гахар* 'гнев', *акыл* 'разум' (имена абстрактные).

Необходимо подчеркнуть и следующее. Русский и английский языки не располагают адекватными языковыми средствами для выражения и однозначного перевода значений так называемых имен конкретных туркменского языка. То есть значение, выражаемое, например, именем существительным *галам*, не может быть выражено и соответственно осмыслено посредством имени существительного «карандаш» (один) или «карандаши», «pencil» или «pencils», а содержание, выражаемое таким ядерным предложением, как *Галам алдым*, не может быть выражено и осмыслено посредством следующих русских и английских предложений: «Я купил карандаш» или «Я купил карандаши», «I've bought a pencil» или «I've bought pencils». В свою очередь грамматическое значение множественности, выражаемое, например, формой *books* в *I've brought books* в туркменском языке не может быть выражено грамматическими же средствами. Возможность перевода посредством (*Мен*) *китаплар гетирдим* исключается, поскольку «это не соответствует норме туркменской речи»⁴. Допустимое же (*Мен*) *китаплары гетирдим* равнозначно

¹ Автор в данном случае имеет в виду так называемые имена существительные конкретные (*конкрет атлар*), к которым в туркменском языке относят «слова с вещественным значением, обозначающие любой предмет, вещь» (см.: «Грамматика туркменского языка», ч. I. Фонетика и морфология». Ашхабад, 1970, стр. 84).

² Материал русского и английского языков привлекается нами лишь для сопоставления.

³ Следует заметить, что, если в русском языке «карандаш» — это имя существительное конкретное, а «молоко» — имя существительное вещественное, то в туркменском языке и *галам*, и *суйт* классифицируются как имена конкретные. Иначе говоря, категория вещественности в туркменском языке не выделяется.

⁴ «Грамматика туркменского языка...», стр. 85.

английскому I've brought the books. В случае (Мен) *көп китап гетирдим*, или (Мен) *бирнэчэ китап гетирдим* значение числа выражается лексически; в случае *Китап гетирдим* значение числа вообще не выражено.

В силу сказанного нами, адекватный перевод на русский и английский языки таких имен, как *галам*, *китап*, *адам*, *машын*, *газет*, *папирос*, *гул* и т. п., неосуществим. Равнозначный перевод, думается, возможен только в случае имен вещественных (яг 'масло') и абстрактных (*гахар* 'гнев').

Заметим, что значения имен типа *галам*, *китап*, *адам* и т. п. передаются в русском языке при помощи имен конкретных в единственном числе: *галам* 'карандаш', *китап* 'книга', *адам* 'человек'. В некоторых случаях при передаче значений имен существительных туркменского языка используется одновременно и единственное, и множественное число имен существительных русского языка, хотя причины такого двойного подхода никак не объясняются. Так, например, в «Грамматике туркменского языка»⁵ значения имен *гул*, *даш* поясняются соответственно посредством имен «цветок»/«цветы», «камень»/«камни». В туркменско-русском словаре⁶ имя *гул* переводится как «цветок»/«цветы», но имя *даш* уже только как «камень». В русско-туркменском словаре⁷ имена «цветок», «камень» переводятся соответственно как *гул* и *даш*.

Однако не ясно, почему имя *гул* означает «цветок»/«цветы», имя *даш* — «камень»/«камни», а имя *галам* — только «карандаш». Между тем, с точки зрения значений формальных (грамматических) и, в частности, с точки зрения выражения информации о числе, между именами *гул* и *галам* никакого различия нет (ср. русск.: «цветок», «карандаш» — оба имени выражают значение единственного числа). Различие здесь заключается лишь в индивидуальности лексических (вещественных) значений. Следовательно, если *гул* есть «цветок»/«цветы», то и *галам* должно означать «карандаш»/«карандаши» и, наоборот, если *галам* — это только «карандаш», то и *гул* должно означать только «цветок». Однако не исключено и третье, а именно: *гул* и *галам* не есть соответственно ни «цветок»/«цветы», ни «карандаш»/«карандаши». Ср.: *Ораз Гөзеле гул гетирди. Галам алдым*.

Теперь непосредственно о категории числа в туркменском языке. Остановимся коротко на работах, так или иначе связанных с описанием данной категории.

1. Во всех работах категория числа квалифицируется как грамматическая⁸. Выделяется она, как можно полагать, на основе противопоставления *китап-о* : *китап-лар*, где нулевая морфема⁹, как принято считать, выражает значение единственного, а морфема *-лар* — множественного числа. Нулевая морфема конституируется на основе ее противопоставления маркированному члену оппозиции, а члены оппозиции рассматриваются как категориальные формы, конституирующие грамматическую категорию числа.

⁵ «Грамматика туркменского языка...», стр. 91.

⁶ «Туркменско-русский словарь». М., 1968.

⁷ «Русско-туркменский словарь». М., 1956.

⁸ См., например: «Грамматика туркменского языка, ч. I. Фонетика и морфология». Ашхабад, 1970, стр. 85; «Сравнительная грамматика русского и туркменского языков, ч. I. Фонетика и морфология». Ашхабад, 1964, стр. 53.

⁹ О нулевом показателе единственного числа см.: «Грамматика туркменского языка...», стр. 22, 85; см. также: А. М. Аннануров. Развитие туркменского языка за советский период. Ашхабад, 1972, стр. 19.

Легко заметить, что принцип выделения категориальных форм и грамматической категории числа в туркменском языке в целом не отличается от принципа выделения грамматических категорий числа в русском и английском языках.

Ср.: «карандаш-ø : карандаш-и» (или «ø : и»),
 «pencil-ø : pencil-s» (или «ø : s»),
 «галам-ø : галам-лар» (или «ø : лар»).

Мы полагаем, однако, что не следует забывать о весьма важном замечании Н. К. Дмитриева о том, что «соотношение единственного и множественного чисел в тюркских языках не то, что в русском и других европейских... Форма *таш* не есть единственное число с точки зрения русского и других языков. Это — недифференцированная форма»¹⁰.

Действительно, формы *даш*, *галам*, *адам* являются формами недифференцированными, то есть они не различают значения числа. Но именно по этой причине не следует употреблять термин «единственное число»¹¹ по отношению к указанным выше формам. В противном случае возникает определенное терминологическое противоречие, своего рода терминологическая несовместимость. Одно из двух: либо форма *галам*, например, — недифференцированная, и тогда она не является формой единственного числа, либо — наоборот. Факты туркменского языка, однако, подтверждают точку зрения Н. К. Дмитриева. Следует добавить, что приведенные формы не есть формы единственного числа с точки зрения не только «русского и других языков», но и туркменского. Дело в том, что та или иная языковая единица воспринимается как форма единственного числа независимо от того, к какому конкретному языку она принадлежит. Главное, чтобы данная языковая единица действительно дифференцировала значение единственного числа в противопоставлении некоторым другим формам. Так, например, термин «единственное число» однозначно применяется как к слову «карандаш», так и к слову *pencil* на том основании, что единицы «карандаш» и *pencil*, принадлежащие разным языкам, тем не менее способны различать одно и то же значение (единственное число), будучи противопоставлены другим формам числа («карандаши», *pencils*). Иначе говоря, они обладают одним и тем же семиологическим (грамматическим) свойством. Если же та или иная форма не обладает точно таким же свойством, то она не является «единственным числом» не только с точки зрения данных языков (русского и английского), но и с точки зрения того конкретного языка, которому она принадлежит. Сказанное в полной мере относится, например, к форме *галам*.

Ср.: 1. Я купил карандаш.
 2. I've bought a pencil.
 Но: 3. *Галам алдым*.

2. В научных публикациях и в учебных пособиях формы типа *галам*, *адам*, *газет*, *гул* классифицируются как формы единственного числа, хо-

¹⁰ Н. К. Дмитриев. Категория числа. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. II. Морфология». М., 1956, стр. 68.

¹¹ Под термином «единственное число» (singular) мы понимаем категориальную форму числа, указывающую на единичность предмета (см.: О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1969, стр. 147).

тя и не всегда безоговорочно¹². Материал туркменского языка не позволяет категорически утверждать, что форма *галам*, например, есть форма единственного числа, ибо в этом случае нельзя объяснить, почему форма *галам* в предложении *Галам алдым* не выражает значения какого бы то ни было числа. Если бы морфологическая структура слова *галам* действительно представляла собой *галам-ø*, то есть основа (вещественное значение) плюс нулевая морфема (грамматическое значение), конституируемая по противопоставлению положительной морфеме *-лар* (значение множественного числа), то форма *галам* (в предложении *Галам алдым*) должна была бы выражать значение числа так же обязательно, как и форма «карандаш», например, в предложении «Я купил карандаш». Поскольку же значение числа не получает здесь своего выражения, то следует признать, что форма *галам* не есть *галам-ø* и не противопоставляется форме *галамлар*. Это предположение подтверждается тем, что форма *галамлар* в позиции дополнения не употребляется. Иными словами, налицо факт, говорящий не только об отсутствии позиции различения, но и о том, что форма *галам* сама по себе (то есть формально) не способна выражать значение числа. То есть форма *галам* может функционировать в речи без различения значения числа. Таким образом, можно полагать, что значение числа в туркменском языке может и не выражаться, то есть оно не подлжет такому же обязательному выражению, как в русском и английском языках. Говорящие на данных языках не могут «скрыть» информацию о числе. Здесь только две возможности: «Я купил карандаш» (*I've bought a pencil*) или «Я купил карандаши» (*I've bought pencils*).

3. Для того, чтобы формы *галам* и *галамлар* расценивались как противочлены, конституирующие оппозицию числа, прежде всего необходимо, чтобы данная оппозиция, устанавливаемая на уровне морфологии, реально функционировала в речи. Иначе говоря, необходимо, чтобы было возможным не только *Галам алдым*, но и *Галамлар алдым*. Но поскольку позиция различения отсутствует, то и сама постановка вопроса о грамматическом различении значений «единственное число — множественное число» теряет всякий смысл. По этой же причине мы не можем говорить и о нейтрализации грамматического значения (значения единственного числа) у формы *галам* в предложении *Галам алдым*, поскольку «позиции нейтрализации противопоставляется позиция различения смысловых признаков данных форм; если нет позиции различения, то нет и нейтрализации»¹³.

Казалось бы, формы винительного падежа *галамы* и *галамлары* способны дифференцировать значение единственного и множественного чисел. В действительности же данные формы так же не различают вышеупомянутые значения, как и формы *галам* и *галамлар*. Это подтверждается хотя бы тем, что форма *галамы*, как и форма *галам*, не имеет семантической согласованности с числительными, в отличие, например, от формы «карандаш». Семантическую согласованность — несогласованность, например, числительных «один» и *бир* соответ-

¹² Ср.: «Имя существительное без грамматического показателя множественности, т. е. с нулевым окончанием, представляется (разрядка наша. — Л. Т.) как „единственное число“» (см.: «Грамматика туркменского языка...», стр. 85). Ср. также: «В туркменском языке, как и в других тюркских языках, форма существительного состоит только из основы существительного, поэтому основу любого существительного можно считать (разрядка наша. — Л. Т.) формой его единственного числа» (см.: «Сравнительная грамматика русского и туркменского языков...», стр. 53).

¹³ Е. И. Шендельс. Многозначность и синонимия в грамматике (на материале немецкого языка). М., 1970, стр. 15.

ственно с именами «карандаш» и *галам* по значениям единичности, конкретности, дискретности (немассовости) наглядно можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица 1

№№ п/п	Единицы выражения	Значения		
		единичность	конкретность	дискретность (немассовость)
1.	один карандаш	+	+	+
2.	<i>бир</i> <i>галам</i>	+	+	+
		—	—	—

Информация, заключенная в числительном «один», выражается и именем «карандаш», то есть она выражается и без помощи числительного «один» и с этой точки зрения является избыточной. Информация, заключенная в числительном *бир*, является необходимой, ибо без него она не получает своего выражения. Иными словами, для того, чтобы выразить значение единичности, конкретности, дискретности, присутствие числительного *бир* в структуре именной фразы *бир галам* обязательно.

Если бы числительное *бир* согласовывалось семантически с именем *галам* так же, как и числительное «один» с именем «карандаш», то сочетаемость *ики* с *галам* (*ики галам*), *көп* с *галам* (*көп галам*) была бы столь же невозможной, как и сочетаемость «два» с «карандаш» (*«два карандаш»), «много» с «карандаш» (*«много карандаш»). Но поскольку *ики галам*, *көп галам* — норма языка, то из этого следует, что ни *ики*, ни *көп* не согласуются семантически с именем *галам* по значению множественности, ибо в этом случае было бы невозможно *бир галам*, точно так же, как невозможно *«одна книги». Различие между *көп галам*, например, и «много книг», тапу books состоит в том, что в последних сочетаниях значение множественности выражено дважды, а в *көп китап* это значение выражается только один раз и только в *көп*¹⁴.

Сказанное в полной мере относится и к форме *галамы*, то есть в случае *бир галамы*, *ики галамы* и т. п. форма *галамы* не согласуется семантически с числительными *бир*, *ики* так же, как и форма *галам*. И здесь для выражения значения числа числительные *бир* и *ики* являются обязательными членами именной фразы.

Ср.: 1. *Бир (ики) галам алдым*. Но: *Галам алдым*.

2. *Ораз, ол бир (ики) галамы сумка сал, башгаларына дегме*. Но: *Ораз, галамы сумка сал. Алманы Ораза бер*.

Итак, два факта, а именно: отсутствие позиции различения и, как следствие, отсутствие позиции нейтрализации позволяют говорить о том, что невыраженность значения числа в предложениях типа *Галам алдым. Китап гетирдим. Газет окадым* объясняется тем, что формы *галам, китап, газет* (в отличие от форм «карандаш», «книга», «газета») вообще не обладают формальным (грамматическим) свойством выражать значение числа¹⁵. Они не противопоставлены формам *галамлар, китаплар*,

¹⁴ Заметим, что встречающиеся в научной литературе так называемые дословные пояснения типа «сорок книга», «много книга» и т. п. нисколько не способствуют уяснению сущности *кырк китап* или *көп китап*.

¹⁵ Наиболее ярко это проявляется в позиции дополнения, но не только в данной позиции. Ср.: *Адам гелди. (Бизе) мырман гелди. (Агылдан) гоюн тапылды. (Завода) автомат гелди. Алма ере гачды. (Онда) китап бар. Бу — алма*.

газетлер, не различают в таком противопоставлении значение единственного числа и, следовательно, у нас нет никаких оснований выделять нулевую морфему, противопоставляемую аффиксу *-лар*. Иначе говоря, отсутствие грамматических (словоизменительных) аффиксов у слов *галам*, *китан*, *газет* и т. п. не приобретает грамматической значимости единственного числа в противопоставлении формам с аффиксом *-лар*, и это исключает самую возможность конституирования нулевой (отрицательной) морфемы со значением единственного числа¹⁶. С другой стороны, если учесть, что любая грамматическая категория должна включать в себя не менее двух категориальных форм¹⁷, то выделение категории числа в туркменском языке как грамматической невозможно. И опять же, если формы *галам*, *адам* не являются категориальными формами единственного числа, то можно утверждать, что и формы *галамлар*, *адамлар* не являются категориальными формами числа, поскольку они выражают значение множественности не в противопоставлении формам *галам*, *адам*.

Ср.: 1. *Галам алдым*,

2. *Адам гелди*,

—
Адамлар гелди (лер).

4. Выше мы говорили о том, что форма основного падежа *галамлар* не может употребляться в позиции дополнения и, поскольку в связи с этим невозможно проверить наличие или отсутствие различительных признаков у форм *галам* и *галамлар* в одной и той же синтаксической позиции, то теряет всякий смысл сама постановка вопроса о признании или непризнании данных форм противочленами оппозиции числа, равно как и категориальными формами грамматической категории числа.

Обратимся к примерам *Адам гелди* и *Адамлар гелди (лер)*. В данном случае (в отличие от предыдущего) формы *адам* и *адамлар* занимают одну и ту же позицию (подлежащего), это, однако, не означает, что в данной позиции они функционируют как противочлены оппозиции числа; форма *адамлар* выражает, конечно, значение множественности, но не в противопоставлении форме *адам*, поскольку форма *адам* здесь так же не выражает значения числа, как и форма *галам* в *Галам алдым*. Форма *адам* в предложении *Адам гелди* ничего не сообщает слушающему о числе пришедших (приехавших) людей (ср.: *Райондан адам гелйэр. Ол оба адам элтип гелйэр. — Нэче?*). Ясно только кто (пришел), но неизвестно сколько (пришло людей). То, что это именно так, подтверждается возможностью постановки вопроса *нэче?* 'сколько?', ответами на который могут быть такие предложения, как *Бир адам гелди*. *Ики адам гелди*. *Бэш адам гелди* и т. д. Заметим, что самую возможность постановки вопроса *нэче?* можно рассматривать как формальное доказательство того, что формы *адам* (в *Адам гелди*), *галам* (в *Галам алдым*) значения числа не выражают.

Сравните еще: если говорящий на русском или английском языке задает вопрос «Что вы купили?» («What have you bought?»), то это вовсе не означает, что его интересует не только то, что куплено, но и сколько. Вопрос «Что вы купили?» («What have you bought?») не требует обязательного наличия в ответе информации о числе. Если в ответе на данный вопрос говорящий употребляет имена существительные конкретные (исчисляемые), то значение числа выражается обяза-

¹⁶ Ср. правомерность выделения нулевой морфемы (на основе противопоставления форм *галам* другим формам падежной парадигмы) со значением *баш душум* (основной падеж).

¹⁷ См.: А. М. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 8; см. также: О. Akhmanova. Categorization in Morphology. — «Approaches to Contrastive Linguistics», MGU, Moscow, 1972, стр. 42.

тельно и независимо от воли говорящего, то есть независимо от того, считает ли говорящий информацию о числе купленных предметов существенной для сообщения или нет. Ср.: «Я купил карандаш (один)». *I've bought a pencil.* «Я купил карандаши». *I've bought pencils.* При употреблении в ответе имен вещественных (нечисляемых) значение числа, естественно, остается невыраженным. Ср.: «Я купил масло». *I've bought butter.*

Совсем иначе обстоит дело в туркменском языке. В аналогичной ситуации грамматика туркменского языка позволяет отвечающему на вопрос *Нэме алдын?* «Что ты купил?» не выражать значения числа не только в случае употребления в речи (в ответе) имен вещественных типа *яг* «масло», *дуз* «соль», но и так называемых имен конкретных типа *галам*, *газет*, то есть в последнем случае независимо от таких объективно присущих предметам форм существования, как единичность, раздельность, множественность, исчисляемость. Ср.: *Яг алдым. Галам алдым. Газет окадым.* Иначе говоря, объективные различия между предметами «карандаш» и «масло», получающие отражение в русском и английском языках в виде противопоставляемых значений дискретности — недискретности, счисляемости — несчисляемости, могут оставаться невыраженными в туркменском языке. Это, конечно, не означает, что они не могут быть выражены в туркменском языке вообще.

5. Итак, установив, что отсутствие выраженного показателя у форм типа *китап*, *газет*, *галам* не приобретает значения единственного числа, рассмотрим проблему категории числа в плане морфологической структуры вышеуказанных имен. Здесь мы полностью разделяем точку зрения, согласно которой в туркменском языке «форма существительного состоит только из основы». Действительно, *китап*, *газет* — это только основы (непроизводные) или, — что то же самое для туркменского языка, — корневые слова. В отличие от основ «книг-», «газет-» основы (корневые слова) *китап*, *газет* способны самостоятельно функционировать в речи, причем они (*китап*, *газет*) так же не выражают значения числа, как и основы «книг-», «газет-». Можно говорить также, что корневые слова *китап*, *газет* по выражаемым ими значениям равнозначны только вещественным частям (лексическим морфемам) русских слов «книга», «газета», то есть тем вещественным частям, которые, по классификации Э. Сэпира, выражают в языке конкретные понятия. Конкретные понятия (ср. «книг-», «бел-»), пишет Э. Сэпир, в отличие от понятий конкретно-реляционных (например, понятий рода, числа), должны быть выражены обязательно, поскольку без этого невозможно построить высказывание ни в одном языке¹⁸. С этой точки зрения выражение конкретных понятий в туркменском языке является не только обязательным, но и достаточным для того, чтобы построить высказывание. Иначе говоря, в туркменском языке можно построить высказывание, не выражая при этом конкретно-реляционных понятий (рода, числа).

Поясним сказанное сопоставительной таблицей (см. стр. 53).

Не случайным, на наш взгляд, является тот факт, что туркменский язык заимствует из русского языка не все слово, а только его основу. Особенно наглядно это проявляется в именах существительных женского рода, таких, как «газета», «папироса», «котлета», «машина», «граната». В туркменском языке функционируют только основы (вещественные, понятийные части) данных слов. Ср.: *газет*, *папирос*, *котлет*, *машын*, *гранат*. Возьмем словосочетание *танка гарышы гранат*. В реальной дей-

¹⁸ Э. Сэпир. Язык. Введение в изучение речи. М., 1934, стр. 64—93.

Таблица 2

№№ п/п	Единицы выражения	Конкрет- ные по- нятия	Средства выра- жения конкретных понятий	Конкретно- реляционные понятия		Средства выра- жения конкретно- реляционных понятий
				число	род	
1.	книга	+	книг-	+	+	-а/-и
	book	+	book-	+	—	-ø/-s
	китап	+	китап	—	—	—
2	газета	+	газет-	+	+	-а/-ы
	newspaper	+	newspaper-	+	—	-ø/-s
	газет	+	газет	—	—	—

ствительности это — или «противотанковая граната», или «противотанковые гранаты», но в языке и мышлении — ни то, ни другое. В подобных случаях слушающий не осмысливает ни значения единственного, ни значения множественного числа, а следовательно, и говорящий не выражает и не осмысливает его. Слушающий понимает, что в *Галам алдым* (*Газет окадым*), например, речь идет о *галам*, то есть он ясно и однозначно понимает, о какой именно качественной определенности идет речь.

Если имена «карандаш», «газета» («Я купил карандаш». «Я читал газету») суть имена существительные конкретные, называющие «предметы в обычном (т. е. нефилософском) смысле...»¹⁹, и потому противопоставляются именам абстрактным, то имена *галам*, *газет* называют предметы именно в отвлеченном, философском смысле и не противопоставляются именам абстрактным.

Справедливо замечание авторов «Хэзирки заман түркмен дили» о том, что «нелегко разграничить функционирующие в туркменском языке слова на конкретные и абстрактные. Общие имена в большинстве случаев являются абстрактными» (перевод наш. — Л. Т.)²⁰.

Следует только добавить, что «общие имена» являются абстрактными во всех случаях.

На абстрактное значение имен существительных типа *китап* указывает и А. Аннануров. Анализируя специфику винительных падежей в русском и туркменском языках, он замечает: «Когда же объектом мысли является не конкретный, а абстрактный предмет, например, не данная книга, а книга вообще (разрядка наша. — Л. Т.), тогда употребляется не винительный падеж, а основной падеж; *китап окадым* („читал я какую-то книгу, читал именно книгу, а не газету“)"»²¹.

Заметим только, что, правильно подчеркивая значение отвлеченности у имен типа *китап*, А. Аннануров, к сожалению, выбирает неадекват-

¹⁹ О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1969, стр. 465.

²⁰ П. Азимов, Ж. Амансариев, Г. Сариев, Г. Сопиев, М. Хыдыров, А. Ыбрайымов. Хэзирки заман түркмен дили. Ашгабад, 1960, стр. 157. Ср. также: «Существительное туркменского языка в винительном падеже, когда не имеет аффиксов *-ны/-ни*, *-ы/-и*, по форме одинаково с именительным падежом. Указанная форма применяется, когда речь идет об общем предмете (разрядка наша. — Л. Т.), а не о конкретном» (см.: «Сравнительная грамматика русского и туркменского языков...», стр. 50).

²¹ А. Аннануров. Вопросы синтаксиса в плане перевода с русского на туркменский язык. Ашхабад, 1956, стр. 26—28.

ные²² для иллюстрации этого значения средства в русском языке. Неадекватность здесь состоит в том, что форма «книгу» в «читал я какую-то книгу...» указывает на единичный, конкретный, а не абстрактный предмет. Иными словами, имя существительное конкретное русского языка (в форме винительного падежа), в отличие от имени *китап* в *китап окадым*, называет в данном случае предмет «в обычном (т. е. нефилософском) смысле...».

Можно говорить, что имена *китап*, *газет* не противопоставляются именам *гахар*, *акыл* так же, как не противопоставляются основы «книг-», «газет-» именам «гнев», «разум». С другой стороны, отношение противопоставленности, существующее между именами «карандаш» и «гнев» (конкретность — абстрактность), в туркменском языке существует только между *бир галам* и *гахар*, но не между *галам* и *гахар*. Иначе говоря, если в русском языке средством обозначения предмета «в обычном (нефилософском) смысле...» служит отдельное слово, то в туркменском языке эту функцию выполняет словосочетание, то есть сочетание числительного (или слова со значением количества, ср.: *көп галам*) и имени с абстрактным значением. Ср.: «Я купил карандаш» и (Мен) *бир галам алдым*.

Имя *галам* с этих позиций можно назвать именем качественной определенности, то есть таким именем, предметом смысла которого (денататом) является качественная определенность, не связанная в языке и мышлении (но не в реальной действительности!) с количественной определенностью, или таким именем, посредством которого может быть выражена и осмыслена только качественная определенность, но не объективно существующая количественная определенность. Ср. еще раз: *Галам алдым*.

На основе вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Языковые единицы типа *галам*, *адам*, *газет* не являются формами единственного числа ни с точки зрения «русского и других языков», ни с точки зрения туркменского языка.

2. В отличие от русского и английского языков значение числа в туркменском языке не подлежит обязательному выражению.

3. Грамматическая категория числа в туркменском языке отсутствует.

4. Значение числа в туркменском языке выражается средствами неграмматическими (ср.: *Галам алдым*. Но: *Бир галам алдым*. *Ики галам алдым*. *Бирнече галам алдым*. *Көп галам алдым* и т. п.).

5. С точки зрения русского и английского языков имя *галам* не есть имя существительное конкретное. Предметом смысла имени *галам* является качественная определенность, не распространенная в языке и мышлении (но не в реальной действительности!) на какое-либо число (количество).

6. Содержание ядерного предложения *Галам алдым* не может быть выражено посредством предложений «Я купил карандаш», *I've bought a pencil*. Данным предложениям русского и английского языков в туркменском языке соответствует предложение (Мен) *бир галам алдым*, в структуре которого числительное *бир* является обязательным элементом для выражения числа. Можно говорить, что числительное *бир* здесь так же обязательно для выражения понятия «один», как и числительное

²² Здесь следует напомнить, что в русском и английском языках нет таких средств, пользуясь которыми мы могли бы пояснить значение *китап* в *Китап окадым*.

ики 'два' для выражения понятия «два» в предложении *Ики галам алдым*. Сказанное, как мы полагаем, относится ко всему набору ядерных предложений туркменского языка.

В свою очередь содержание предложений «Я купил карандаши (какие-то)», *I've bought pencils* не может быть выражено средствами туркменского языка, поскольку *Галамлар алдым* «не соответствует норме туркменской речи».

Сказанное в данной статье о туркменском языке может быть отнесено и к другим тюркским языкам.

Г. ДЕРФЕР

О ТРЕХ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ГРАДАЦИЯХ ГЛАСНЫХ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

0.1. Для передачи фонетических различий гласных по длительности нами используются следующие обозначения:

- a* — краткий *a*,
- a'* — продленный (полудолгий) *a*,
- a:* — ровный долгий *a*,
- a:a* — прерывистый долгий *a*,
- uo* — краткий дифтонгический *uo*,
- u'o* — полудолгий дифтонгический *uo*,
- u:o* — долгий дифтонгический *uo*.

Аналогично могут быть характеризованы и другие гласные. При этом их фонологическая значимость следующая: *a* — краткий; *a'*, *a:*, *uo* — ровный (одновершинный) долгий; *a:a*, *u'o*, *u:o* — прерывистый (многовершинный) долгий.

0.2. Сравнительно недавно в тюркологии было признано, что для пратюркского состояния гласные звуки следует различать количественно, подразделяя их на долгие и краткие¹.

На основе халаджских материалов нами была предпринята попытка доказать существование в пратюркском языке гласных трех длительностей (точнее: комбинаций длительности и тона)². Ср. халаджские *hat* 'лошадь', *ba:š* 'голова', *ta:ar* 'тесный'. Э. В. Севортян³, И.-Р. Мейер⁴ и А. М. Щербак⁵ сочли это предположение сомнительным. Поэтому мы считаем необходимым обосновать тезис о троякой длительности гласных халаджского (и пратюркского) языка. В связи с этим возникают два совершенно самостоятельных вопроса: 1) Имеется ли вообще в халаджском языке троякая «длительность»? 2) Не является ли троякая «длительность» в халаджском языке вторичной и может ли троякая «длительность» быть принята для пратюркского состояния?

1.1. Следует учесть, что фиксация длительностей осуществлялась нами с помощью магнитофона, что дало более точные результаты. В лаборатории обрабатывалось 541 слово за 24 часа⁶ (ХалМ, 40): каждому слову уделялось в среднем почти 4 минуты, хотя на анализ деталей исконных тюркских слов халаджского языка, более трудных для обработки, затрачивалось по 6 минут. Часто приходилось прибегать к повторам, чтобы длительность звуков слова X сопоставить с их длительностью в предшествующем слове Y.

1.2. Анализировались изолированные слова, ибо в беглой связной речи звуки сокращаются (немецкая фраза *Das haben wir nicht* [*das ha:bən vi:r niçt*] обычно в разговоре звучит [*das ham-və niç*], нередко и

экспрессивные удлинения (*Er ging und ging und giing; Na, kooom̄*)⁷. В изолированных словах подобные явления отсутствуют.

1.3. Л. Базен, посетивший вскоре после нас (1969) селение Тāйжāн (= Дāгāн) в Халаджистане, отметил, как и мы, три длительности гласных: долгую (например, qār 'снег'), полудолгую (например, bāš 'голова'), краткую (например, var- 'идти'). В ХалМ, 153—158 мы различали семь разных длительностей (долгую прерывистую, долгую ровную, полудолгую, краткую, редуцированную, долгую дифтонгическую, краткую дифтонгическую), которые сводятся к трем фонемным пучкам: прерывистый долгий гласный (сюда относится долгий дифтонг), ровный долгий гласный (также полудолгий и краткий дифтонг) и краткий гласный (также и редуцированный). Мы уже указывали, что ровные долгие гласные особенно подвержены сокращению (в говорах сосуществуют qoɫ 'рука' ~ qoɫ ~ даже почти qɫ, однако всегда с закрытым о, почти и, но не qɫ с открытым о). Ровная долгота, следовательно, как правило, короче прерывистой, в этом отношении восприятия наше и Л. Базена в основном совпадают. (Более точное фонетическое изложение см. в § 1.7).

1.4. В толковом словаре персидского языка Мосаййэб Арабгол вписал между строк халаджские слова hat 'лошадь', sač 'волосы', ba:š 'голова', ta:ar 'тесный' следующим образом (если транслитерировать арабские буквы оригинала): «ht», «sč», «b's», «t'g». Следовательно, здесь простая и прерывистая долготы не различаются (это невозможно в арабской графике), однако ровная долгота четко противопоставляется краткости. Эти же слова туркмен скорее записал бы так: «t», «sč», «bš», «d'g» (туркм. at, sač, baš, da:ar).

1.5. В дневнике нашей последней экспедиции в Иран (Хорасан) есть запись от 19 сентября 1973 г.: «Я спрашиваю Арабгола, какова длительность а в словах hat, bāš, āat. Он говорит: hat kūtah ast, bāš dirāztar, āat dirāztarin» (hat — короткое, ba:š — длиннее, a:at [«имя»] — самое длинное). Это свидетельство информанта совпадает с нашими записями и данными Л. Базена.

1.6. Дистрибуция показывает, что в халаджском языке существуют три разных класса фонем: краткие, ровные долгие, прерывистые долгие. Правда, минимальные пары пока в халаджском не обнаружены (что, впрочем, и не обязательно для доказательства существования разных классов фонем). Это обусловлено тем, что халаджский словарь — преимущественно иранский (частично азербайджанский)⁸. Однако все различные по длительности классы фонем встречаются в одинаковом окружении (дистрибуции); например, перед -t: hat 'лошадь', ja:t- 'лежать', a:at 'имя' или после h: hat 'лошадь', ha:j- 'говорить', ha:aχ 'мало' и т. д. Ср. также в § 2.8.

1.7. Записи из Мансұр-ābād'a (ХалМ, 52—57) мы обработали техническим методом, благодаря чему фонетическая система этого халаджского диалекта могла быть проверена и визуально. Отчетливо обозначилось тройное противопоставление.

Далее указывается длительность гласных в халаджских словах тюркского происхождения (цифры после них обозначают σ = 1/25 сек. Транскрипция упрощена (а вместо ā и т. д.). Фонемная длительность устанавливается с учетом известного нам халаджского материала. Отдельные нечетко записанные слова не учтены (alumla 'яблоко', gāuārgīn 'голубь', kiei 'грудь'). После II следуют слова в быстрой речи.

(1.1) Ударный краткий гласный: I: hat 'лошадь' 15, giš 'птица' 13, в среднем 14 σ.

(1.2) Безударный краткий гласный: I: hadag 'нога' 10, qaqa 'черный' 17, äšči 'коза' 16, äškä 'осёл' 14, boɣarsuq 'кишка' 14, boɣuz 'горло' 15, haɣaš 'дерево' 17, häljäk 'сито' 16; II: hikmäk 'хлеб' 9, hissi 'горячий' 11, hirip 'белый' 13, iljār 'впереди' 14, kälin 'невеста' 12, kidäji 'жених' 8, kindik 'пуп' (как исключение долгий) 18, bidik 'большой' 8, qudruq 'хвост' 11, qulaq 'ухо' 6, čaɣur 'желтый' 11, qudɣi 'муха' 14 + 12 = в среднем 13, sičɣa:n 'мышь' 6 (+16 — a:n), siɣir 'корова, крупный погатый скот' 8, täpā 'гора' 12, tovušɣa:n 'заяц' 8 (+19 — a:n), jUɣa:q 'орех' 9 (+16 — a:q), iga:q 'далекый' 10 (+19 — a:q), kirjāk 'весло' 9, kidān 'свадьба' 9, kiši 'жена' 9, 333σ : 29 (слов) = в среднем 11,5 σ.

(2.1) Ударная ровная долгота: I: ba:š 'голова' 20, ä:l 'рука, кисть руки' 20, hä'v 'дом' 19; II: kiez 'глаз' 16, kīn 'день' 15 (довольно кратко, в других диалектах ki:n), hä'g 'человек, мужчина' 18 (сюда ли? продление или сокращение в виде исключения?), qUl 'рука (до плеча)' 18, qUp 'овца' 16, su'w 'вода' (12+18) = в среднем 15, til 'язык' 16, ji:l 'год' 19. (Неясно ä'ngig 'вчера' 20 — не ударением ли вызвана продолжительность?), 192σ : 11 (слов) = в среднем 17,5σ.

(2.2) Безударная ровная долгота: I: ha:ɖurag 'они сказали' 18, ä'rip 'губа' 18, day 'не' (в havu:l day 'не хорошо') 17; II: qa:naq 'сливки' 18 (при повторе 20), ja:tma 'спать' 20, qaɣun 'живот' 12, sidäk 'моча' 14, 117 σ : 7 (слов) = в среднем 16,7σ.

(3.1) Ударная прерывистая долгота: I: bi:el 'поясница' 25 (из них i=13, e=12), ki:enɣ 'широкий' 27; II: hu:ot 'огонь' 22 (u=14, o=8), hu:ot 'огонь' 26 (u=14, o=12), ta:ar 'узкий' 23, hi:el 'сырой' 26, i:em 'штаны' 26, kiek 'синий' 19, qiz 'девушка' 14 (произносится чрезвычайно кратко), tu:op 'одежда' 27, 214σ : 9 (слов) = в среднем 23,8σ. Без учета слова qiz — 200σ : 8 (слов) = 25σ.

(3.2) Безударная прерывистая долгота: I: bi:eri 'волк' 26 (i=15), ha:ašux 'горький' 23, hänligx 'широкий' 11 (кратко во всех диалектах; раннее сокращение; возможно, не связано с ēp 'широта?'); II: hu:osaq 'очаг' 22 (u=12), hinäk 'вверх' 15, tuoɣaq 'сухой творог' 19 (u≈8, o≈10), iettilär 'они сделали' 17, iešik 'дверь' 19, si:rdilär 'они гнали' 19+21, в среднем=20, kiečä 'ночь' 13 (очень кратко), ki:endi 'он горел' 29, qa:anī 'где' 22, qa'ggi 'старый' 18, qigɣu 'сухой' 11 (очевидно — как и менее вероятно в qa'ggi — вторичное сокращение)⁹, iene 'вниз' 18, 283σ : 15 (слов) в среднем=18,9σ. Без нетипичных слов hänligx, kiečä, qigɣu 248σ : 12 (слов) = 20,7σ.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

а) долготы гласных различны:

краткие ≈ 14,0 σ,

ровные долгие ≈ 17,5 σ,

прерывистые долгие ≈ 23—25 σ;

б) безударность (как и следовало ожидать) приводит к сокращению длительности:

краткие ≈ 11,5 σ,

ровные долгие ≈ 16,7 σ,

прерывистые долгие ≈ 18,9—20,7 σ;

в) на графиках краткость и ровная долгота выглядят почти одинаково: симметричное закругление только с одной вершиной; напротив, (прерывистая) долгота обнаруживает или (в случае дифтонгичности) трехвершинность с главной вершиной в середине, или же (в случае мо-

нофтонгичности) более сильно выраженную, нежели у краткости или ровной долготы, вершинность с последующим ровным участком;

г) движение тона также выявляет резкие контрасты: если краткость и ровная долгота характеризуются движением тона в пределах 1—2 тонов (большей частью 2), то движение тона прерывистой ударной долготы происходит в пределах 2—6 различных тонов (при безударности, естественно, происходит выравнивание в пределах 3 тонов).

В итоге отчетливо выделяются три единицы. То обстоятельство, что средняя единица (в якутском и туркменском) приобрела краткость, а не (прерывистую) долготу, обусловлено ее сближением с краткостью (от которой она отличается только критерием *a*). Разумеется, следует также учитывать, что в халаджском языке между краткостью и ровной долготой обнаруживаются и качественные различия; так, в диалектах часто *boɣuz* 'горло' = обычно тюрк. *boɣuz* из др.-тюрк. *boɣoz*, напротив, *biɣun* 'шея' = обычно тюрк. *boɣun* из др.-тюрк. *bo:ɣun*; или (диал. Дагъан) *qʉlɑ:q* 'ухо' (в иных диал. чаще *qula:q*) < *qula:q*, напротив, *bi:ɣun* 'нос' (Махмуд Кашгари: «bwɣ-» ~ «br-» указывает на **bi:ɣ-*). Здесь количество переходит в качество; например, общетюрк. *o:ɔ* в халаджских диалектах представлено как *o:uo* (краткий дифтонг) $\sim o \sim o \sim U \sim U$. Подобные явления известны также из истории романских языков. Ср. ХалМ, 152 и далее. В дагъанском диалекте краткий и долгий *a* > *a* или *a* (нелабиализованный), но *ɑ:ɑ* лабиализовано. Во многих диалектах краткий *i* звучит открыто (*i*), но ровный и прерывистый долгий — закрыто (*i*) и т. д.

Аргумент 1.7 нами не приведен в самом начале, так как мы полагаем, что он имеет определенное значение только в связи с предыдущими аргументами («субъективный» слух, включая суждения информанта о своем языке — аргументы 1.4, 1.5), ибо только в таком случае фонологические (не только фонетические) контрасты способствуют ясности. Если бы три упомянутые длительности проявлялись только в различном окружении (аргумент 1.6), то следовало бы признать всего два фонемных класса или даже один. Следовательно, аргумент 1.7 имеет отношение только к звукам, а не к фонемам, которые значительно важнее для самой системы языка, а также для тюркской исторической фонетики. Однако этот аргумент способствует пониманию фонемы.

Преимущество «объективного» (экспериментального) метода перед «субъективным» (основанным только на слухе) бесспорно. Однако не следует забывать, что и «объективный» метод тоже располагает ограниченными возможностями¹⁰. Тщательное лабораторное прослушивание произношения квалифицированным фонетистом не во многом уступает инструментальному восприятию; однако при прослушивании звукозаписей следует учитывать целый ряд неблагоприятных факторов:

а) при полевой записи часто создают помехи посторонние шумы (стук, разговоры и т. д.);

б) разграничение звуков (частей дифтонгов, гласных и звонких согласных) из-за непрерывности речи представляет значительные трудности;

в) часто нелегко разграничить приступ и отступ звуков;

г) при стремлении информанта к особенно отчетливому произношению часто обнаруживается искусственное продление (не имеющее фонематической значимости), при беглом — неоправданные сокращения. Темп речи может возрастать (нетерпеливость говорящего) или снижаться (его усталость); разные лица говорят с различной скоростью; 20 σ у

одного лица могут соответствовать прерывистой долготе, у другого — краткости. (Ср. дальнейшее у Г. Линднера).

Тем не менее, с нашей точки зрения, эти записи имеют большую ценность и при устранении отрицательных факторов дают весьма ясную картину. В субъективном методе чрезмерно большую роль играет «ожидательная настроенность». В связи с этим, во-первых, можно услышать то, чего в тексте нет («положительная ожидательная настроенность»)¹¹, и, во-вторых, упустить реально существующее («отрицательная ожидательная настроенность»). Так, например, две фонемы *u* и *ü* воспринимаются как «одно и то же» или же $a = a:$ или $a: = a:a$. Ожидательная настроенность может быть преодолена большой точностью «визуального» анализа речи.

В отдельных редких случаях визуальный анализ фактически корректирует услышанное нами. Если, например, в ХалМ, стр. 54 было записано *sig-* 'посылать' с кратким гласным, то визуальный анализ отчетливо показал форму *si:g-*, точно соответствующую якутскому *й:йг-* (ошибка объясняется тем, что переходы между гласным и плавным согласным часто прослушиваются с трудом).

Хотя халаджский материал не всегда легко использовать (что и следовало ожидать при столь тонкой количественной разнице), однако во многих диалектах (например, в Талх-āb'e) у ряда звуков разница проявляется отчетливо даже для фонетически не тренированного уха. Так, в Талх-āb'e отличаются *hottuz* 'тридцать', *oɣul* 'сын' от *quol* 'рукав', *tuol* 'град', а последние от *hu:ot* 'огонь', *hu:oɕāq* 'очаг'.

Таким образом, отвечая на первый вопрос, констатируем, что в халаджском языке существует троякая длительность (три фонемных класса гласных), для которых характерна определенная комбинация длительности, звучания и тона (иногда также качества: лабиализованности и соответственно — степени открытости). Эта троякая длительность в различных диалектах реализуется, конечно, по-разному. (См. об этом в ХалМ, стр. 153—158).

2. Обратимся к вопросу второму: Была ли троякая длительность свойственна пратюркскому языку (или хотя бы какому-то периоду его истории)? Дает ли халаджский материал что-либо для истории тюркской фонетической системы в целом?

2.0. Прежде всего сделаем предварительное замечание, которое, не будучи аргументом, все же опровергает контраргумент. И.-Р. Мейер утверждает, что «третья категория длительности, разумеется, создавала бы сравнительно сложную и аргіогі малоудовлетворительную систему». Здесь проявляется принцип упрощения. Но *simplex non est sigillum veri, sed sigillum simplificationis, id est falsificationis* («прост не знак истины, а знак упрощения, то есть искажения»). В мире есть множество гораздо более сложных языковых систем. Сербскохорватский язык имеет четверичную систему: долгие восходящие, долгие нисходящие, краткие восходящие, краткие нисходящие гласные; нижненемецкие диалекты имеют четыре звуковые длительности, которые можно свести к трем фонемным классам: краткость, полудолгота, сверхдолгота. (См.: ХалМ, стр. 212, ср. подробнее — Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, нем. изд. Göttingen, 1958, стр. 177—179). Древнегреческая и реконструируемая индоевропейская системы также в значительной степени соответствуют халаджской (и, думается, пратюркской): краткость, долгота, циркумфлексная долгота (вероятно, прерывистая, как известно, возникающая из

стяжения, однако представлявшая в «синхронной» индоевропейской системе особый класс). Все это недостаточно удовлетворяет. Но есть бушменские языки, в которых имеются пять различных щелкающих звуков (кликсов) — для европейского уха слишком сложных (и все же реальных). Однако ученые не могут сослаться на чисто формальный принцип простоты, имеющий лишь логическую (избегать излишеств и т. п. в изложении), но не реально-практическую (отыскание реальных фактов)¹² значимость.

2.1. Тезис о тройкой длительности дает настоящее решение, основанное на внутренней логике (ср. также §§ 2.4, 2.5). И.-Р. Мейер пытается все необычные соответствия между Махмудом Кашгари (далее МК) и туркменским (и якутским) языком объяснить «описками» (МК) или «вторичными сокращениями» (в туркменском и якутском). Так, написание МК «'š» 'еда' (=туркм. aš, но хал. â:š) считается «опиской», ибо «'š» появляется только в заглавном слове, а во всех 52 других случаях¹³ просто «'š» = aš = туркм. aš. По этому поводу можно сказать следующее:

а) против краткости свидетельствует не только хал. â:š, но и долгота в «Кутадгу Билиг»¹⁴. Следовательно, нужно исходить из a:š;

б) И.-Р. Мейер не учла, что в односложных словах a:a у МК пишется не $\bar{a}$, как обычно в арабской графике, но $\bar{a}^{\text{H}}$ (например, a:aq 'белый' $\bar{a}^{\text{H}} \bar{q}$) (ХалМ, стр. 248). Это написание прекрасно подходит для a:a: два алифа хорошо передают членимость (неоднородность) гласного a:a. Зато a и также одновосходящий a:, как правило, обозначаются через $\bar{a}$. МК обозначает действительную долготу в заглавных словах лишь единично. Это также орфографическая традиция, но совсем иная, нежели предполагаемая И.-Р. Мейер. Также, вопреки хал. hâ:j-, постоянно пишется «'j-» 'говорить';

в) представляется невероятным, чтобы именно в заглавном слове из-за «описки» отмечалась долгота, которая в действительности отсутствует (в то же время далее будет показано, что ровная, а иногда даже прерывистая долгота часто фиксируется неполно). Ср. также МК II, 278—15 с *маддой*.

Что же касается ba:š 'голова' (начертание «b'š» встречается довольно часто: 17 при 49 неполных), то едва ли и здесь следует видеть слишком уж частую «описку». Если же предположить вторичное «спорадическое сокращение», то возникают следующие логические несоответствия:

а) аналогичное «спорадическое сокращение» «случайно» обнаруживается и в туркменском (baš), и в якутском (bas);

б) хал. bâ:š «случайно» совпадает с данными МК;

в) долгота ba:š «случайно» подтверждается метрикой «Кутадгу Билиг»¹⁵;

д) у МК «b'š» 'голова' (заглавное слово) и «q'š» 'бровь', в туркменском же соответственно: baš и ga:aš. Каким образом в обозначении части тела лишь в одном случае «b'š» (*ba:aš) произошло сокращение¹⁶, а в другом «q'š» (=qa:aš) нет? Это загадочное обстоятельство сразу проясняется при сравнении с халаджским материалом:

МК	Хал.	Туркм. (якут.)
«b'š»	ba:š	baš (bas)
«q'š»	qa:aš	ga:aš (xa:as)

Следовательно, простая долгота в туркм. (якут.) сократилась, а подвижная¹⁷ сохранилась, и это наиболее достоверная версия. Что же

касается таких замечаний, как «спорадическое сокращение», «тенденция», то они не объясняют сути дела¹⁸.

2.2. В древнетюркских текстах манихейского и уйгурского письма иногда обнаруживаются удвоенные написания гласных для выражения их долготы (в манихейском только для долгого *o*, в уйгурском также для *u*, *e*, *ö*, *ü*): «oot» 'огонь' (=туркм. *o:ot*, хал. *hu:ot*). Многие из этих удвоенных написаний объяснимы уже на туркменской почве, ср. еще «toop» 'одежда', «ööč» 'месть', «uudy-» 'спать' =туркм. *do:op*, *ö:öč*, *u:uqla-*. Однако нередко встречаются и ложные удвоенные написания¹⁹, как, например, «jeel» 'ветер', что неоправданно при сравнении с туркм. *jel* и якут. *säl*. Все, однако, проясняется, если признать, что ровная долгота также обозначалась удвоенным написанием, ср. также хал. *je:l*, МК «*jjl*» (*jēl* в «Кутадгу Билиг»)²⁰. С. Тезджан также обнаружил (стр. 94) наряду с «oot» 'огонь' «oot» 'травя', 'лекарство' =туркм., якут. *ot*. В данном случае достаточно сравнить с хал. *uot*, *o:t* =МК «*'wt*» (см. § 2.5). Это же касается написаний «qool» 'рука' (туркм. *gol*, но хал. *quo:l* ~ *qU:l*, МК «*qwl*»), «ool» 'тот' (у Тезджана стр. 93), «uul» 'фундамент' (у Тезджана стр. 104), вероятно, также «juul» 'ручей' (МК *apcep*). По-видимому, в связи с изложенным (что может также считаться особым аргументом) следует еще установить (см. ХалМ, стр. 200), что *tōg* 'сеть' у МК =туркм. (заимств.?), якут. *toг*, но долгота подтверждается монгольским «*toγog*» =*tōg*.

2.3. Чувашский вокализм также до сих пор представлял собой загадку. М. Ряснен («Материалы по исторической фонетике тюркских языков». М., 1955, стр. 72, 73, 74, 76, 78, 79, 81, 82 и сл.), между прочим, ограничивается простым перечислением соответствий, не давая объяснений этому явлению*.

Приведем лишь несколько наблюдений, сделанных уже в ХалМ, стр. 298. Туркменскому *gūp* и якутскому *kūp* 'день, солнце' в древнейших волжско-булгарских текстах соответствует написание «*kw'n*» (И.-Р. Мейер в примечании 9 назвала это «интерпретационной проблемой»), которое нельзя читать *kup* (как в современном чувашском) или *kūp*, здесь следует иметь в виду дифтонг типа *kūāp* (<**kūōp*) или даже *kūōp*, причем этот дифтонг не мог быть таким же, как в «*tw't*» 'четыре' =тюрк. *tō:ört*, давшем чув. *tāvātā* (скорее всего это *tō:öt*). Этому *kūōp* соответствует хал. *ki:ip*, а у МК «*kwp*» с (ровным) долгим гласным. Диахронически более вероятно (и опыт это подтверждает), что булгарский дифтонг возник скорее из долгого, нежели из краткого гласного, к тому же и синхронически хорошо известно, что дифтонги представляют собой форму реализации долгих гласных²¹. Признание данного тезиса позволяет объяснить загадочные волжско-булгарские написания, которые едва ли можно свести к ошибкам переписчиков и проявлению спорадической тенденции к сокращению.

2. 4. Не случайно и то обстоятельство, что при расхождении в длительности между караханидским материалом, с одной стороны, и туркменским — с другой, показания халаджского языка соответствуют караханидскому (ср. ХалМ, стр. 217, 234—235 и др.). Так, например, следующие слова с долгим гласным у МК, но с кратким в туркменском и якутском языках, в халаджском обнаруживают ровную долготу²²: *qo:l* 'рука', *a:š* 'еда', *ba:š* 'голова', *o:g-* 'жать серпом', *je:l* 'ветер', *bu:g-* 'пахнуть', *ty:l* 'язык', *kō:z* 'глаз', *ü:č* 'три', *kū:n* 'день', *jū:n* 'шерсть', *ju:l* 'год'. Это под-

* А. Наута в своей «Исторической фонетике чувашского языка» намерен показать, что без принятия тезиса о тройкой длительности пратюркских гласных нельзя объяснить своеобразие чувашского языка. Не желая опережать А. Науту, мы не цитируем его работу, с которой имели возможность ознакомиться.

тверждается материалом «Кутадгу Билиг» и Ахмеда Югнеки: а:š, ба:š, кө:z, «jil» (то есть je:l)²³, также а:гу 'пчела' (= туркм. агу, но гагауз. а:гу). Вытекающее отсюда правило см. в § 2.1. Приведем некоторые дополнительные замечания:

а) Нельзя полагать, конечно, что халаджский язык объясняет все отклонения туркменского/якутского материала от материала МК. Кое-что в написаниях МК заставляет задуматься (см. ХалМ, стр. 205—209): речь идет главным образом о неполных написаниях слов с ровной или прерывистой долготой, что объясняется преимущественно живыми языковыми процессами (например, безударные гласные: бө:öge 'волк' = МК «brj»; энклитические слова: бо:ol- 'быть, становиться' = МК «bl-»; двойная закрытость слога: qu:urt 'волк' = МК «qrt»). Очень редко, из-за очевидной экспрессивности, настоящие краткости пишутся полностью; ср. статистику в § 2.5.

Кроме того, имеются случаи вторичных сокращений в туркменском и якутском (см. ХалМ, стр. 220—222).

Это, очевидно, например, в таких случаях: туркм. i:ir 'рано' ~ erti:ir, erte 'завтра' или якут. ku:us 'обнимать' (с сохранением долготы): туркм. guç-+gužağ 'объятие'; старый тюркский -č- превращается в туркм. -ž- только после прерывистой долготы. В подобных случаях приходится искать специальные объяснения, как это сделано в ХалМ; обращает на себя внимание тот факт, что сокращение обнаруживается чаще всего в безударной позиции (erte, см. ХалМ, стр. 213 и сл.) и там, где безударная позиция оказывает аналогичное воздействие; так, у МК «swz» 'слово' (так же в «Кутадгу Билиг» и у Ахмеда Югнеки)²⁴ в якутском соответствует ös, в туркменском — söz, а у Л. Лигети — sö:öz²⁵.

б) Систематический анализ показывает, что расхождения слишком многочисленны и не могут объясняться механическими ошибками или вторичными сокращениями. Лишь принятие тезиса о троякой длительности позволяет дать достоверное объяснение, соответствующее статистическим данным. Ср. точнее в § 2.6.

в) Следует указать, что первоначально, пользуясь только доступным материалом, мы не могли дифференцировать халаджские длительности²⁶. Лишь впоследствии на основе непосредственных полевых записей была установлена троякая длительность, первоначально вызывавшая недоумение. Почти случайно нами было обнаружено совпадение: халаджская ровная длительность = выписанному (с долготой) начертанию у МК = краткости в туркменском²⁷.

г) Важно, что «исключения» (противоречащие туркменскому и якутскому) у МК (и вообще в караханидском языке) представляют собою соответствия с халаджским языком. Это как раз подтверждает продуктивность нашего тезиса.

2.5. В орфографической манере МК²⁸ (и не только в заглавных словах, но и во всех остальных случаях) обнаруживалось много «загадок»:

а) есть слова, всегда или преимущественно не выписываемые, то есть с арабскими значками для кратких гласных, но не с обозначающими долготу гласных согласными «w» (для о, ö, u, ü), «j» (для y, i, e), «>» (для a, ä): «sč» 'волосы', «br-» 'идти', «qš» 'зима' (выписано один раз в чистом корне, дважды в форме «qjšp» 'зимой' = туркм. guşy-уп; здесь, вероятно, особый случай), в туркменском здесь — краткость;

б) другие слова постоянно выписываются полностью: «b'š» 'рана', «qjz» 'девушка', «b'g» 'есть', 'большой', «kwk» 'синий', в туркменском здесь — долгота;

в) существует ряд случаев, когда в туркменском обнаруживается краткость, а у МК — долгота (выписанность). Здесь полное начертание слов реже, чем в случае (б), но чаще, чем в (а).

Обратимся к статистике. Мы отделяем «чистые корни» (например, ba:š 'голова') от форм, распространенных падежными, притяжательными, числовыми аффиксами, однако без учета форм со словообразовательными аффиксами, ибо здесь неполное написание встречается чрезвычайно часто. Такое деление основано на известном факте, свидетельствующем о том, что из-за ударения выписанность следует ожидать вероятнее всего для односложных (и посему ударных) чистых корней, нежели для (безударных) корней с (ударным) аффиксом (ср. ХалМ, стр. 210 и сл., 213 и сл.). Ударность скорее связана с продлением звука, а безударность — с его реальным сокращением, что, однако, графически не нуждается в выражении. Приведем данные статистики в таблице, где:

а) корни с краткостью в туркменском, якутском и халаджском; б) корни с прерывистой долготой в этих же языках; в) корни с ровной долготой в халаджском (в туркменском и якутском — краткие). Первое число обозначает выписанность слова у МК, второе — его неполное написание.

	Чистый корень	Производные	Всего
а) bar- 'идти'	1: 8	5:176	6:184
sač 'волосы'	—:23	—: 7	—: 30
quš 'зима'	1: 6	2: 2	3: 8
quš 'птица'	3:61	—: 9	3: 70
	5:98	7:194	12:292 ²⁹
б) ba:aš 'рана'	11:—	6: 3	17: 3
qu:yz 'девушка'	24: 6	12: 3	36: 9
ba:ar 'есть'	16:—	1: 1	17: 1
kō:ök 'синий'	28:—	5: —	33: —
ta:aš 'камень'	22:—	7: 1	29: 1
to:op 'пиджак'	87:—	62: 1	149: 1
o:ot 'огонь'	24:11	5: 4	29: 15
	212:17	98: 13	310: 30

А теперь ряд примеров для категории (в)³⁰.

в) qo:l 'рука'	2:—	1: 1	3: 1
a:š 'еда'	1:35	1: 20	2: 55
je:l 'ветер'	13: 5	—: 1	13: 6
ty:l 'язык'	8: 8	2: 7	10: 15
kō:z 'глаз'	17:—	53: 4	70: 4
ū:č 'три'	1: 1	—: —	1: 1
ba:š 'голова'	3:—	14: 49	17: 49
kū:n 'день'	26:16	7: 15	33: 31
jū:n 'шерсть'	12: 2	—: —	12: 2
ju:l 'год'	2: 5	—: 18	2: 23
o:t 'травя'	6:38	4: 5	10: 43
	91:110	82:120	173:230

Из сопоставления данных по категориям (а), (б), (в) следует:

1) Во всех количественных группах обнаруживаются так называемые «описки» (?), однако не следует довольствоваться лишь их констатацией, при решении вопроса необходимо исходить из статистики, которая указывает, что о настоящих описках можно говорить лишь в случаях (а) и (б), где прослеживаются нормы. В категории (а) совершенно однозначно преобладает неполное написание (в немногочисленных фактах полного начертания можно предполагать экспрессивное продление): 12

выписанных и 292 неполных. В категории (б) нормальным является выписанное начертание (только у двух слов совершенно неожиданно обнаруживается неполное начертание в чистом корне): 310 выписанных и 30 неполных начертаний. Совсем по-иному обстоит дело с категорией (в), где выписанные и неполные начертания представлены почти одинаково: 172 выписанных и 230 неполных.

2) Безударные гласные в категориях (а) и (б) отражаются почти как ударные, то есть два вида начертания (выписанное и неполное) в обоих случаях распространены почти одинаково. В категории (в), однако, обнаруживается отчетливая неравномерность: ударные гласные чаще выписываются полностью, а безударные — пишутся неполно. В связи с этим особенно важно наряду со сказанным учитывать нижеследующее.

3) а:š (см. § 2.1) представляет собой особый случай, опуская который, можно отметить следующее соотношение в категории (в): чистые корни 90:75, производные 81:100, всего 171:175.

4) Ключ к пониманию написаний у МК (что также подтверждается материалом «Кутадгу Билиг» и у Ахмеда Югнеки) дает халаджский язык, в котором наблюдаются: а) огласовка краткая, б) прерывистая долгота, в) ровная долгота, промежуточная между краткой и прерывистой.

Эту своеобразную зависимость можно представить, уподобив ее математическому уравнению: халаджская краткость 14 σ : ровная долгота (средняя длительность) 17,5 σ : прерывистая (собственно) долгота около 24 σ = у МК преимущественно неполным начертаниям (12:298): уравновешенным неполным и выписанным начертаниям (171:175): преимущественно выписанным начертаниям (310:30). Такое количественное совпадение не может основываться на случайности³¹. Более того, необходимо учесть следующее объяснение: МК располагал только двумя обозначениями (выписанное и неполное начертания) для трех количественных различий (прерывистая и ровная длительности и краткость), таким образом, существовало несоответствие между языковыми материалами и графическими возможностями выражения. МК не располагал нормами и образцами для обозначения как раз ровной длительности. Отсюда следует: а) что МК колебался в применении графических средств даже в случаях с противоположными длительностями, б) что средняя ступень длительности обозначалась обезличенно (количество выписанных и неполных начертаний приблизительно совпадает), в) что при средней ступени длительности безударный гласный корня несколько чаще выписывается (см. § 2.6); безударная долгота действительно короче ударной (см. ХалМ, стр. 213 и сл.), это, вероятно, сильнее сказывалось на ровной «средней» долготе, чем на полной.

Конечно, МК не мог пользоваться фонетической транскрипцией, но было бы неправильно подходить к его труду только негативно или скептически. «Загадки» его написаний выясняются путем исследования статистических данных в сочетании с халаджским материалом³².

2.6. Поучительно также дальнейшее статистическое сопоставление. Прежде всего следует установить частотность слов со средней длительностью в сравнении со словами, имеющими долгую или краткую длительность. (Если процент таких слов достаточно велик, то тезис об «описках» и «тенденции» окажется приемлемым). С этой целью нами были проанализированы все слова из списка в ХалМ, стр. 188—204. Это касается лишь заглавных слов МК, те же слова, которые у МК случайно не проявляются как заглавные, нами не учитываются, например, bo:ol 'становиться'. Этот пробел, однако, не имеет значения, поскольку наш материал представлен достаточно полно.

Для установления длительностей мы пользовались следующими критериями. Прерывистая долгота обозначалась в тех случаях, когда туркменский или якутский языки (или оба вместе) обнаруживали долготу (прерывистую, которая также почти всегда присутствовала и в халаджском); ровная долгота фиксировалась, если якутский и туркменский указывали на краткость, при долготе (ровной) в халаджском или у МК (и в караханидском вообще) или в обоих источниках сразу (расхождение между МК и туркменским и т. д.); краткость фиксировалась, если туркменский и МК (а также еще дополнительно якутский, халаджский) согласованно указывали на краткость.

Необходимо отметить, что действительное число ровных долгот должно быть несколько большим, чем это показано ниже. Так, в халаджских *ja:t* 'лежать', *ü:ç* 'три' отчетливо проявляется долгота (в туркменском — краткость); МК в заглавном слове дает «случайно» неполное написание; также в *ja:z* (по *ja:zuq* в «Кутадгу Билиг») следует устанавливать ровную долготу, хотя МК дает неполное написание (халаджский это слово не фиксирует)³³. Это указывает, что МК, по-видимому, использовал еще и другие неполные написания для ровных долгот. Вероятно, действительное число ровных долгот следует считать приблизительно на 10% большим. Без учета этих 10% нами получены следующие данные:

прерывистая долгота	— в 154 словах,
ровная долгота	— в 83 словах,
краткость	— в 169 словах.

Следовательно, ровная долгота составляет 20,4%. С учетом же упомянутых 10% соответственно получим 154:100:152 слова, и тогда ровная долгота составит 24,6%. Это почти уравнивает соотношения (абсолютно одинакового распределения всех долгот, конечно, нельзя ожидать). Однако и 20,4% — показатель вполне достаточный, чтобы опровергнуть версию «описки». Расхождению между материалами туркменского языка и МК ни Л. Лигети, ни И.-Р. Мейер до сих пор специального объяснения не дали. А между тем халаджский язык отчетливо показывает, что ровные долготы у МК (противоречащие данным туркменского языка) представляют собой регулярное явление.

Обратимся к противоположной статистике. Отметим, что туркменский материал в русско-туркменском словаре А. Алиева и К. Бориева и в туркменско-русском словаре 1968 года не всегда совпадает с точки зрения длительности гласных. Однако эти расхождения касаются лишь 17 слов, что при обширности туркменского словаря совсем немного и составляет 1—2%, даже если добавить несколько форм, собранных Л. Лигети (например, *bä:är* 'давать', *sö:oz* — в обоих упомянутых словарях даны с краткостью). Якутский язык также иногда обнаруживает колебания: *ol*, *o:ol*, *u:ol* 'тот' (Пекарский). Противопоставление тувинских фарингализованных и нефарингализованных гласных у различных авторов также неодинаково.

Сравним еще раз несовпадения между туркменским и якутским (ХалМ, стр. 218 и сл.). Налицо две пространственно и хронологически весьма отдаленные области. Мы знаем сейчас 205 туркменско-якутских параллелей (причем, учитывается пропущенное в ХалМ туркм. *ot*). Отклонения в длительности наблюдаются в 31 случае, что составляет 15,1%. Это несколько меньше указанных выше 20,4 или 24,6%. Следует учесть также, что многие отклонения объясняются с учетом их специфики (см. ХалМ). Например, туркм. **bi:ir* 'один' еще сохраняется в *on bi:ir* 'одиннадцать' (обычно же *>bir*, ибо часто употребляется без ударения как неопределенный артикль), якут. *kysaj-* 'стеснять' (не **ky:ysay-*) объясняется закономерным сокращением безударной долго-

ты, туркм. *tün* 'ночь' из-за наличия *t*- скорее всего заимствовано (исконное сохранено в *dün* 'вчера' = якут. *tü:ün*); якут. *küs* 'осень' (туркм. *güz*) сокращено по аналогии с *kus* 'зима'³⁴. Если мы исключим все объясняющиеся отклонения, то останутся лишь соответствия к заглавным словам МК: *qo:j-, köj-, mün-, ö:r-, süg-, to:j-, tü:š-, ur-, jaz-, je:r-, jü:z* — всего 11 слов. Следовательно, в 205 примерах обнаруживается:

туркменско-якутских соответствий	—	84,9%,
объяснимых расхождений	—	< 9,8%,
необъяснимых расхождений	—	< 5,4%.

Таким образом, необъяснимых туркменско-якутских расхождений оказывается значительно меньше, чем несоответствий между МК и туркменским/якутским (20,4 или же 24,6%). Отсюда следует: 1) несоответствия между МК и туркменским многочисленны и в связи с этим регулярны; они имеют специфическое толкование (на основе халаджского материала); 2) якутско-туркменские несоответствия малочисленны и в целом нерегулярны, часть из них необъяснима (ибо стопроцентных звуковых соответствий не бывает, и количественные соотношения лишь приближаются к этому пределу).

2.7. В тюркских языках обнаруживается ряд колебаний по длительности как при сравнении МК с туркменским/якутским, так и при взаимном сравнении этих последних. Однако ясно, что колебания (или диахронически — переходы) при тройкой длительности *arigi* объясняются легче, чем при двойкой, поскольку интервалы между тремя длительностями меньшие:

долг. > кратк. $\approx 2 > 1$

долг. > полудолг. > кратк. $\approx 2 > 1\frac{1}{2} > 1$.

Тройкая длительность достовернее объясняет исторические переходы, имевшиеся, например, в развитии туркменского языка:

(1-я ступень) *kü:n* 'день' — *kü:ni* 'его день';

(2-я ступень) *kü:n* — но *kü:ni* ~ *küni* (сокращение безударного);

(3-я ступень) *gün* — *güni* (обобщение безударной формы). Этот процесс мы должны представлять динамически и во взаимодействии, а не изолированно.

2.8. Минимальные пары для трех длительностей, конечно, подыскать трудно; ср. однако (ХалМ, стр. 239 и далее): *qo:ol* 'равнина': *qo:l* 'рука': *qo:l* 'просить'. Кроме этого, доказательную силу естественно имеет дистрибуция: *at* (хал. *hat*) 'лошадь': *a:j-* (хал. *ha:j-*) 'говорить': *a:az* (хал. *ha:az*) 'мало', показывающая, что все длительности могут возникать после одинакового анлаута, однако они не зависят от последующего звука: (h)*at* 'лошадь': *ja:t-* 'лежать': *a:at* 'имя'. На основе простых цепочек следует, что *a*, *a:*, *a:a* — разные фонемы: длительность гласного не зависит ни от предыдущего, ни от последующего согласного.

Благодаря халаджскому языку ликвидируются многие кажущиеся древнетюркские минимальные пары. Так, древнетюркские *o:t* 'трава' и *o:ot* 'огонь' различаются не только длительностью, но и анлаутом; как показывает халаджское противопоставление *uot*: *hu:ot*, пратюркский различал **o:tz* (с любым ауслаутным гласным или *ø*) и **ro:oty* или **ro:otia* (ср. монг. *oᠰᠢᠨ* 'искра'). Многие древнетюркские «омонимы» устраняются при учете тройной длительности и *h*-, что само по себе также может служить аргументом.

2.9. Следует также в заключение указать (подробнее см. ХалМ, стр. 250—260), что наш тезис подсказывает решение проблемы длительности непервых слогов. Вполне вероятно, что **-a/-ä* выпало³⁵, **-a/-ä-* стало

соединительным гласным (с четырьмя окрасками > ср. = тюрк. *y/i/u/ü*);
**a/ā* превратилось в *a/ä*; **a/a/ā/ä* сохранилось (или только слегка сократилось).

3. Подводя итоги, отметим, что есть все основания считать, что троякая каладжская оппозиция по длительности существовала еще в пратюркском языке. Для опровержения наших обоснований троякой длительности (в пользу двоякой) нет, как нам кажется, достаточно убедительных оснований. В примере МК ба:š 'голова' = туркм. baş можно предложить два объяснения:

а) написание «b'š» у МК (заглавное слово) правильно отражает ba:aš, в туркменском же произошло вторичное сокращение, причем (1) своеобразное: ba:aš > baš, ибо 'бровь' qa:aš > ga:aš сохранилось. К тому же (2) ему в халаджском удивительным образом соответствует звук, который и не вполне долгий (как туркм. ga:aš = хал. qa:aš) и не вполне краткий (как туркм. at 'лошадь' = хал. hat). И, наконец (3), статистически число вторичных сокращений слишком велико и превосходит любую «тенденцию»;

6) «b'š» у МК — описка, а baš, как в туркменском, верно. Тогда следовало бы выяснить, почему: (1) Г. Дёрфер и его сотрудники ослышались при записи хал. ba:š (не ba:aš, но и не baš). (2) Результаты акустического анализа речи неправильны. (3) Л. Базен также ослышался. (4) Написание «b'š» у местного информанта Арабгола случайно и ошибочно, ибо он не имеет объективного представления о своем языке. (5) Понятие о средней длительности слова у Арабгола также-де ошибочно. (6) Халаджскому ba:š соответствует у МК случайная описка «b'š». (7) «Кутадгу Билиг» также «случайно» обнаруживает ошибки (ba:š — случайная ошибка метра). (8) Соответствия типа хал. uot 'трава' = уйгур.-маних. oot чисто случайны. (9) Наконец, «чисто случайно» волжско-булгарскому küön 'день' в халаджском ki:n и в «kwn» у МК соответствует долгота.

Итак, возникает слишком много загадок, а, по всеобщему признанию, теория тем доказательнее, чем больше явлений она объясняет (часто при этом увязывая и согласовывая неожиданные факты, подобно «kwп» у МК и волжско-булг. «kw'п»). Наша теория позволяет раскрыть следующие загадочные факты: а) расхождения между материалами МК и туркменско-якутскими, б) известные удвоенные написания в уйгурско-манихейском письме, в) волжско-булгарские написания «kw'п», г) статистическое распределение выписанных и неполных начертаний у МК, д) согласованность между материалами МК и халаджским. Она не нуждается также в апелляции к «случайностям».

Таким образом, в своей основе она позитивна, хотя и остаются некоторые невыясненные частности:

а) мы знаем, что существовало пратюркское тройное противопоставление гласных по длительности (фонемных классов). Однако мы не знаем, как точно оно реализовалось (ср. ХалМ, стр. 261 и сл.);

б) нам также неизвестно, действовало ли это противопоставление на всех ступенях дописменного периода тюркского языка (включая самый древний период пратюркского). Если учесть, что тюркскому (h)at 'лошадь' соответствует монг. ayta (= пратюрк. *pakta)³⁶, то возможно следующее предположение:

прапратюрк. $*a: > a:a$

$$\text{ba:ta} > \text{ba:at}$$

*a[>a: (открытый слог) bata >ba:t

*a] > a (закрытый слог) bakta > batta > bat.

Для прапратюркского можно даже реконструировать только одну длительность (эта гипотеза, вероятно, применима только к односложным словам). Приведу подобную схему:

báta > ba:ata > ba:at
batá > báta > ba:t
bakta > bátta > bat.

Однако эти реконструкции представляются слишком умозрительными, и нам кажется возможным реконструировать пратюркское состояние только для определенной хронологической глубины. Во всяком случае тройное противопоставление по длительности следует рассматривать как общую переходную ступень для всех тюркских языков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср., например: А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 47—59. Впрочем, А. М. Щербак, как и мы, пытается объяснить разные длительности гласных различными причинами (см.: стр. 136—138).

² G. Doerfer. *Khalaj Materials*. Bloomington, The Hague, 1971, глава 13 (далее ХалМ).

³ См.: «Вопросы языкознания», 1973, № 2, стр. 35—45, особенно 43 и сл. Однако я не могу согласиться со всеми положениями данной статьи Э. В. Севортяна. Так, например, из того, что *h*- в отдельных тюркских диалектах вторично (например, в гагаузском, а также во многих азербайджанских диалектах), вовсе не следует, что оно вторично и во всех тюркских языках и диалектах, в частности, и в халаджском языке. Гагаузский (несомненно) вторичный *h*- относится к числу признаков, которые свойственны многим балканским языкам (см.: мою книгу «Lautgesetz und Zufall». Innsbruck, 1973, стр. 18 и сл.); это балканизм. Но халаджский язык не балканский, поэтому гагаузские «параллели» для него недоказательны.

⁴ *Iben Raphael Meyer*. *Kāşyarī und einige Probleme der Vokallänge*. — «Bilimsel Bildiriler», 1972. Ankara, 1975, стр. 425—430.

⁵ Рец. на ХалМ в «Советской тюркологии», 1973, № 2, стр. 115.

⁶ Ср.: ХалМ, стр. 40.

⁷ Подозреваю, что долготы анатолийских диалектов у З. Коркмаз имеют экспрессивную природу. См.: *Zeynep Korkmaz*. *Batı Anadolu ağızlarında asli vokal uzunlukları hakkında*. — «Türk dili araştırmaları yillığı». Belleten, 1953. Ankara, 1953, стр. 197—203; *Zeynep Korkmaz*. *Güney-Batı ağızları. Ses bilgisi (fonetik)*. Ankara, 1956, стр. 16—22.

⁸ В этом отношении халаджский язык подобен чувашскому, очень важному для пратюркских реконструкций, в котором, однако, старые тюркские унаследованные слова составляют едва ли 20%.

⁹ Объяснение сокращения см.: *T. Tekin*. *Türk dili ve lehçelerinde ünsüz ikileşmesi*. — «Nacette sosyal ve beşeri bilimler dergisi», 3:1 (1971), стр. 1—8.

¹⁰ *G. Linder*. *Einführung in die experimentelle Phonetik*. München, 1969, стр. 59—65, 80—83.

¹¹ Это происходит особенно часто в тех случаях, когда чужезычные звуки воспринимаются в соответствии со своей собственной фонетической системой. См., например: *O. von Essen*. *Allgemeine und experimentelle Phonetik*. Berlin, 1953, стр. 146—148. Особенно характерно восприятие

тюркского ударения, см.: *М. Рясянен*. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 33—43 (немецкое издание 1949 г., стр. 32—41).

¹² Ср.: *G. Doerfer*. Der Numerus im Mandschu. Mainz, 1963, стр. 103—109; *G. Klaus*. Moderne Logik. Berlin, 1970, стр. 412—415.

¹³ Между прочим, на самом деле 55, см. § 2.5.

¹⁴ *T. Tekin*. Determination of Middle-Turkic Long Vowels through 'arūd. — «Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae», t. XX, fasc. 2. Budapest, 1967 (далее: *Текин*: АОН, XX), стр. 159 и сл.

¹⁵ *Текин*: АОН, XX, стр. 159.

¹⁶ От *b-* это не зависит, ср. туркм. *ba:ar* 'есть, имеется'.

¹⁷ Подобный же случай: МК «*kwn*» 'день' = хал. *ki:n* (= волжско-булг. «*kw*'*n*» см. § 23) при туркм. *gün*, якут. *kün*; с другой стороны, МК «*twп*» 'ночь' = туркм. *dün* 'вчера', якут. *tü:n*. Если бы оба слова имели одинаковую исконную долготу, то было бы необъяснимо, почему эти слова развивались столь различно (образуя при этом антонимическую пару и часто выступая у МК в паре с *tünkün*), так что в туркменском языке одно сократилось, а другое нет.

¹⁸ Это напоминает ответ мольеровского кандидата медицины: «опий усыпляет, потому что он усыпляет». — Долгие гласные иногда «сокращаются», потому что сокращаются.

¹⁹ Ср.: *A. von Gabain*. Altürkische Grammatik. Berlin, 1950, стр. 45—47; ДТС часто; *S. Tezcan*. Das uigurische Insadi-Sūtra. Berlin, 1974, стр. 12 и часто в словаре; *P. Zieme*. Untersuchungen zur Schrift und Sprache der manichäisch-türkischen Turfantexte. Berlin, s. a. (диссертация), стр. 30—32.

²⁰ *ХалМ*, стр. 203; *Текин*: АОН, XX, стр. 167.

²¹ Ср.: *ХалМ*, 153—158. А. М. Щербак в рецензии на *ХалМ* не обратил внимания на это положение и отметил, что эти факты якобы нам неизвестны. («Советская тюркология», 1973, № 2, стр. 115).

²² Халаджские соответствия см. далее: *bu:ḡ*, см. хал. *buḡun* 'нос' < *bu:ḡun*; *o:ḡ* содержится в хал. *o:ḡyag* 'серп'.

²³ *T. Tekin*. Long Vowels in 'Atabatu'l-haqā'iq. — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», 68, 5. Helsinki, 1967 (далее: *Текин*: JSFOu 68:5); также *Текин*: АОН, XX, стр. 151—170.

²⁴ *Текин*: JSFOu 68:5, стр. 11 и соответственно *Текин*: АОН, XX, стр. 160.

²⁵ *ХалМ*, стр. 197; *L. Ligeti*. Les voyelles longues en Turc. — «Journal asiatique», tome CCXXX. Paris, 1938, april-juin, стр. 191.

²⁶ Ср.: *G. Doerfer*. Das Chaladsch — eine archaische Türksprache in Zentralpersie. — «Zeitschrift der Deutschen Morgänlandischen Gesellschaft». Bd, 111, H. 1. Wiesbaden, 1968, стр. 101 и сл.

²⁷ Об этом здесь говорится, чтобы не создалось впечатления, будто долготы у МК объясняются задним числом на основе «ожидания» их (см.: § 1.8) из халаджских записей.

²⁸ Здесь мы, как и И.-Р. Мейер, исходили из написаний у МК, но приходим к иным результатам.

²⁹ При подсчетах учитывалось не только турецкое издание МК Б. Аталая, но также *D. Dilçin*. Luḡat-it-Türk dizini. Ankara, 1957 и факсимильное издание; в связи с этим цифры оказались несколько большими, нежели у И.-Р. Мейер.

³⁰ Халаджские соответствия: *quol* ~ *qU:l*, *â:š*, *je:l*, *ti:l*, *ke:z*, *i:č*, *bâ:š*, *ki:n*, *juḡ*, *ji:l*, *uot* ~ *o:t*.

³¹ Это было бы во всяком случае смелым предположением. О математических условиях ср., например: *K.-H. Best. Probleme der Analogieforschung. München, 1973, стр. 82--86.*

³² Конечно, и здесь остаются отдельные загадки (меньшей значимости), например: почему в слове *kö:z* 'глаз' у МК значительно преобладает выписанное начертание?

³³ Об особенностях графики у МК см.: *ХалМ*, стр. 205—209. Здесь в основном мы согласны с И.-Р. Мейер, что у МК существуют графические особенности, однако наши толкования этого различны.

³⁴ Якут. *kuosag* 'спаривать' скорее связано с тур. *qavuş-* 'соединяться', чем с *qoş-* (в *ХалМ* упущено). Туркм. *üjg-* 'лаять', по-видимому, экспрессивно.

³⁵ Например, пратюрк. **rä:gä* 'человек' = монг. *ege*, др.-тюрк. *äg*, хал. *hã:g*. Это не «добавочный» *-e*, поскольку есть много односложных монгольских слов на *-r*: *mög* 'след', *ger* 'юрта', *gar* 'рука', *kig* 'грязь' = тюрк. *kig* и т. д. Нельзя понять, почему именно в *äg* было добавлено *-e*. См.: подробнее JSFOu 69 (1968), стр. 14—21, а также «*Türk dili araştırmaı yıllığı*». Belleten. Ankara, 1974, стр. 19.

³⁶ Ф. Г. Исхаков и А. А. Пальмбах («Грамматика тувинского языка». М., 1961, стр. 26) полагают, что тувинские фарингализованные (например, в *a't* 'лошадь') возникли из сочетаний согласных, особенно с *g*. Это неправдоподобно, ибо возникает и в словах со вторичным сокращением, подобным тув. *bö'rt* 'шапка' (так у А. А. Пальмбаха в «Исследованиях по сравнительной грамматике тюркских языков», I. М., 1955, стр. 180) = туркм. *bö:ögük*, хал. (Талх-аб) *bö:ök* < др.-тюрк. *bö:ögrk*. Предположение праформы **bö:öggt* совершенно невероятно, однако речь идет о процессе: *bö:ögrk* > *bögrk* (сокращение в двойном закрытом слоге) > *bört* > *bö'rt*. Фарингализованные восходят просто к кратким, которые в свою очередь частично восходят к ровной долготе. С пратюркскими формами типа **rakta* 'лошадь' они не имеют ничего общего.

Перевод с немецкого И. Г. ДОБРОДОМОВА

И. ЛАУДЕ-ЦИРТАУТАС

К ВОПРОСУ О ТАБУ И ЭВФЕМИЗМАХ В КАЗАХСКОМ, КИРГИЗСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

В данном предварительном исследовании¹ в термины «табу» и «эвфемизм» вкладывается нами следующее понятие: замена какого-либо выражения, носящего по разным причинам запретный характер, другим выражением.

Табу и эвфемизмы возникают, как известно, в тех случаях, когда произнесение того или иного слова по какой-либо причине становится нежелательным. Некоторые слова заменяются из-за их неприемлемой в силу различных обстоятельств прямолинейности, которая может быть воспринята как непочтительность. Неприятные для слушателя или собеседника слова заменяются менее неприятными — эвфемизмами.

Лингвистические же табу возникли в древности в результате веры человека в сверхъестественные силы и его опасений, что произнесение определенных слов, имен, названий существ или явлений может «накликать» беду, вызвать гнев последних и нанести говорящему какой-либо вред или ущерб.

Так как возникновение табу, или лингвистического табу, связывается с человеческими суевериями, то принято относить его только к далекому или хотя бы недавнему прошлому, когда просвещением и образованием не были затронуты основные массы общества².

Однако установление четкой границы между табу и эвфемизмами представляет значительные трудности³. Конечно, страх древнего суеверного человека перед упоминанием имени покойника или названия того или иного дикого зверя (например, волка) уступил в современном обществе место другим страхам, проявляющимся косвенным образом⁴. То, что в наше время воспринимается как эвфемизм, нередко восходит к табу далекого прошлого⁵. Трудно предположить, чтобы даже самая древняя, казалось бы, примитивная, с точки зрения современности, человеческая мысль полностью и бесследно исчезла, утратив всякую связь с нашим временем.

В казахском, киргизском и узбекском языках, так же как и во всех других тюркских языках, эвфемизмы и табу имеют связи со всеми сферами жизни общества в прошлом⁶. С рождения и до самой смерти каждого человека общество регламентирует то, что ему говорить следует, и что — нет, или что может быть названо им прямо своим именем, а что — иносказательно. Часто термин, прежде применявшийся в качестве эвфемизма, со временем утрачивает свой эвфемистический характер и приобретает полное и прямое значение того слова, для замены которого он, собственно, был создан. В этом случае нередко возникает необходимость в новой замене. Весьма примечательно, что заменяющие слова

заимствуются не только из языков тюркской семьи: чужезычному слову, далекому по значению от заменяемого, отводится в данном случае особенно важная эвфемистическая роль⁷.

А. Табу и эвфемизмы применительно к диким и домашним животным

До недавнего времени в казахском, киргизском и узбекском языках нельзя было называть некоторых животных их собственными именами. Так, например, ночью⁸ запрещено было произносить название змеи *julan*, *žulan*, заменявшееся у казахов словом *tüjme*⁹ 'то, что сворачивается' (*tüj* - 'завязываться узлом'). Туркмены сказали бы *gajys* или *gaga gajys*¹⁰ 'черный ремень' (<*qajyş* 'пояс, ремень')¹¹; тувинцы *uzun ɣart* 'длинный червяк'¹². У всех тюркоязычных народов слово «волк» было табу¹³. Казахи верили, что если они произнесут это слово, то волк нападет на их скот¹⁴. Поэтому они называли¹⁵ его словом *böri*¹⁶, *itqūs* (<*it* 'собака', *qūs* 'птица?')¹⁷, *qara qūlaq* 'тот, у кого черные уши', *serek qūlaq* 'тот, у кого острые уши'¹⁸, или *ulyta* (<*uly* - ~ *ula* - ~ *ulu* -)¹⁹ 'воющий'. Любопытно, что в противоположность казахам узбеки избегали употреблять слово *būgi* и говорили *qasqir*²⁰. Туркменские пастухи²¹ называли бы волка словом *mōžek* 'насекомое'; его обычное обозначение *gurt* ~ *qurt* (первоначальное слово-табу, означающее «червяк») не употреблялось также и охотниками, которые заменили бы его словами: *mesdan it* 'степная собака'²², *ady jiten* 'безымянный' (букв.: 'его имя утеряно'), *xurydar* 'охотник' (<перс.) или *žapavar* 'животное' (<перс.). Последнее название, общее с азербайджанским языком, было, однако, заменено в нем на *aɣzugara* 'тот, у кого черный рот'²³.

В узбекских областях скорпион *sajon* имеет множество табуированных названий. В районе Ташкента его обозначают словом *ešak* 'осел'²⁴ или *oti jūq* 'не имеет имени'²⁵, в районе Самарканда — *benom* (<перс.). В Андижане словом-заменителем является *gazanda* (<тадж. *gazidan* 'жалить')²⁶. Последние два обозначения относят также и к тарантулу *bij*, называемому еще *qora qurt* 'черный червяк', то есть и здесь тоже табу²⁷.

Казахи и киргизы стараются не называть домашних животных их обычным названием *tört tülik*, обозначая их выражением *tört tülik*²⁸, букв.: 'четыре штуки волосатых', то есть лошади, крупный рогатый скот, овцы и верблюды. Если одно из животных потерялось (*žoyaldy*) или украдено (*ürlandy*), то старшие советуют младшим не употреблять этих слов, сказать вместо них *qoldy boldy*²⁹, ибо считается, что в противном случае животное никогда не будет найдено³⁰. Нельзя также говорить *saulyr boldy* '(кобыл, коров) выдоили', следует употребить вместо этого антифразу (*süt*) *bajydy* 'молоко станет обильнее'³¹. Ср. киргизское: *uj zanybar suuqqa şydamsyz mal... Sütü bajyjt*³² ['Коровы — такие животные, которые не терпят холода... (тогда) их молоко уходит (букв.: становится обильнее)']. Пастухи в горах Восточного Казахстана воздерживаются от употребления глагола *qama* - 'обступать, внезапно напасть'. Загоняя скот в загон на ночевку, они говорят: *keşki sayat 6—7 kezinde qojdy qoraya bajytamyz*³³ 'вечером около 6—7 часов мы загоняем (букв.: даем множиться) овец в загон'. Общеупотребительным в казахском языке является выражение *sogra bajydy* 'похлебки станет больше', используемое вместо *sogra bitti* 'похлебка кончилась'³⁴. При расставании друзья и гости избегают выражения *biz ketejik* 'мы сейчас пойдем' для того, чтобы благополучно вернуться, и говорят о своем уходе словами *bajyjuk* или *köbejek* букв.: 'мы сейчас сделаемся многими'³⁵.

По тем же мотивам казахские охотники избегают употребления прямого выражения *soj*- 'разделывать (дичь)' и заменяют его словом *tajla*- 'делать жирным (масляным)'³⁶.

Б. Табу и эвфемизмы, относящиеся к явлениям природы, злым духам и болезням

У казахов в прошлом запрещалось называть молнию словом *žaj*, которое заменялось словом *žasył* 'зеленый, синий'³⁷. Вместо *kün battı* 'солнце село' нужно было сказать *kün bajıdy*³⁸ 'солнце увеличится' ('встанет')³⁹. Подобные замены все еще употребительны в казахском языке, хотя чаще всего они встречаются в диалектах⁴⁰. Выражение *kün battı* 'солнце село' заменяется выражением *kün qajta bastady*⁴¹ 'солнце успокаивается'⁴². Когда солнце скрыто облаками, употребляется выражение: *kün tynsydy*⁴³ 'солнце в покое'. Если солнце сильно печет, используется выражение: *bugün kün qara bolyp tur*⁴⁴ 'сегодня солнце кажется расстро-енным'.

Демонов и злых духов, которые, согласно поверьям, принимают разные обличья, прямо не называют, обычно их обозначают словами, заимствованными из других языков⁴⁵, например, узб. *iblis*, каз. *ubylys* (<араб., греч.)⁴⁶ 'демон', узб., каз., кирг. *žin, žyn* (<араб.) 'злой дух', *šajtan*⁴⁷ (<араб.) 'дьявол', *albasty*, кирг. *albarsty* (<перс.)⁴⁸ 'страшный демон'. В представлении узбеков это существо появляется то в женском⁴⁹, то в мужском обличье⁵⁰; казахи и киргизы представляют его себе в образе женщины⁵¹. В некоторых областях Узбекистана злых духов называют *тома* 'старуха', *opalar* 'старшие сестры', *ora-qizlar* 'женщины', или *zıjon* (<перс.) 'зло', *parsalar* 'окружающие'⁵².

Существовало поверье, что произнесенное вслух название болезни вызовет появление духа, который покарает говорящего⁵³. В частности, избегали называть заразные болезни. Так, например, оспу, по-казахски *šešek* (слово-табу, означающее 'цветок'), следовало называть *mejman* (<перс.) 'гость', *äulie* (<араб.) 'святой', *qorasan* (?)⁵⁴, *dert* (<перс.) 'болезнь, боль'⁵⁵.

В узбекском языке болезнь, также обозначавшаяся словом *šešak* 'цветок', упоминалась в персидской форме *gul* или *gul toma*⁵⁶ (букв.: 'цветок-женщина'). В Восточном Туркестане болезнь обозначается словом *bübi*⁵⁷, а среди узбеков Афганистана — *bibi*⁵⁸ 'старуха'.

Важно было скрыть подлинный характер болезни от больного и его родственников. В подобных случаях казахи даже заменяли казахское слово «болезнь» *аиги* словами чужого языка: *sırqat* (<монг.), *aqau*, *пауqas*⁵⁹ (<перс.), звучавшими менее неприятно.

Следует отметить, что в некоторых тюркских языках ныне не существует собственных слов для обозначения понятий «больной», «болезнь». В турецком употребляется слово *hasta+lıq* (<араб.), в узбекском *kasal+lik* (<араб.) и *bemor+lik* (перс.). Эти заимствованные слова вытеснили древнетюркское слово *аугу* (>каз. *аиги*, кирг. *оогу*), употреблявшееся в позднечагатайском языке в значении «больной, болезнь»⁶⁰ и сохранившееся ныне в значении «боль»⁶¹. Киргизское слово *оогу* бытует наряду со словами из других языков *пооqas*, *dart*, *kesel* (<перс.) *syrqoo* (<монг.)⁶².

Относительно существующей практики эвфемизирования названий болезней можно заметить, что в качестве слов-заменителей обычно выбираются русские (греческо-латинские) термины. Например, казахское слово *šyžu* заменяется словом *diabet* 'диабет', слово *glaukoma* употребляется вместо каз. *su qaranıy*⁶³. Ныне узбеки скорее скажут *kantser*, нежели *гак* — термин, ранее заимствованный из русского языка. Вместо

употребительного слова tuberculosis 'туберкулез' предпочитают говорить *koh* (по имени Роберта Коха)⁶⁴. Интересно также отметить, что каз. *tuberkulez*, введенное в употребление вместо выражения *qürt auru* (букв.: 'червячная болезнь'), вытесняется более общим термином родного языка *ökre auruu* 'легочная болезнь'. Казахи также избегают употреблять слова *gak* или *qultamaq* 'рак' и пользуются в этих случаях обобщенным термином *žamaп auru* 'плохая болезнь'⁶⁵.

В тюркских языках существует много слов для обозначения расстройств психики. Некоторые из них считаются слишком прямолинейными, как, например, каз. *žyndy auru* 'болезнь, вызванная злым духом'⁶⁶, *ıştamaly auru* (<usta- 'держатъ, задерживать'), и должны быть заменены в вежливой речи выражением *talma auruu* (<tal 'быть подобным тому, из кого выпущен дух')⁶⁷.

В. Табу и эвфемизмы, относящиеся к понятию «смерть»

Во многих тюркских языках избегается употребление слова *öl-* 'умирать', когда речь идет о смерти близких родственников или других уважаемых лиц⁶⁸. Этот обычай существовал еще в древнетюркское время. В орхонских надписях (*Kül Tegin*, *Bilgä Kaghān*, 732 и 734 гг. н. э.) о смерти членов семьи «автора надписи» и уважаемых им лиц говорится в иносказательной форме: *uça bardy* 'он улетел', или *kärgäk bolty* 'он стал отсутствующим'⁶⁹. Только по отношению к врагам, представителям низших сословий и лошадям употребляется слово *öl-*⁷⁰.

В туркменском языке распространены следующие фразы⁷¹: *aradan şuy-*⁷² 'выйти из нашего окружения', *ajryl-*⁷³ 'отделиться', *joyal-* 'потерять-ся', *hasarlaş-* 'свой конец' (букв.: 'свести свои счеты'). Из большого числа выражений, встречающихся в казахском языке, приведем лишь некоторые: *qajtpas žolıya* (*saparyya*) *attan*⁷⁴ 'пуститься в дорогу, не имеющую возврата', *atamyzdan attan*⁷⁵ 'отъехать от нас', *kelmeske ket-* 'уехать в такое место, откуда нет возврата', *žan tapsyr-*, *žan ber-*, *žan tasylym qyl-* 'вручить свою душу (кому-то)', *dünieden öt->öt-* 'уйти от этого мира', *dünieden qajt-* или *dünieden qajtyş bol->qajtyş bol-* 'покинуть этот мир'. Последняя фраза, известная также и в киргизском языке (*dünñöñ qajtyş*)⁷⁶, обычно употребляется в некрологах и в повседневной речи, считаясь типично казахским выражением⁷⁷, сравнимым по широте использования лишь с узбекским словом *vafot* (<араб. 'смерть') *qil-*, *et-* 'умереть'. Другими аналогичными выражениями в узбекском языке являются: *haloq* (<араб. 'гибель, разрушение') *bül-* букв.: 'стать разрушенным', *dunjodan ket-*, *üt-* 'уйти из этого мира', *hajotdan küz jum->каз., кирг. köz žüm-~žüm-* 'закрывать глаза на этот мир'. В киргизском языке имеется также слово *üzül-* 'быть изношенным, оборваться', встречающееся также в казахском и узбекском языках⁷⁸. В казахском и киргизском языках существует еще слово *qaza* (<араб. 'несчастный случай, судьба') *tap-*, *bol-* букв.: 'встретить свою судьбу', употребляющееся в вежливой форме вместо слова *ölim*, *ölüm* 'смерть'⁷⁹.

Специфические выражения для обозначения смерти молодых людей и детей в том виде, каком они были зафиксированы в монгольском и тувинском языках⁸⁰, не могут быть в настоящее время идентифицированы, лишь за одним исключением: в наманганском диалекте узбекского языка смерть ребенка обозначается словом *uç-* 'улететь', *bola uçdi* 'ребенок умер'⁸¹.

Принято, чтобы сообщающий о чьей-либо смерти начинал и заканчивал свои слова пожеланием долгих лет жизни⁸². В Турции эти пожелания, выражаемые стереотипной фразой (*Allah*) *sizlere ömür* (*versin*) 'да ниспошлет Аллах (долгую) жизнь тебе и твоей семье', часто заменяет

само сообщение. Например, на вопрос о лице незнакомом и умершем какое-то время тому назад ответ спрашивающему будет таков: *maalesef geçen yıl sizlere ömür* 'к сожалению, он отошел в прошлом году' (букв.: 'долгой жизни тебе и твоим близким').

Г. Табу и эвфемизмы, относящиеся к понятиям: «роды», «мать», «дети»

Тюркские языки располагают большим числом выражений для обозначения понятия материнства. В киргизском языке слово *booz* (<*bo-γaz*, каз. *buaz*)⁸³ 'беременная' в настоящее время употребляется лишь применительно к животным, в разговоре о людях оно заменяется выражением *qoş qabat* букв.: 'два пласта', *qoş bojlui* букв.: 'с двумя станами', или *bojunda bar* букв.: 'в ее теле есть (кто-то)'. Все эти выражения используются в литературном и разговорном языке, а также в профессиональной речи⁸⁴. В узбекском языке считается предосудительным употребление выражения: *ikki qabat* (букв.: 'два слоя'), хотя оно и бытует в разговорной речи, а также в диалектах⁸⁵. По соображениям вежливости, однако, употребляются слова *homilador* (<араб.-перс.) или *oyig ajoyli* букв.: 'с тяжелыми ногами'⁸⁶. Ср. также казахское *ajaıı auıgla-*, диал. *auıgla-*⁸⁷ (букв.: 'ее ноги стали тяжелыми') и *ajaıı auıg* 'беременная' (букв.: 'ее ноги тяжелы'). Наиболее предпочтительным выражением в казахском языке в настоящее время является *jeki qabat* (кирг. *qoş qabat*), *jeki qabat bol-*⁸⁸ (букв.: 'быть с двумя пластами'), тогда как слово *žükti* (букв.: 'тот, кто с ношей') менее употребительно.

Иногда употребляется слово *buaz* (ср. с кирг. *booz*)⁸⁹. В прошлом это слово могло быть отнесено и к человеку, и к животному⁹⁰.

Существует ряд прочно закрепившихся иносказательных выражений понятия «роды»: в узб. *tuı-*, каз. *tu-*, кирг. *tuı-* (<древнетюркское *toı-* 'появляться, родиться'). В киргизском языке употребляется *törö-* (~монг. *törä-*)⁹¹ или *bojunan boşon-*⁹² каз. *bosan-*⁹³ (букв.: 'освободиться'). В киргизском языке также распространено выражение *etegi-pen žalııa*⁹⁴ [букв.: 'быть продолжением ее подола (тела)']. В узбекском языке наиболее характерным выражением является *küzi jori*⁹⁵, в кирг. *köz žar*⁹⁶ (букв.: 'ее глаза светятся радостью'⁹⁷). В казахском языке используется более сдержанное выражение — *bala (ıl) tap* букв.: 'найти ребенка (сына)', которое даже предпочтительнее *bosan-* (см. выше)⁹⁸.

Вопрос о том, кто родился — мальчик или девочка, требует тщательно продуманного ответа. Чтобы не огорчать родителей, у которых родилась еще одна дочка, узбеки говорят: *ıyılmi xolvamı*⁹⁹ 'мальчик это или халва?'¹⁰⁰. Во многих сельских местностях Узбекистана также спрашивают: *bıgımı tülkimi tuıldımı*¹⁰¹ 'родился волк или лиса?'¹⁰². Обычно о новорожденном говорят иносказательно. В узбекском языке ребенка называют *mehmon* 'гость'¹⁰³: *jangi mehmon mubarak бўлсин*¹⁰⁴ 'да будет благословен новый гость'. В киргизском языке используются и такие выражения, как *aqmaq* 'глупыш', *tentek* 'забияка', произносимые, однако, всегда любовно и нежно¹⁰⁵. Даже несколько позднее, после первых недель и месяцев жизни ребенка о маленьких детях, особенно о сыновьях, все еще продолжают говорить иносказательно. В некоторых районах Узбекистана, говоря о маленьком мальчике, можно употребить слово *ajäl* 'женщина, девочка'¹⁰⁶. Из аналогичных соображений в казахском и киргизском языках используются слова — *žaman* 'плохой'¹⁰⁷, *böksek*¹⁰⁸ 'зад'. Страх возбудить похвалой мальчика чувство зависти у злых духов, которые могут ему повредить, породил обычай давать мальчикам имена-обереги с уничижительными значениями. Вот примеры из казахского языка: *Žamanbaj*, *Bylşyq* 'неряха', *Vajraq* 'одетый в тряпье',

baĵ¹⁰⁹; из киргизского: Воqтuгuп 'сопливый нос', Itibaj (<it 'собака'), Kūčūk 'щенок'¹¹⁰.

Распространено также иносказательное обращение к ребенку, как к молодому животному, — обычная защитная уловка, ибо злые духи, по поверью, не обращают внимания на животных¹¹¹. Однако не следует при этом забывать о том, что при кочевом укладе, когда дети вырастали, играя с ягнятами и жеребятами, использование такого рода обращений было вполне естественным¹¹². Например, каз., кирг. bala, узб. bola — обычное обращение к ребенку, сыну первоначально означало «молодое животное»¹¹³; узб. šaqa, кирг., каз. šaqa, употребляемое в сочетании с bala ~ bola, — того же происхождения¹¹⁴. Каз. köbegen¹¹⁵ 'малолетний ребенок, сын' <köbe 'молодой ягненок, родившийся ранней весной'; узб. диал. ulaq, ulaq, ulaq¹¹⁶ 'ребенок' <'молодой козлик'; каз. ködek¹¹⁷ 'маленький ребенок', узб. qotuy 'малолетний', первоначально 'молодой осел', до сих пор употребляются в этих значениях в казахском языке¹¹⁸. Можно было бы привести множество слов, претерпевших подобное семантическое изменение¹¹⁹. Наиболее употребительным выражением является в каз. tūjaq, кирг. tūjaq 'молодой барашек или козел'¹²⁰; каз. ol üjdiñ tört-bes tūjaqu bar¹²¹ 'в той семье четверо или пятеро детей'; кирг. arqamda qalypa tūjaq žoq¹²² 'после меня не останется сына'. Обычно слово tūjaq означает в киргизском языке ребенка-сироту: gamatylyq qarup-dasyndan qalypa žalypuz tūjaq¹²³ 'это единственный ребенок моей покойной сестры'. В казахском языке понятие сирота выражается следующим образом: arapman qalypa köz jedi¹²⁴ 'она является глазом (=ребенком) моей (последней) старшей сестры'.

Наконец, такое выражение, как «родиться», узб. tuyil- часто заменяется сочетанием dunjoga kel- 'приходить в этот мир'. В азербайджанском языке слово doyl- обычно заменяется как в устной речи, так и на письме выражением apadan ol- букв.: 'быть от матери', не встречающимся в других тюркских языках, например: apadan olandan... başga bir jer körmemişdi¹²⁵ 'с тех пор, как он родился... он не бывал в других местах'. С другой стороны, каз. tu-, кирг. tuul- 'родиться' приняты на всех языковых уровнях и не требуют иносказания.

На основе сказанного можно сделать вывод, что табу и эвфемизмы играли и все еще играют важную роль в развитии словарного состава тюркских языков. В исследованиях по тюркской лексикологии и стилистике, а также в работах, посвященных проблемам родства алтайских языков¹²⁶, нельзя не учитывать этого языкового пласта. В этой связи большой интерес представляет исследование вопроса об объекте-табу, а также лингвистического материала иносказаний.

В тюркских, как и в других, языках (Havers, стр. 117—165) происходит определенный отбор эвфемизмов. Иносказания, о которых говорилось выше, возникли на основе:

а) слов, заимствованных из чужих языков; б) использования парфразы («Verhüllende Ausdrücke»: ūlma 'воющий' = волк, переноса значений слов с животного на человека, в частности, на детей); в) антифраз (baĵu- 'возрастать' вместо 'уменьшаться'); г) генерализированных выражений (Havers: «Flucht in die Allgemeinheit»): dert 'болезнь' = оспа; д) эллипсисов (опускаются слова из уже закрепившихся иносказаний: boĵunap bošop- > bosan- 'родить'); е) звуковых изменений или исключений, являющихся иногда обычными звуковыми вариантами (šajtan вместо sajtan).

Приведенное выше, как уже отмечалось, носит предварительный характер, нуждается в дальнейшем изучении фактического материала и тщательных лингвистических исследованиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Примеры даются в транскрипции, принятой журналом «Советская тюркология», со следующими дополнениями: казахский язык — ұ=ÿ; u=i/ĩ (в нерусских словах), узбекский язык — ў=ÿ. Помимо особо оговоренных случаев, казахские, узбекские и киргизские термины взяты из литературного языка, хотя и не всегда возможно строго разграничить литературное и диалектное употребление. Автор считает необходимым отметить, что некоторые издания по данному вопросу остались, к сожалению, недоступными для него, как, например, работы: С. Алтаев. Туркмен дилиндэки эвфемизмлер. Ашгабат, 1958; С. Усманов. Ҳозирги заман ўзбек адабу тилида омоним ва синонимлар. Тошкент, 1959; Н. Исмагуллаев. Ўзбек тилида эвфемизмлар, 1964; Д. З. Зеленин. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. — В сб.: «Музей антропологии и этнографии», часть 1, т. VIII. Л., 1929, стр. 1—151; часть 2, т. IX. Л., 1930, стр. 1—166. Однако работа Д. З. Зеленина широко цитировалась в W. Havers. Neuere Literatur zum Sprachtabu (Wien, 1946).

² Ср. с замечаниями, сделанными Hegedüs, стр. 83—84; Taube, I, стр. 591.

³ Так, М. Пей (см.: M. Pei. The story of language. — «A Mentor Book, Second Printing», 1963, стр. 214—215) оба термина употребляет разнозначно. Даже Havers (стр. 19—20) утверждает, что лингвистическое табу присутствует лишь там, где религиозные верования или суеверия запрещают употребление обычных слов и выражений, и что различие между лингвистическим табу и эвфемизмом (gesellschaftlicher Euphemismus) связано исключительно с этим мотивом. Автор допускает, что в ряде случаев трудно выявить истинную причину и природу подобных мотивов.

⁴ Прекрасным примером современного лингвистического табу является попытка экономистов и политиков США дать перифраз слова «депрессия».

⁵ Ср. показательный пример, приведенный Havers, стр. 167—168.

⁶ Поскольку в данной работе речь идет главным образом о лингвистических табу и эвфемизмах, обычаи и верования, лежащие в их основе, анализируются весьма кратко.

⁷ Это особенно часто употреблялось при обозначении диких животных и злых духов, которые, согласно поверью, понимают язык лишь тех людей, которые живут с ними на одной территории, а потому не поймут слов чужого языка. См.: Havers, стр. 128—132, а также Hegedüs, стр. 80, 94, 95.

⁸ Азимов, стр. 130. Подобный же запрет существовал у других народов, см.: Havers, стр. 16. В Монголии и обширном районе Центральной Азии змен считались разносчиками болезней, причем особенно опасных для детей. См.: C. R. Bawden. The Supernatural Element in Sickness and Death According to Mongol Tradition, Part I. — «Asia Major», Vol. VIII, № 2, стр. 238—239, 246.

⁹ Болганбаев, стр. 227.

¹⁰ Азимов, стр. 131.

¹¹ Это слово, зафиксированное во многих тюркских языках (Räsänen, стр. 219), в туркменском языке должно было бы приобрести форму qajüş, а не qajys. Возможно, qajis заимствовано из казахского языка, в котором š>s является обычным звуковым замещением, либо здесь звук š произвольно заменен на s в связи с требованиями табу.

¹² Taube, I, стр. 593. В азербайджанском языке змея обозначается словом ip 'ить', а также kafir 'неверный'; xalasy köjčäk, xalasyna la'nat.

‘да будет проклята ее тетка’. (См.: «Азәрбајҹан бәдији дилинин услубијјәти». Бақы, 1970, стр. 109; *Rəhimzadə*, стр. 62).

¹³ То же самое и у монголов, см.: *N. Poppe*. One some Mongolian Names of Wild Beasts. — CAJ, IX, стр. 164—170; *A. Särközi*. A. Mongolian Hunting Ritual. — АОН, XXV, 1972, №№ 1—3, стр. 198.

¹⁴ *Болғанбаев*, стр. 227. В данном случае ср. также с туркменским выражением *gurt ayzasañ, gurt geler* ‘если назовешь волка, он явится’ (*Азимов*, стр. 132).

¹⁵ Нижеследующие обозначения последовательно перечислены *Болғанбаевым* (стр. 227).

¹⁶ Возможно, слово-табу иранского происхождения, см.: *Räsänen*, стр. 84. Другим заимствованным словом для обозначения волка является *gürk* (<перс.), зафиксированное в новоуйгурском языке (*Menges*. Glossar, стр. 723), а также в устной речи кыпчакских узбеков, см.: «Ўзбек халқ достонлари», II. Тошкент, 1958, стр. 496.

¹⁷ Это же слово *itqış* встречается также у узбеков, проживающих в районах Самарканда и Сурхандарьи, где волка называют словом *žondor* (<перс.) ‘тварь’ (*Исматуллаев*, I, стр. 8).

¹⁸ В монгольском языке в словах-заменителях, обозначающих волка, также акцентируется описание ушей животного, см.: *Särközi*. Упом. раб., стр. 198.

¹⁹ *Räsänen*, стр. 512.

²⁰ *З. Б. Бўронов*. Инглис ва ўзбек тиллари kijosў грамматикаси. Тошкент, 1973, стр. 67, а также: *Исматуллаев*, I, стр. 8, где говорится, что слово *qashqir* употребляется во многих областях Узбекистана. В южных районах Ферганской области волка обозначают словом *qarşuql* (*УШЛ*, стр. 424). Это намеренно переделанное слово *qarşuq*, обозначающее волка в киргизском языке, можно было бы читать как *qarşu qol* ‘рука, противостоящая’, то есть рука, совершающая грех, — эвфемизм для слова «вор». [Ср. *qol* ‘рука’, обозначающая в сказках узбеков Афганистана волка (см.: *K. H. Menges*. Zum Özbekischen von Nord-Afghanistan. Anthropos, XLI—XLIV, 1946—1949, стр. 707)]. Ср. кирг. *qol sal* (*Кыр. ТТС*, стр. 323) букв.: ‘протянуть руки’, то есть ‘украсть’. См. также примечание 29.

²¹ Эти термины приведены у *Азимова*, стр. 132.

²² В тувинском языке в обычной разговорной речи словами-заменителями для *bög* ‘волк’ являются *džer i'di* ‘степная собака’, *aldajniñ i'di* ‘алтайская собака’, *džer dživezi* ‘то, что имеет отношение к степи’ (подобные же термины существуют в монгольском языке, см.: *N. Poppe*. Упом. раб., стр. 167), или *oqālyk* ‘старый человек’ (*Alterchen*), *ežej* ‘дед’. Нельзя, однако, произносить и это слово, хотя и считающееся наиболее приемлемым, поздно вечером, если при этом едят мясо. Особая осторожность предписывается в том случае, если некто обращается к волку непосредственно, либо во время охоты. В этом случае следует задобрить его словом *хагқап* ‘тот, кого уважают’. (См.: *Taube*, I, стр. 592—593). Такой же обычай распространен и среди монгольских охотников, см.: *A. Särközi*. Упом. раб., стр. 194.

²³ *Н. Рəhimzadə*, стр. 62. Слова-табу для обозначения волка в других тюркских языках приведены в работе: *А. М. Щербак*. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. — «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 132.

²⁴ *Г. Абдирахманов* (под ред.). Лозирги ўзбек адабий тили. Фонетика, лексикология, морфология. Тошкент, 1966, стр. 125. Так же обозначается скорпион и в новоуйгурском языке, см.: *Menges*. Glossar, стр. 733.

²⁵ *Исматуллаев*, I, стр. 8.

²⁶ *Исматуллаев*, I, стр. 8.

²⁷ *З. Б. Бўронов*. Указ. раб., стр. 67.

²⁸ *Болганбаев*, стр. 227; *Кыр. ТТС*, стр. 629, также: «Ала-Тоо», 1971, № 1, стр. 58. Киргизы, живущие на Памире, в Афганистане, называют своих животных *tört butluq* 'четвероногие'. (Автор обязан этими сведениями Назифу Шахрани из Кабула).

²⁹ Эта фраза (букв.: 'это перешло в другие руки', ср. немецкое «ab-handen kommen») употребляется также и в литературных текстах. Любопытно, что в *КТТС*, II, стр. 58 она приводится в виде *žoyaldy ırlandy*. Это те самые первоначальные слова, которые должна была бы заменить приведенная фраза. Вероятно, по этой причине выражение *qoldy boldy* уже утратило в литературном казахском языке свой эвфемистический характер.

³⁰ *Болганбаев*, стр. 227.

³¹ Там же. Такие же выражения бытуют у узбеков Афганистана. (Устная информация Назифа Шахрани).

³² *Кыр. Аял.*, 1969, № 7, стр. 18. В данном случае слово употребляется даже в отрицательной форме: *saapçylar ujum bajubasa dep tilejt* букв.: 'доярки молят (говоря), только бы молока не стало больше'. В данном контексте очевидно, что *baju* приобрело иное значение: «становиться меньше, иссякать». Поэтому *Кыр. ТТС*, стр. 79 рассматривает его как новое слово и приводит отдельно от *baju* - 'увеличиваться, делаться обильнее'. Это может служить примером того, как выражение-эвфемизм иногда со временем приобретает значение замененного им слова.

³³ *ҚТТДМ*, 1963, № 5, стр. 273.

³⁴ За эти примеры я выражаю свою признательность академику Смету Кенесбаеву (Алма-Ата), моему учителю. *Havers* (стр. 134) замечает, что грузины, избегая употребления слова «пусто» в том случае, если бы их запасы хлеба или вина истощились, сказали бы: «полно». Замены для слов «нет», «ничто», «пусто», связанных с пищей, встречаются во многих языках (*Havers*, стр. 133).

³⁵ Этим примером я также обязана академику С. Кенесбаеву.

³⁶ *Болганбаев*, стр. 228. Интересно употребление слова *maj* 'жир', приобретающего в данном контексте, кажется, некоторое дополнительное значение в киргизском языке, а именно: оно означает некую компенсацию за что-либо, данное взаймы или для использования: *attyn majun töböo* букв.: 'заплатить за жир лошади'; *ot majun tölöo* букв.: 'заплатить за сено'. (*Кыр. ТТС*, стр. 414).

³⁷ *Болганбаев*, стр. 228. Это слово все еще употребляется в диалектах казахского языка (см.: *Ж. Доскараев*. Арыс говорының лексикалык ерекшеліктер; *ҚТТДМ*, № 3, 1960, стр. 46), оно встречается также и в литературных текстах. Не будучи знакомой с представлениями казахов о погоде, я не уверена в том, действительно ли *žasył* связано с понятиями «синий» или «зеленый». G. Jarring (*Ethnos*, 36, № 1, стр. 26—27) сообщает, что цветом молнии в Восточном Туркестане считается синий (*kök*), но обозначают ее словом *al* 'красный', а иногда также *ot*, *oşaқ* 'огонь'. Вероятно, *žasył* имеет отношение к узбекскому *jašin* 'молния' (в чагатайском также *jašum*, *išin*, *išin*; *Räsänen*, стр. 192).

³⁸ *Болганбаев*, стр. 227—228.

³⁹ О переводе прошедшего времени в третьем лице, *bajydy* в данном случае и в предыдущих примерах, в форме «увеличится, возрастет» см.: *I. Laude-Cirtautas*. The Past Tense in Kazakh and Uzbek as a Means of Emphasizing Present and Future Actions. *CAJ*, XVIII, № 3, стр. 149—158.

⁴⁰ Выражение *kün baju* употребляется во многих диалектах казахского языка, см.: *КТДС*, стр. 59; *Е. Жанпейисов*. Қазақ пен уйгур би-

лими мәселелери. Алматы, 1963, стр. 60. Оно известно также в башкирском языке: *köp bajys* 'запад', что приводится без пояснений. См.: *M. Räsänen. Die Himmelsrichtungen in den Altaischen Sprachen mit besonderer Berücksichtigung der Türk-Sprachen. UAJb, 36, №№ 3—4, 1965, стр. 394.* Там же приведен интересный туркменский термин *gün jaşar* '(направление), в котором скрывается солнце'.

⁴¹ КТТДМ, 1962, № 4, стр. 40.

⁴² В монгольском языке понятие «заход солнца» выражается с помощью слова *jigya* 'быть счастливым'. Это же слово, применительно к важным лицам (правителям, чиновникам высокого ранга), имеет значение «ложиться, отправляться спать» (см.: *N. Poppe. On some Honoric Expressions in Mongolian. Studies in General and Oriental Linguistics. Presented to Shiro Hattori on the Occasion of his Sixtieth Birthday. Tokyo, 1970, стр. 490—491.* Следует заметить, что во многих других языках также не принято говорить о заходе солнца прямо (см.: *Havers, стр. 87—90).*

⁴³ КТТДМ, 1960, № 3, стр. 106.

⁴⁴ КТТДМ, 1962, № 4, стр. 40.

⁴⁵ См. примечание 7. Часто название из чужого языка, а также любое другое название не употребляется, как, например, в турецком языке: *eji sihhatte olsunlar geldi* 'да будут они пребывать в добром здравии (=злые духи) появились' (как это сообщает Гюлиз Куруоглу). Из одного азербайджанского источника мы узнаем, что, когда упоминают о злых духах, следует быстро сказать: *jeddi daylar ašsyn! daylara dašlara! evdän-ešikdän uzaq* (*Рәһимзада*, стр. 63) 'да взбегутся они (он) на семь гор! К горам и камням! Прочь от (нашего) дома и дверей!' О подобных же выражениях в венгерском языке см.: *Hegedüs, стр. 89.*

⁴⁶ *K. H. Menges. Glossar, стр. 730.* Возможно, что некоторые персидско-арабские слова, приведенные в данном сообщении, были заимствованы и усвоены вместе с системой религиозной исламской терминологии, а не в результате табуирования.

⁴⁷ Интересно, что в литературном казахском языке сохраняется слово *šajtan*, несмотря на обычную замену звука *š > s* в других случаях.

⁴⁸ *K. H. Menges and N. T. Katanoff. Volkskundliche Texte aus Ost-Turkistan, I. SBAW, 1933, стр. 99.*

⁴⁹ *I. (Laude)-Cirtautas. Pre-Islamic Rites Among Uzbeks. — «Traditions Religieuses et Para-Religieuses des Peuples Altaïques». Travaux du Centre d'études Supérieures spécialisé d'Histoire des Religions de Strasbourg, 1972, стр. 42.* По поводу слова *albasty* см. также: *U. Johansen. Die Alpfrau. Eine Dämonengestalt der Türkischen Völker. ZDMG. Vol. 109, № 2, 1959, стр. 303—316.*

⁵⁰ *G. Jarring. Uzbek Texts from Afghan Turkestan. With Glossary. Lund Univ. Arsskrift, XXXIV, 2. Lund and Leipzig, 1938, стр. 89, фото 3.*

⁵¹ Демон, называемый также в каз. *martu*, в кирг. *martuu* (<?), особенно опасен для женщин во время родов (см.: *Х. А. Аргынбаев. Қазақ халқындағы семья мен неке. Алматы, 1973, стр. 89.*

⁵² *Исмагуллаев, I, стр. 7.*

⁵³ Подобные суеверия известны и у других народов, см.: *Havers, стр. 90; Hegedüs, стр. 92—93.*

⁵⁴ *Болганбаев, стр. 227.*

⁵⁵ *С. Кенесбаев, Г. Мусабаев. Қазирги қазақ тили. Лексика, фонетика. Алматы, 1962.*

⁵⁶ *Исмагуллаев, I, стр. 9.*

⁵⁷ *К. H. Menges and N. T. Katanoff. Упом. раб., стр. 54.*

⁵⁸ Эту информацию сообщил автору Назиф Шахрани.

⁵⁹ Болганбаев, стр. 37, 228.

⁶⁰ Другое древнетюркское слово для обозначения болезни, *ig, jig*, кажется, сохранилось только в некоторых анатолийских диалектах (*S. Çağatay. Zur Wortgeschichte des Anatolisch-Türkischen. UAJb, XXXII, №№ 1—2, 1960, стр. 80*), а также в узбекских диалектах Хорезмской области, см.: *ÜSL*, стр. 31.

⁶¹ Например, по-узбекски говорят *boş oғriyi*, по-турецки *baş ağrısı* 'головная боль', но по-узбекски же *jurak kasalligi* и по-турецки *kalb hastalığı* 'болезнь сердца'.

⁶² В просмотренной нами литературе, включая статьи по медицине, опубликованные в *Кыр. Аял*, в большинстве случаев употребляется слово *oogı*; см., например: *Там же*, 1967, № 5, стр. 23; 1969, № 7, стр. 9.

⁶³ Болганбаев, стр. 178.

⁶⁴ *Исматуллаев*, II, стр. 4. В другом месте (*Исматуллаев*, I, стр. 15—16) слово *koх* определяется только как медицинский термин. В некоторых узбекских районах болезнь обозначается с помощью слов *uzun oғriq* 'длительная болезнь' или *uzoq şirkā kasaly* 'длительная легочная болезнь' (*там же*, стр. 9). Страдающего этой болезнью называют *dardlik kişi* 'человек с болезнью'. В Турции эта болезнь обозначается с помощью смягчающего прилагательного: *ince hastalık* 'тонкая болезнь'. Ср. также *inckā aғruу* — то же слово (*J. Eckmann. The Divan of Gada'i. Indiana University Publications. — «Uralic and Altaic Series». Vol. 113, стр. 320.*

⁶⁵ Болганбаев, стр. 228, а также: «Жулдыз», 1974, № 2, стр. 188.

⁶⁶ Болганбаев, стр. 228.

⁶⁷ *Там же*.

⁶⁸ Согласно утверждению одного из моих узбекских информантов, слово *öl-* принято употреблять только применительно к животным, чужестранцам, либо к людям, которые не нравятся говорящему. См. также: *Taube*, I (стр. 594) о стремлении избежать употребления этого слова в тувинском языке.

⁶⁹ Последняя фраза может также читаться как *kärkāk buldy* 'он нашел свой конец' (*er fand das ihm vom Himmel bestimmte Mass*); см.: *A. von Gabain. Inhalt und magische Bedeutung der alttürkischen Inschriften. — «Anthropos», 48, 1953, стр. 546—547.*

⁷⁰ *Там же*, стр. 547.

⁷¹ *Азимов*, стр. 131. Аналогичные выражения имеются в тувинском и монгольском языках (см.: *Taube*, I, стр. 594). *K. Sagaster and M. M. Hal-tod. Über einige Ausdrücke für «sterben» im Mongolischen. JSFOU, 65, № 1, 1965, стр. 99—119.* Можно вспомнить слова и фразы, употребляющиеся в связи с обозначением смерти и траура в других языках, например, в английском языке «to pass away», «the decease», в немецком — «der (die) Verblichene».

⁷² Слово, обычно употребляемое в некрологах, ср.: «Әдебийят ве сунгат», от 30 октября 1974 г., стр. 4.

⁷³ Эта фраза (<OT. *adyγyl*) часто употреблялась в древнетюркских погребальных надписях (орхонских и енисейских), см.: *A. von Gabain. Упом. раб.*, стр. 547; *T. Tekin On a Misinterpreted Word in the Old Turkic Inscriptions. UAJb, XXXV, 1964, 139—143.*

⁷⁴ «Жулдыз», 1974, № 7, стр. 100; Болганбаев (стр. 275) приводит многие другие выражения.

⁷⁵ *ҚӘ*, от 22 ноября 1974 г., стр. 4. Ср. с аналогичным выражением в современном монгольском языке (*N. Porre. Упом. раб.*, стр. 494): *morila-*, первоначально означавшее «отправиться верхом на лошади», ныне в вежливой речи употребляется вместо слова «умереть».

⁷⁶ Киргизские выражения, полностью или почти совпадающие с казахскими, взяты нами из: *Б. Сиранчиева*. Кыргыз тилиндеги синонимдердин пайда болуу булактары. — В кн.: «Кыргыз тилинин грамматикасынын жана лексикасынын очерктери». Фрунзе, 1965, стр. 95.

⁷⁷ См.: *Ю. Джуманазаров*. Диалектал питкнинг ўзига ҳос хусусиятлари. — «Ўзбек тили ва адабиёти». Тошкент, 1971, № 3, стр. 47.

⁷⁸ См., например: *А. Каххор*. Танландан асарлар, т. II. Тошкент, 1957, стр. 37; *М. Ауезов*. Абай жолы. Алматы, 1961, стр. 806.

⁷⁹ *Болганбаев*, стр. 37.

⁸⁰ *K. Sagaster and M. Haltod*. Упом. раб., стр. 101; *Taube*, I, стр. 594—595.

⁸¹ *Исмагуллаев*, I, стр. 13. В азербайджанском языке о том, у кого умер ребенок, говорят следующим образом: *сугау сөндү* 'свет его погас' (*Рәһимзада*, стр. 67). Там же приведены многие другие выражения, употребляющиеся для обозначения смерти и умирающего.

⁸² Прекрасная иллюстрация этой древней традиции дана в главе о «Кутадгу Билиг» (1069/70 гг. н. э.), озаглавленной «*Qutaḡu Ögdülmiške Odıurmişniñ ölmışin ayur*» [(как) Qutaḡu рассказывает Ögdülmiş о смерти (его брата) Odıurmiş] (*R. R. Arat*, red. «*Kutadgu Bilig*». Istanbul, 1947, стр. 622).

⁸³ Этимология этого слова неясна. Действительно ли значение его идентично значению слова *boʻyaz* 'горло', как утверждает *Räsänen* (стр. 78)?

⁸⁴ Ср. с рядом статей в *Кыр. Аял*, 1971, № 6, стр. 9; 1971, № 12, стр. 22.

⁸⁵ Например, оно употребляется в разговорном языке, в сатирическом журнале «Муштум», 1973, № 9, стр. 12. Этот термин имеется также в наманганском диалекте узбекского языка (*УШЛ*, стр. 443).

⁸⁶ *М. Турсунов*. Юзирги ўзбек адабий тили. Тошкент, 1965, стр. 142. Выражение «с тяжелыми ногами» известно также в монгольском языке (этими сведениями я обязана проф. Н. Поппе). В тувинском языке есть подобное же выражение: *hol budu aḡ* 'та, у которой тяжелые руки с тяжелыми ногами' (*Taube*, II, стр. 77). Ср. также азерб. *ajaуу аууг ол* 'быть с тяжелыми ногами' (*Рәһимзада*, стр. 66). Здесь перечисляются также и другие иносказания, однако без указания того, какое из них предпочитается: *bojnunda ol- букв.*: 'находиться в ее теле', *gāfāsi (boj-nu)dolu ol- букв.*: 'ее тело стало полным', *hamli ol- букв.*: 'быть беременной'.

⁸⁷ *Ж. Булатов*. Вопросы истории и диалектологии казахского языка. Алма-Ата, 1958, стр. 167.

⁸⁸ В литературных, а также в научных текстах это выражение широко употребляется, см., например: *Х. А. Аргынов*. Указ. раб., стр. 87; *jeki qabat ājel* 'беременная женщина', *jeki qabat kezinde* 'во время беременности'.

⁸⁹ *И. Жансугиров*. Шычармалар, т. V. Алматы, 1964, стр. 164.

⁹⁰ *Е. Жубанов*. Лексикалык элементтердин стилдик өни зайыпдагы кейвир топшылаулар. — В кн.: «Қазақ тилинин тарихи туркылы зертеулер». Алматы, 1965, стр. 152—154.

⁹¹ Вероятно, первоначально значение слова *törö- ~ törä-* было следующим: 'возникать', см.: *Räsänen*, стр. 494.

⁹² *Сиранчиева*. Указ. раб., стр. 95. Однако можно говорить о явной предпочтительности слова *törö* перед словом *bojupan boşon-*. Последнее, как правило, в литературных произведениях не встречается, в то время как слово *tögö-* употребляется часто, см., например: *Т. Сыдыкбеков*. Тоо арасында. Фрунзе, 1974, стр. 446, 488; *Кыр. Аял*, 1970, № 7, стр. 23. Ср.

также с *töröt üjü* 'родильный дом'. Казахским термином для выражения этого значения, официально принятым Комиссией по терминологии Совета Министров Казахской ССР, является ныне *böbek üji* букв.: 'дом малютки', заменивший *ajelder bosanatyp üj* и *bosanu üji*, что было рекомендовано ранее той же самой комиссией (ҚӘ, от 14 декабря 1968 г., стр. 2). В узбекском языке употребляется выражение *tuγuq хоп* («Гулистон», 1975, № 1, стр. 24).

⁹³ *Аргынбаев*. Указ. раб., стр. 91—92; также: *КТТС*, I, стр. 120.

⁹⁴ *Т. Сыдыкбеков*. Биздин замандын кишилери. Фрунзе, 1970, стр. 66.

⁹⁵ *М. Турсунов*. Указ. раб., стр. 142.

⁹⁶ *Сиранчиева*. Указ. раб., стр. 95.

⁹⁷ Например, *Dilbor kelin ajang oyir ojoqli isga jaramaj qolgan. Ertamiindin küzi jorisa bir-ikki jil kolhoz isini qilolmajdi* (*Саид Ахмад*. «Шарк йулдузу», 1964, № 2, стр. 36) 'Новобрачная Дильбор Айанг беременна (oyir ojoqli) и не способна к работе. Если она родит (букв.: 'если ее глаза засветятся') через несколько дней, она не будет способна работать в колхозе год или два'. Фразеологизм *küzi jori-* (~*köz jari-*) весьма древний, первоначально обозначавший любого вида радость. Впоследствии это выражение стало означать исключительно радость в связи с рождением ребенка. Например: ...*Aj Qayannuñ közü jaryb bodady ärkäk oyul toγurdy* [*А. М. Щербак*. Огуз-наме. Мухаббат-наме (Москва, 1959), стр. 22] 'Глаза Ай Хана светились и сверкали (радостью), родился сын'.

⁹⁸ Следует заметить, однако, что в некоторых районах Казахстана выражения *bala tap-* или *bala tu-* считаются не очень приемлемыми, «неуместными» (*jersi söz*) и вместо них употребляется слово *bosap* (*ҚТТДМ*, № 3, 1960, стр. 68). Аналогичные случаи встречаются также и в диалектах киргизского и узбекского языков. Например, в некоторых диалектах узбекского языка слово *tu-* 'рождать' не требует никаких иносказаний (*УХШЛ*, стр. 383), в то время, как в ряде других диалектов говорят *baça tor-* (=каз. *bala tap-*), *būšanib ol-*, *qutilib ol-* букв.: 'быть облегченной', *farzand küg* букв.: 'увидеть ребенка' (*Исмагуллаев*, I, стр. 12; без указания, однако, на то, в каких случаях употребляется каждое из этих выражений).

⁹⁹ Это, как мне сообщили в Ташкенте, весьма распространенное выражение. См. также: *Исмагуллаев*, II, стр. 6; *Саид Ахмад*. Танландан асарлар, т. I; *Никойалар* (Тошкент, 1971), стр. 255; *УХШЛ*, стр. 283.

¹⁰⁰ Халва — весьма популярный вид сладости, по составу представляющий собой пасту из смеси семян кунжута и орехов с добавлением меда.

¹⁰¹ *А. Алиев*. Наманган шеваларининг бази лугат хисисийатлары, *УТА*, 1972, № 5, стр. 51. В ферганском диалекте выражение *boγri tülki tüg-* букв.: 'приносить волка (волков) и лисицу (лисиц)' относится к женщине, которая часто рождает и мальчиков, и девочек. В диалектах азербайджанского языка в этом случае говорят *agra buγda doγ-* букв.: 'приносить рожь и пшеницу'; «*Азәрбајчан дилинин диалектолож*и лугәти». Баки, 1964, стр. 40.

¹⁰² Тувинцы о новорожденном спрашивают так: *oldza dzül?* 'какого рода добыча?'. Если родился мальчик, отвечают: *örge duzaydär* 'тот, кто поймает суслика'; если девочка: *öšgü sār* 'та, которая будет доить козу' (*Таубе*, II, стр. 81).

¹⁰³ Это выражение, как я узнала об этом в Ташкенте, широкоупотребительное. См. также: *А. Кодирий*. *Мехробдап чойон*. Тошкент, 1959,

стр. 40. — Журн. «Фан ва турмуш», 1974, № 8, стр. 8. Уместно вспомнить здесь монгольское слово *žoi* 'гость', ставшее именем старшего сына Чингисхана (*N. Porre. On Some Words for «Guest» in the Altaic Languages. Jean Deny Armagani. Ankara, 1958, стр. 200*).

¹⁰⁴ Об этом сообщил нам в Ташкенте д-р Ориф Усмонов.

¹⁰⁵ Эти слова употребляют, например, женщины, благословляя новорожденного. *Т. Сыдыкбеков. Тоо арасында. Фрунзе, 1974, стр. 488—489.*

¹⁰⁶ *УХШЛ*, стр. 325; *УДМ*, II, стр. 383. Поверье, что злые духи стремятся причинить зло главным образом мальчику, а не девочке, легло в основу обычая давать мальчикам имена девочек, например, у киргизов (*L. Rasonyi. Der Frauenname bei den Türkvölkern. UAJb, XXXIV, 1962, стр. 229*).

¹⁰⁷ *Кыр. Аял*, 1969, № 7, стр. 9: *žamaпum* 'мой сын'.

¹⁰⁸ «*Жулдыз*», 1974, № 7, стр. 130.

¹⁰⁹ *Т. Жанұзаков. Қазақ есімдеринин тарихи. Алматы, 1971, стр. 45.*

¹¹⁰ *Кыр. Аял*, 1974, № 6, стр. 14. Имена с компонентом, обозначающим собаку, имеются и в казахском языке, например: *Itbaj, Itbas, Kūšik, Вагақ*, однако они лишены сопутствующего неприятного оттенка, см.: *Т. Жанұзаков. Указ. раб., стр. 45.*

¹¹¹ *Taibe, I, стр. 599.*

¹¹² Некоторые из рассматриваемых здесь терминов первоначально, возможно, употреблялись еще до приобретения ими общего значения «ребенок», выражая ласку, нежность. Например, слово *qozi* 'ягненок' в узбекских диалектах Хорезмской области употребляется в значении «ребенок» (*УХШЛ*, стр. 377), а в казахском и киргизском языках является лишь ласковым обращением.

¹¹³ *А. М. Щербак. Названия домашних животных...*, стр. 108.

¹¹⁴ *Там же*, стр. 108—109.

¹¹⁵ *А. Искаков и др. Қазақ тилинің қысқаша етимологиялық сөздігі. Алматы, 1966, стр. 102—103.*

¹¹⁶ *УХШЛ*, стр. 372—374. Ср. американское и английское слово *kid* 'ребенок' < 'молодой козлик'.

¹¹⁷ *ҚТТДС*, стр. 160.

¹¹⁸ *Там же*, а также: *КТТС*, I, стр. 304. Возможно, последнее слово иранского происхождения, оно получило широкое распространение: См.: *K. Menges. Das Saṣatajische in der persischen Darstellung von Miṣza Mahdi: Xān. Akad. Wiss. Lit. Mainz, Abh. Geistes- u. Sozialwiss. Kl., Jahrgang, 1956, № 9, стр. 724.*

¹¹⁹ Например, азерб. *kögrä* 'ребенок', 'дитя' < 'новорожденный ягненок'; тур. *soyuc* 'ребенок' < 'маленький поросенок' (*Räsänen*, стр. 113, 293).

¹²⁰ Это слово известно также в значении «копыто», см.: *Кыр. ТТС*, стр. 626; *ҚТТС*, II, стр. 379.

¹²¹ *А. Гасенов. Қазақ тили. Алматы, 1973, стр. 28.*

¹²² *Кыр. ТТС*, стр. 626.

¹²³ «Ала-Тоо», 1974, № 7, стр. 78; *Кыр. Аял*, 1969, № 2, стр. 11.

¹²⁴ *Рәһимзада*, стр. 256.

¹²⁵ *И. Жансугиров. Указ. раб., стр. 66.*

¹²⁶ См.: *N. Porre. CAJ, IX, № 3, стр. 161; L. Bazin. Les interdits de vocabulaire et la comparaison turco-mongol. — «Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients», 1974, № 5 (Sprache Geschichte und Kultur der Altischen Völker. Protokollband der XII. Tagung der PIAC 1969 zu Berlin).*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Азимов — С. П. Азимов. Туркмен дилинің меселелери. Ашгабат, 1969.
 Болганбаев — А. Болганбаев. Қазақ тилиндеги синонимдер. Алматы, 1970.
 Havers — W. Havers. Neuere Literatur zum Sprachtabu. SWAW. Phil. Kl. Bd. 223, Abh. 5. Wien, 1946.
 Hegedüs — L. Hegedüs. Sprachtabu und Namenmagie. Orbis, VII, № 1, 1958, стр. 79—96.
 Исматуллаев, I — Н. Исматуллаев. Эвфемизмы в современном узбекском языке. Автореф. дисс. Ташкент, 1964.
 Исматуллаев, II — Н. Исматуллаев. Эвфемизмларнинг лугат составини ва сўз ма'нolariни бойитишдаги аҳатийати. — «Илти асарлар», 42, т. 2, китоб: «Тилшунослик масалалари». Тошкент, 1964.
 ҚӘ — «Қазақ адабиёти». Алматы.
 ҚТДС — «Қазақ тилинің диалектологийалық сөздиғи». Алматы, 1969.
 ҚТТДМ — «Қазақ тили тарихы мен диалектологийасының мәселелери». Алматы.
 ҚТТС — «Қазақ тилинің түсіндірме сөздиғи», I—II. Алматы, 1959; 1961.
 Кыр. Аял — «Кыргызстан аялдары». Фрунзе.
 Кыр. ТТС — «Кыргыз тилинің түшүндүрмө сөздүгү». Фрунзе, 1969.
 Menges — K. H. Menges. Glossar zu den volkskundlichen Texten aus Ost-Turkistan II. Akad. Wiss. Lit. Mainz, Abh. Geistes- u. Sozialwiss. Kl., Jahrgang, 1954, № 14.
 Räsänen — M. Räsänen. Versuch eines Etimologischen Worterbuches der Turksprachen. Helsinki, 1969.
 Рәһимзаде — Н. Рәһимзаде. Азәрбајҹан дилинин евфемистик ифадәләри һагьинда. — «Азәрбајҹан ССР Елмләр Академијасынын хәбәрләри. Әдәбијат, дил вә инчәсәнәт серијасы», 1966, № 3, стр. 62—69.
 Taube, I — E. Taube. Zum Problem der Ersatzwörter im Tuwinischen des Ceng-el-sum. — «Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients», 1974, № 5, стр. 589—607.
 Taube, II — E. Taube. Mutter und Kind im Brauchtum der Tuwiner. — «Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», 1970, № 27, стр. 75—89.
 УДМ — «Узбек диалектологиясындан материаллар», I—II. Тошкент, 1957; 1961.
 УТА — «Узбек тили ва адабиёти». Тошкент.
 УХШЛ — «Узбек халг шевалари лугати». Тошкент, 1971.
 УШЛ — «Узбек шевалари лексикасы». Тошкент.

Перевод с английского И. Е. ФАДЕЕВОЙ

Б. ЧАРЫЯРОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ТУРКМЕНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

За последние годы филологическая наука Туркмении достигла значительных успехов в исследовании актуальных проблем грамматики и лексики туркменского языка, истории туркменской литературы и фольклора. Хотя эти вопросы разрабатываются и на филологических кафедрах туркменских вузов, все же ведущим в этой области является Институт языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР.

Внимание этого института в настоящее время сосредоточено на разработке вопросов грамматического строя, словарного состава, фонетики туркменского языка и на исследовании истории туркменской литературы и устного народного творчества.

В области языкознания исследования ведутся в следующих направлениях: лексикография и лексикология, фонетика, грамматический строй, культура речи, история языка и его диалектов.

Институтом к настоящему времени составлены и изданы «Русско-туркменский словарь» (М., 1956), однотомный толковый «Словарь туркменского языка» (Ашхабад, 1962), «Орфографический словарь туркменского языка» (Ашхабад, 1963), «Туркменско-русский словарь» (М., 1968), «Краткий русско-туркменский словарь» (Ашхабад, 1968), «Фразеологический словарь туркменского языка» (Ашхабад, 1973) и др. Подготовлены и изданы также русско-туркменские терминологические словари по химии, сельскому хозяйству, географии, геологии, астрономии, ботанике, лингвистике, «Латино-русско-туркменский словарь медицинских терминов», «Русско-туркменский словарь строительных терминов» и др. Вышеназванные словари включают в себя термины, входящие в школьные и вузовские учебники, употребляемые в научно-популярной литературе и в периодической печати. В последние годы сектором лексикографии подготовлен ряд терминологических словарей по различным отраслям науки, техники, народного хозяйства, а также изданы «Краткий орфоэпический словарь», «Топонимический словарь Туркменистана».

Сейчас готовится к изданию двухтомный «Русско-туркменский словарь», охватывающий активную лексику современного русского литературного языка и содержащий около 65 тысяч словарных статей с соответствующим иллюстративным материалом. Лексикографы института завершили работу над двухтомным «Толковым словарем туркменского языка». Кроме общеупотребительной лексики и фразеологии, в словаре нашла широкое отражение профессиональная и терминологическая лексика современного туркменского языка. По своему типу словарь является нормативным и содержит около 50 тысяч заглавных слов.

В десятой пятилетке коллектив лексикографов будет работать над составлением «Туркменско-русского словаря», в который войдут: общенародная, разговорная, бытовая лексика; наиболее ценная часть диалектной лексики, употребляемой в художественной и научной литературе; профессиональная, терминологическая и этнографическая лексика; фразеология туркменского языка. В словарь будет включена лексика, зафиксированная в изданных ранее двуязычных туркменско-русских словарях. В приложении к словарю будут даны грамматический очерк туркменского языка и список географических названий на туркменском и русском языках.

В десятой пятилетке институт планирует создание словарей профессиональной лексики по различным отраслям экономики (каждый объемом 25—30 п. л.). В однотомном словаре синонимов будут представлены синонимические ряды слов, описаны и охарактеризованы основные семантические и стилистические особенности слов-синонимов. Планируется составление однотомного «Туркменско-русского фразеологического словаря» (около 35 п. л.), материалом для которого послужат фразеологический и общефилологические словари, изданные до настоящего времени, а также данные картотеки сектора. Туркменские фразеологизмы будут переданы на русский язык соответствующими эквивалентами или описательным способом.

Ведутся теоретические исследования и в области лексикологии. Этой проблеме посвящены опубликованные монографии «Современный туркменский язык. Введение. Лексика», «Эвфемизмы в туркменском языке». Готовится к изданию исследование «Устойчивые словосочетания в туркменском языке». Институт разрабатывает и такие актуальные темы, как «Профессиональная лексика туркменского языка», «Теоретические основы туркменской лексикографии» и др.

Большое внимание уделяется изучению фонетического строя и интонационной структуры туркменского языка. В монографиях «Фонетика туркменского языка», «Фонетика современного туркменского литературного языка» описана система вокализма и консонантизма, выявлены основные фонетические закономерности туркменского языка, в традиционном аспекте раскрыта сущность просодики туркменской речи.

Современное развитие техники в целом и электроакустической аппаратуры в частности создало широкие возможности для проведения экспериментальных исследований в области фонетики. В фонетической лаборатории института изучены физико-акустические характеристики гласных и согласных фонем, вопросы ударения и интонации, при этом применялись методы кимографирования, осциллографирования, палатографирования, интонографирования, рентгенографирования и спектрографирования. В изданной недавно книге «Долгие и краткие гласные в туркменском языке (экспериментально-фонетический очерк)» исследованы семантико-дифференциальные признаки туркменских гласных, физиолого-артикуляционные и физико-акустические особенности каждой долгой и краткой гласной фонемы. Положено начало и экспериментальному изучению системы консонантизма туркменского языка, впервые исследована фонологическо-дистрибутивная, артикуляционная, спектральная и временная характеристики фрикативных согласных туркменского языка.

Неотъемлемой частью туркменской фонетики является его интонационная сторона, тесно связанная с различными фонетическими закономерностями. Этой проблеме посвящены экспериментально-фонетические исследования «Интонация простого вопросительного предложения в туркменском языке» и «Интонация простого повествовательного предложения в туркменском языке». Завершено изучение физико-акустических

структур и дифференциальных признаков интонационных особенностей ответных слов и предложений, побудительных слов и предложений, выявлены акустические особенности эмоционально-волевой окрашенности, интонационное своеобразие интонемных и коммуникативных видов ответов, побуждений и синтаксических разновидностей речи. Осуществлены систематическое описание движения тона, интенсивности и продолжительности возможных коммуникаций синтагматических членений, ответов, побуждений и их структурно-грамматическая характеристика.

На 1976—1980 гг. намечается разработка вопросов ассимиляции слогов и слоговых структур, интонации двусинтагменных и однородных членов простых предложений в экспериментально-фонетическом плане, будут изучены акустические характеристики, общие и дифференциальные признаки, закономерности литературно-произносительных норм, явления ассимиляции согласных звуков и т. д.

Важное место в научно-исследовательской деятельности института занимают вопросы грамматики туркменского языка. Помимо учебников для школ и вузов, написан ряд монографий по грамматике. В них дана характеристика отдельных лексико-грамматических разрядов туркменского языка, исследована лингвистическая сущность морфологических категорий, раскрыта сложная взаимосвязь между словоизменением и словообразовательными процессами, разработаны вопросы синтаксиса словосочетаний, простого и сложного предложений. Многие из этих исследований уже увидели свет. Все это подготовило почву для создания научной грамматики туркменского языка: издана «Грамматика туркменского языка, ч. I. Фонетика и морфология» (1970), в печати находится вторая часть этого труда, посвященная описанию синтаксиса словосочетания и простого предложения. Разработана тема «Глагол в современном туркменском языке».

Значительная работа проделана языковедами в области сопоставительно-сравнительного изучения туркменского и других языков. Опубликована «Сравнительная грамматика русского и туркменского языков, ч. I. Фонетика и морфология», вторая часть этого труда — синтаксис — находится в печати. В институте начато сравнительное изучение отдельных категорий глагола в тюркских языках юго-западной группы. Изданы «Избранные труды» А. П. Поцелуевского, опубликована работа «Времена глагола в тюркских языках юго-западной группы». Подготовлены к изданию монографии «Имена действия в тюркских языках юго-западной группы» и «Причастные формы в тюркских языках юго-западной группы». В настоящее время исследования в этой области продолжают-ся. Планируется сравнительное изучение косвенных наклонений — условного, повелительного и наклонения намерения, синтаксических конструкций с неличными формами глагола на материале туркменского, азербайджанского, турецкого и гагаузского языков. Эти исследования могут быть широко использованы при подготовке соответствующих разделов сравнительной грамматики тюркских языков юго-западной группы.

Вопросы нормализации туркменского литературного языка на современном этапе имеют весьма актуальное значение, поэтому в институте был создан сектор культуры речи, уже проделавший определенную работу. Исследован общий процесс нормализации лексики, грамматического строя, орфографии и орфоэпии туркменского литературного языка в советское время. В последние годы опубликованы работы «Некоторые вопросы развития туркменского литературного языка в советскую эпоху», «Орфоэпия туркменского литературного языка и краткий орфоэпический словарь», «Нормализация лексики туркменского литературного языка в советскую эпоху», «Нормализация грамматического строя турк-

менского литературного языка в советскую эпоху», составлен однотомный «Орфоэпический словарь туркменского литературного языка», подготовлены два выпуска сборника «Культура речи», «Очерки по культуре туркменской речи».

Предстоит разработка основ пунктуации туркменского литературного языка, которая до сих пор не была объектом научного исследования. Многие правила, утвержденные в свое время Вторым лингвистическим съездом Туркменистана, требуют в настоящее время уточнения и научного обоснования.

В плане изучения общих закономерностей взаимодействия туркменского языка с другими языками особое внимание уделяется двум разделам общей темы «Вопросы культуры туркменской речи». Раздел «Взаимодействие лексики русского и туркменского языков» включает исследование по выявлению закономерностей контактирования указанных языков на лексико-семантическом и фразеологическом уровнях. Фактическим материалом для исследования послужат факты художественной (оригинальной и переводной) литературы, публицистики, периодики. Изучение сдвигов в лексико-фразеологической системе туркменского языка и пополнения русской лексики в Туркмении за счет туркменских заимствований будет сочетаться с решением ряда проблем, связанных с нормализацией иноязычных элементов во взаимодействующих языках. Исследования по разделу «Персидские и арабские заимствования в современном туркменском языке» строятся на анализе семантического облика заимствованных элементов, будут также охарактеризованы явления, возникающие при заимствовании, а также способы нормализации заимствований в туркменском языке.

Диалектологи института до сих пор изучали наиболее распространенные диалекты и говоры. Опубликованы «Очерки по диалектам туркменского языка». Однако все еще остаются неисследованными диалекты и говоры, носители которых малочисленны. Поэтому внимание ученых будет в дальнейшем сосредоточено на изучении именно этой группы диалектов, так как под воздействием литературного языка и основных диалектов они постепенно нивелируются.

Туркменские диалектологи широко применяют метод лингвогеографии. Результаты работы ученых института, проводимых в этом направлении, найдут свое отражение в «Диалектологическом атласе ТССР», сбор материалов для которого ведется уже несколько лет. Составлены диалектологический атлас западных и северных районов республики, а также краткий диалектологический словарь, охватывающий в основном лексические и семантические диалектизмы. Эта работа в дальнейшем будет продолжена: намечается создание полного многотомного диалектологического словаря.

В центре внимания туркменских языковедов находятся и вопросы истории туркменского языка. Привлекаются при этом материалы устного народного творчества. В книге «Исследование по истории туркменского языка XI—XIV вв.» анализируются материалы арабоязычных источников. Но в основном история туркменского языка разрабатывается на материале письменных памятников, относящихся к XII—XIX вв. В настоящее время изучается морфология в историческом аспекте. Часть этих работ опубликована в изданиях «Исследования по истории туркменского языка, т. I» и «Деепричастные формы в туркменском языке (в историческом аспекте)». В десятой пятилетке наряду с вопросами исторической морфологии будут вестись исследования по истории синтаксического строя туркменского языка, что позволит создать историческую грамматику туркменского языка. Перспективным планом намечено со-

ставление этимологического словаря туркменского языка, который отразит древнейший фонетический облик и первоначальное значение ряда слов тюркского происхождения.

Литературоведы института занимаются исследованием туркменской классической и современной литературы, взаимосвязей туркменской литературы с литературами других народов СССР и т. д.

Серьезным достижением литературоведов следует признать создание шеститомной «Истории туркменской литературы», в подготовке которой принимали участие ученые головных научно-исследовательских учреждений страны. К настоящему времени вышел из печати I том и I книга II тома «Истории туркменской литературы», изданы «Очерки по истории туркменской литературы XVIII—XIX вв.». Литературоведы Туркменистана проделали большую работу в связи с 200-летним юбилеем классика туркменской литературы, поэта-сатирика Мамедвели Кемине. Изданы два сборника научных статей и докладов о Кемине.

Выявлению основных направлений и течений в дореволюционной туркменской литературе посвящены также работы: «Махтумкули как основоположник реалистического направления в дореволюционной туркменской литературе», «Романтические мотивы в средневековой литературе», «Своеобразие отражения действительности в дестанах Магруппи», «Особенности идей и образов в туркменской поэзии XV—XVI вв.» и др.

Расширяется исследование вопросов теории и литературной критики, что нашло отражение в ряде работ, опубликованных за последние годы. К ним относятся: «Возникновение и развитие критической мысли в Туркменистане», «Тайны слова», «Проблемы мастерства в туркменских романах», «Процесс дифференциации художественного содержания» и др. Завершены монографические исследования «Стиль туркменской литературы XVIII—XIX вв.», «Литературные жанры и литературный метод», «Реальность и фантазия в работе писателя», «Человек и его образ в классической поэзии» и др. Настоящий этап туркменского литературоведения характеризуется переходом от локальных вопросов к проблемам широкого плана.

Ученые-литературоведы ведут значительную текстологическую работу. Изданы наиболее достоверные тексты произведений туркменских дореволюционных поэтов, в том числе «Юсуб и Зулейха» Андалиба, «Гюль и Бильбиль» Шабенде, «Сейпельмелек и Медхалджемал» Магруппи, «Сборник произведений» Кемине. Подготовлены критические тексты произведений и других классиков в арабской и современной графике. Тексты снабжены предисловиями, комментариями и словарями. Такие же тексты будут приложены к монографическим исследованиям, включенным в план по теме «Средневековое туркменское литературное наследие».

Туркменские фольклористы завершили составление научного текста героического эпоса «Героглы», где использованы все варианты, записанные в разные годы от сказителей. Это издание позволит глубже изучить теоретические проблемы туркменского национального эпоса. Планируется создание монографических исследований по отдельным жанрам и видам туркменского фольклора, более детальная разработка жанровых особенностей и генезиса эпоса «Героглы», изучение жанра сказки, исследование характерных особенностей туркменской народной обрядовой поэзии. Туркменские ученые продолжают сбор фольклорного материала не только в Туркмении, но и среди туркменского населения Узбекской ССР, Каракалпакской АССР, Ставропольского края РСФСР. В перспективе институт планирует составление сводов туркменского фольклора в десяти томах.

Литературоведы института уделяют большое внимание проблемам становления и развития туркменской советской литературы. Этому посвящены работы «Народные шахиры и их творческое своеобразие», «Отражение революционного подъема и революции в туркменской советской прозе», «Пути развития туркменской лирической поэзии» и др. Созданы монографии о жизни и творчестве народных писателей Туркменистана А. Кекилова, Х. Дерьяева, К. Курбаннеспесова, Ч. Аширова, Б. Сейтакова, К. Сейтлиева и других, о писателях, поэтах и драматургах Я. Насырли, Д. Агамамедове, Р. Алиеве. В десятой пятилетке туркменские литературоведы будут разрабатывать такие вопросы, как основные этапы развития туркменской прозы, современный туркменский роман, образ нашего современника в художественной литературе, туркменская повесть и драма и др.

Одной из важных проблем является изучение межнациональных связей туркменской литературы, особенно советского периода. Эта область литературоведения представлена такими трудами туркменских ученых, как «Из истории взаимосвязей туркменской литературы и литератур народов Советского Востока», «Из истории русско-туркменских литературных отношений», «Актуальные вопросы развития современной туркменской прозы в оценке русских критиков», «Украинско-туркменские литературные связи», «Русско-туркменские литературные связи на современном этапе», «Взаимодействие туркменской литературы и литератур соседних республик Средней Азии», «Из истории туркменско-персидских литературных связей» и др. С учетом актуальности исследований в этом направлении в институте недавно открыт сектор взаимосвязей литератур народов СССР, сотрудники которого приступили к составлению аннотированной библиографии по межнациональным связям туркменской литературы.

З. КЛЕЙНМИХЕЛЬ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЮРКОЛОГИИ В ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Тюркология, как самостоятельная область востоковедения, развивается в Германской Демократической Республике в последнее десятилетие. В своей научной деятельности тюркологи ГДР стремятся творчески использовать и развить лучшие традиции немецкой ориенталистики и достижения мировой тюркологии.

В сферу тюркологических исследований, проводившихся в Германии до 1945 г., входили: история турецкого языка и современный турецкий язык (К. Фой, Г. Бергштрессер, Ф. Гизе, К. Брокельман, Х.-Е. Кисслинг и др.), а также турецкий фольклор, литература и история Турции (Г. Якоб, П. Хорн, О. Хахтман, М. Хартман, Е.-Х. Мордтман, Ф. Тешнер, Р. Хартман, Ф. Бабингер, О. Шпис и др.). Определенное внимание уделялось также изучению турфанских текстов (Ф. В. К. Мюллер, А. фон Лекок, В. Банг, А. фон Габен). Эта так называемая Берлинская школа тюркологов широко использовала в своих исследованиях сравнительно-исторический метод.

После образования Германской Демократической Республики тюркология, как и другие области знания, получила новые возможности для развития. Ученые в разрешении проблем, выдвинутых современным языкознанием, литературоведением и историей, стали опираться на марксистско-ленинское учение.

Вторая мировая война нанесла весьма значительный ущерб развитию тюркологии на территории нашей страны. Ученым ГДР пришлось приложить немало усилий, энергии, энтузиазма, чтобы возобновить прерванную работу, поднять ее на уровень новых задач.

По инициативе бывшего вице-президента Академии наук ГДР В. Штейница в 1963 г. был приглашен из Будапешта в Университет им. Гумбольдта в Берлине известный венгерский тюрколог Г. Хазаи. Под его руководством был подготовлен первый выпуск специалистов-тюркологов. Выпускники П. Циме и И. Варнке (Мейер) вместе с Г. Хазаи приступили к изучению турфанских текстов, работа над которыми была прервана более чем на двадцать лет. В настоящее время эти исследования сосредоточены в отделении Древнего Востока Центрального института древней истории и археологии Академии наук ГДР, где хранятся свыше 30.000 памятников из Турфана, написанных на языках народов Центральной Азии различными почерками. Начиная с 1971 г., турфанские тексты из этого собрания публикуются в серии «Berliner Turfan-texte», заменившей серию «Türkische Turfantexte», «Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften». «Berliner Turfantexte» издается как са-

мостоятельная серия в публикации «Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients».

Работа над тюркскими текстами из Турфана началась с исследования манихейских фрагментов, выполненных манихейским и уйгурским почерками. В изучении фрагментов уйгурской литературы буддийского направления, составляющей большую часть тюркских памятников, вместе с немецкими учеными приняли участие тюркологи из других стран (Шинаси Текин, К. Рерборн, Семих Тезджан). Плодотворным было сотрудничество наших исследователей с членом Алтайской исследовательской группы Академии наук Венгерской Народной Республики Г. Кара. Уже давно осуществляется, согласно договоренности, совместная работа сотрудников Центрального института древней истории и археологии Академии наук ГДР и Ленинградского отделения Института востоковедения Академии наук СССР по исследованию «Сутры золотого блеска».

Немецкий ученый П. Циме и японский лингвист Н. Ямада посвятили себя изучению сравнительно небольшой группы турфанских текстов, состоящей из различных по содержанию документов: торговых договоров, долговых обязательств, реестровых записей.

Другим направлением в современной тюркологии в ГДР является исследование истории турецкого языка, которым также руководит Г. Хазаи. В этой области успешно трудятся Х. Штейн, защитивший в Университете им. К. Маркса в Лейпциге кандидатскую диссертацию об «*Institutinum linguae turcicae*» Мегизера, П. Циме, подвергнувший анализу словарь Менинского, З. Клейнмихель, написавшая кандидатскую диссертацию о «Марзубан-наме», сам Г. Хазаи, опубликовавший целый ряд статей, посвященных турецким транскрипционным текстам (их фонетике, фонологии и морфологии), диалектам турецкого языка, их истории, а также периодизации истории турецкого языка.

Кроме вышеназванных двух основных направлений развития тюркологии, ученые ГДР уделяют внимание и другим тюркологическим проблемам. В Университете им. К. Маркса в Лейпциге Э. Таубе занимается изучением тувинского фольклора в Монголии. Сотрудник Этнографического музея в Лейпциге В. Кениг исследует этногенез тюркоязычных народностей Средней Азии. Д. Шульц в Берлинском университете им. А. Гумбольдта работает в области узбекского языка. П. Фице написал исследование об алтайских суффиксах множественного и двойственного числа. М. Лоренц изучает влияние тюркских языков на иранские языки. В Центральном институте истории литературы Академии наук ГДР исследуются современная турецкая литература и литература тюркоязычных народов СССР.

К тюркологическим исследованиям непосредственно примыкают работы в области экономики и истории Турции, подготовленные научными сотрудниками университетов им. К. Маркса в Лейпциге и им. М. Лютера в Халле. Э. Вернер в Лейпциге занимается историей турецкого феодализма. Проблемам национализма и пантюркизма в Турции, кемализму, проникновению германского империализма в Турцию, отношениям этой страны с ФРГ посвящены исследования Е. Гласнека (Халл), Л. Ратмана и В. Бернера (Лейпциг). Экономист Г. Бартель в своих статьях анализирует развитие турецкой промышленности и индустриализации страны.

Значительным событием для тюркологов ГДР явилось проведение в 1969 г. в Берлине Академией наук Германской Демократической Республики Международной алтаистической конференции, первой столь представительной встречи тюркологов и монголоведов, организованной в социалистической стране.

В настоящее время подготовка тюркологов в нашей стране сосредоточена в Университете им. А. Гумбольдта в Берлине и ведется под руководством Г. Хазан. Практическими занятиями по турецкому языку руководит С. Петрова из Болгарии.

Тюркологи ГДР считают своей главной задачей развивать начатые исследования, готовить специалистов таких малоизученных нашей тюркологической наукой областей, как современный турецкий язык, турецкая литература, язык и литература тюркоязычных народов СССР и др.

Прилагаемая ниже библиография дает представление о работах ученых ГДР, созданных в период 1963—1974 гг. Указаны также работы ученых других стран, опубликованные в ГДР.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Andrejew, Lubomir*. Die wirtschaftliche Entwicklung der Türkei. — «Wirtschaftswissenschaft», 9, 1961, стр. 1383—1398.

2. *Barthel, Günter*. Zur Industrialisierung der Türkei — Bilanz und Perspektive. Dissertation, Wirtschaftswissenschaftliche Fakultät der Karl-Marx-Universität. Leipzig, 1966, 325 стр.

3. *Его же*. Die Wirtschaftspolitik der türkischen Bourgeoisie seit dem Tode Atatürks, insbesondere unter der Regierung Menderes. — WZUL, 3, 1966, стр. 445—452.

4. *Его же*. Der türkische Fünfjahrplan. — «Deutsche Außenpolitik», 5, 1967, стр. 578—594.

5. *Его же*. Das Auslandskapital in der Türkei. — «Wirtschaftswissenschaft», 8, 1967, стр. 1337—1353.

6. *Его же*. Zur wirtschaftlichen Zusammenarbeit zwischen Türkei, Iran und Pakistan. — «Deutsche Außenpolitik», 1, 1968, стр. 95—105.

7. *Его же*. Die Assoziierung der Türkei mit der EWG. — «Sozialistische Außenwirtschaft», 5, 1968, стр. 27—35.

8. *Его же*. Kooperasi: Turecko, Iran, Pakistan. — «Mezinárodní Politika», 8, 1968, стр. 31—32.

9. *Его же*. Kemal Atatürk und die türkische Industrialisierungspolitik. — ZfG, 10, 1968, стр. 1291—1301.

10. *Его же*. Der industrielle Aufbau in der Türkei zwischen 1923 und 1966. — «Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte», Teil III, 1968, стр. 151—214.

11. *Его же*. Die türkischen Industrialisierungsbestrebungen der Gegenwart. — «Nordafrika und Nahost im Kampf für nationale und soziale Befreiung», Berlin, 1968, стр. 258—319.

12. *Его же*. Die Außenwirtschaftsbeziehungen zwischen der Türkei und den europäischen RGW-Ländern. — «Sozialistische Außenwirtschaft», 4, 1969, стр. 10—14.

13. *Bittmann, Otto*. Die Türkei am Scheidewege. — «Deutsche Außenpolitik», 10, 1960, стр. 1156—1162.

14. *Его же*. Die Türkei unter der Regierung İnönü. — «Deutsche Außenpolitik», 12, 1963, стр. 1011—1017.

15. *Börner, Wolfgang*. Zur kulturpolitischen Infiltration der Türkei durch den deutschen Imperialismus. Ein Beitrag zur Untersuchung des westdeutschen Neokolonialismus. Dissertation, Philosophische Fakultät der Karl-Marx-Universität. Leipzig, 1965, 552 стр.

16. *Einhorn, Cläre*. Ein Wirtschaftsvergleich Bulgariens mit Griechenland und der Türkei. — «Deutsche Außenpolitik», 6, 1962, стр. 666—671.

17. *Georgiu, Thanassis*. Neue Tendenzen der türkischen Außenpolitik. — «Deutsche Außenpolitik», 5, 1965, стр. 554—560.

18. *Georgiu, Vasos*. Die Türkei im Schlepptau der Westmächte. — «Deutsche Außenpolitik», 2, 1957, стр. 152—160.

19. *Glasneck, Johannes*. Die imperialistischen Großmächte und die Türkei am Vorabend und während des zweiten Weltkrieges. Dissertation, Philosophische Fakultät der Martin-Luther-Universität. Halle/S. 1964, 484 стр.

20. *Его же*. Methoden der deutsch-faschistischen Propagandatätigkeit in der Türkei vor und während des zweiten Weltkrieges. Wissenschaftliche Beiträge der Martin-Luther-Universität, 12, 1966 (C 2), Halle/S. 1966, 46 стр.

21. *Его же*. Die deutsche Türkei-Politik und der Überfall auf die UdSSR. — ZfG, 2, 1967, стр. 253—259.

22. *Его же и Kircheisen, Inge*. Türkei und Afghanistan — Brennpunkte der Orientpolitik im zweiten Weltkrieg. Berlin, 1968, 306 стр.

23. *Его же*. Kemal Atatürk und die nationale Befreiungsbewegung des türkischen Volkes. — WZUH, 4, 1969, стр. 133—142.

24. *Его же*. Kemal Atatürk und die moderne Türkei. Berlin, 1971, 333 стр.

25. *Его же*. Kemal Atatürks Stellung in der nationalen Befreiungsbewegung. Bemerkungen zur Atatürkliteratur. — WZUH, 2, 1971, стр. 15—27.

26. *Его же*. Kemal Atatürk in der Historiographie. — ZfG, 9, 1971, стр. 1154—1166.

27. *Hazai, Georg*. Tarih Boyunca Macar-Türk bağları. Budapest, 1963, 31+5 стр. 8°.

28. *Его же*. Armin Vámbéry 1832—1913. A Biobibliography (Micropublications of the Library of the Hungarian Academy of Sciences — A Magyar Tudományos Akadémia Könyvtárának Mikrokiadványai, 3). Budapest, 1963, 1 microfiche, 30 стр.

29. *Его же*. Kam njakoi voprosi na osmansko-turskite zaemki v južno-slavjanskite ezici. — SSJaw, 9, 1963, стр. 387—391.

30. *Его же*. Aktualne zagadnienia dokumentacji i bibliografii w dziedzinie altaistyki. — «Przegląd Orientalistyczny», 47, 1963, стр. 181—189.

31. *Его же*. К периодизации истории турецкого языка. — «Труды 25-го Международного конгресса востоковедов: Москва 9—16 августа 1960», т. III. Москва, 1963, стр. 358—359.

32. *Его же*. Kiss Lajos «A suffixum nélküli deverbális főnevek az orosz nyelvben» c. kandidátusi értekezésének vitája. — MTANYIOK, 20, 1963, стр. 366—370.

33. *Его же*. Názim Hikmet, Nehéz a távollét. A válogatás Hazai György és Arpád Imre munkája. Az utószót Hazai György írta. Fordította Tornai József. A rajzokat Kass János készítette. A versek nyersfordítását török eredetiből Hazai György készítette. Budapest, 1963, 142 стр. 16°.

34. *Его же*. Megemlékezés Vámbéry Arminről. — NyK, 65, 1963, стр. 196—198.

35. *Его же*. Büyük türkolog Armin Vambéry (1832—1913). — «Kitap Belleten. Yeni Seri», 2 (26), 1963, стр. 3—4.

36. *Его же*. Gábor Bálint (1844—1913). — TD 143, 1963, стр. 780—781.

37. *Его же*. Yasar Kemal, A Sovány Mehmed. Fordította Koryürek (Komoly) Péter A fordítást a török eredetivel egybevetette és az előszót írta Hazai György. Budapest, 1963, 505 стр. 8°.

38. *Его же*. [Перевод] Haldun Taner, Holdfényben a Csaliskur. Fordította Hazai György. Budapest, 1963, 145 стр. 16°.

39. *Его же*. Vihar egy török regény körül. — «Nagyvilág», 8, 1963, стр. 317—318.

40. *Ego же.* A kun Miatyánk. — «Elet és Tudomány», 18, 1963, стр. 459—460.
41. *Ego же.* [Рец.]. Akademisyen Lajos Ligeti'nin 60' i'nci' dogum yildönümüne armağan. — TD 143, 1963, стр. 781—782.
42. *Ego же.* [Рец.]. Rechnungsbücher türkischer Finanzstellen in Buda (Ofen) 1550—1580. Türkischer Text. Herausgegeben von L. Fekete und Gy. Káldy-Nagy. Budapest, 1962. — Budai török számadáskönyvek. Köz-zétette Fekete Lajos és Káldy-Nagy Gyula. Budapest, 1962. — NyK 65, 1963, стр. 486—487.
43. *Ego же.* [Рец.]. H. and G. Kahane, A. Tietze. The Lingua Franca in the Levant. Turkish Nautical Terms of Italian and Greek Origin. Urbana, 1958. — RO 26:2, 1963, стр. 163—165.
44. *Ego же.* Regény a török Rózsa Sándorról. Yasar Kemál: Ince Memed (Sovány Mehmet). — «Nagyvilág», 8, 1963, стр. 1104—1105.
45. *Ego же.* Harsányi-Nagy Jakab török szövegei. A XVII. századi oszmán-török nyelv problémái. Értekezés a tudományok doktora fokozat elnyeréséért. Budapest, 1964, 628 стр. 8°. Magyar Tudományos Akadémia Könyvtára. Kézirattár Diss, 2993.
46. *Ego же.* Tarih boyunca Macar-Türk bağları. Budapest, 1963 [1964], 39+6 стр. 16°.
47. *Ego же.* Contribution à l'histoire des dialectes osmanlis-turcs. — «Studia Orientalia Fennica», 28:4, Helsinki, 1964, 9 стр. 8°. ✓
48. *Ego же.* Mes enquêtes sur les parlers turcs des Balkans. — «Communications et rapports du Premier Congrès International de Dialectologie Générale (Louvain du 21 au 25 août, Bruxelles les 26, et 27 août 1960) organisé par Sever Pop. publiés par A. J. Van Windekens, Deuxième partie», Louvain, 1964, стр. 85—90.
49. *Ego же.* Remarques supplémentaires sur un changement phonétique dans le moyen-osmanli. — АОН, 17, 1964, стр. 139—144. ✓
50. *Ego же.* О некоторых актуальных вопросах исследования балканотурецких диалектов. — «Балканско Езикознание», 9:1, 1964, стр. 54—69. ✓
51. *Ego же.* Rumeli ağzları tarihinin iki kaynağı üzerine. — TDAYB, 1963 [1964], стр. 117—120+8 Taf. (=120 a—120 g).
52. *Ego же.* Türk dilinde tarihsel gelişme dönemleri. — «X. Türk Dil Kurultayında okunan bilimsel bildiriler», 1963. Ankara, 1964, стр. 57—60.
53. *Ego же.* Dokumentation und Bibliographie in der Altaistik. — UAJb 35, 1964, стр. 403—416.
54. *Ego же.* Az altajisztikai dokumentációs és bibliográfiai munka néhány aktuális problémájáról. — FK 10, 1964, стр. 192—199.
55. *Ego же и Dénes, J.* A matematika nyelvészeti vonatkozásainak bibliográfiájához, I. — MTANYIÖK 21, 1964, стр. 329—359.
56. *Ego же и Braun, H., Menges, K. H., Pritsak, O.* Bücher und Zeitschriftenschau. — UAJb 35, 1964, стр. 425—439.
57. *Ego же.* Ignacz Kunoş ve Nasreddin Hoca. — «Türk Folklor Araştırmaları», 180, 1964, стр. 3444—3445.
58. *Ego же.* Názim Hikmet, Romantika. Fordította Brodszky Erzsébet. A szöveget a török nyelvű eredetivel egybevetette és a jegytekert írta Hazai György, Budapest, 1964, 204 стр. 16°.
59. *Ego же.* Milyen volt a kunok nyelve. — «Itt a Rádiólexikon! Válogatta és szerkesztette az 1959—1962 évi rádióadások anyagából Simonffy Géza», Budapest, 1964, стр. 156—158.
60. *Ego же.* Gül Baba. — «Itt a Rádiólexikon! Válogatta és szerkesztette az 1959—1962 évi rádióadások anyagából Simonffy Géza», Budapest, 1964, стр. 156—158.

61. *Ezo же*. Naszreddin Hodzsa. — «Itt a Rádiólexikon! Válogatta és szerkesztette az 1959—1962 évi rádióadások anyagából Simonffy Géza», Budapest, 1964, стр. 76—77.

62. *Ezo же*. A héttorony börtöne. — «Itt a Rádiólexikon! Válogatta és szerkesztette az 1959—1962 évi rádióadások anyagából Simonffy Géza», Budapest, 1964, стр. 23—24.

63. *Ezo же*. [Рец.]. St. Stachowski. Przyrostki obcego pochodzenia w języku serbochorwackim, Krakow, 1961. — SSlaw 10, 1964, стр. 472—473.

64. *Ezo же*. [Рец.]. A. Knežević. Die Turzismen in der Sprache der Kroaten und Serben. Meisenheim am Glan 1962. — SSlaw 10, 1964, стр. 212—215.

65. *Ezo же*. [Рец.]. H. and R. Kahane, A. Tietze. The Lingua Franca in the Levant. Turkish Nautical Terms of Italian and Greek Origin. Urbana, 1958. — NyK 66, 1964, стр. 228—230.

66. *Ezo же*. Harsányi-Nagy Jakab török szövegei, A XVII. századi oszmán-török nyelv problémái. Doktori értekezés tézisei, Budapest, 1965, 31 стр. 16°

67. *Ezo же*. Urkunde des Friedensvertrages zwischen König Matthias Corvinus und dem türkischen Sultan 1488. — «Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung, Wolfgang Steinitz zum 60. Geburtstag am 28. Februar 1965 dargebracht», Berlin, 1965, стр. 141—145 + 2 Taf

68. *Ezo же*. Un texte en transcription latine du XVIIe siècle. — AAS 1, 1965, стр. 104—111.

69. *Ezo же*. Beiträge zu einigen Problemen der Lehnwörterforschung in den osmanisch-türkischen Mundarten des Balkans. — AOH 18, 1965, стр. 183—190.

✓ 70. *Ezo же*. Zur Geschichte der osmanisch-türkischen Mundarten. — «Second International Congress of Dialectologists». Marburg/L 5—10.9. 1965, Papers to be Read, 7.

71. *Ezo же*. Prilog istorijatu morfeme — LUK. — «Zbornik za filologiju i lingvistiku», 7, 1965, стр. 59—62.

72. «About a Term in Old-Anatolian and Rumelian Turkish». — «Indo-Asian Studies», Part 2:1—2, New Delhi, 1965, стр. 1—2.

73. *Ezo же и Galla*, E. Nemzetközi Orientalista Kongresszus Indiában (New Delhi, 1964, január 4—10). — FK 11, 1965, стр. 231—233.

74. *Ezo же*. Török népek. — «A föld országai (=A kultura világa 10), Budapest, 1965, стр. 742—764.

75. *Ezo же*. Aziz Nesin, Fordítások és ferditések. Válogatta Árpád Attila és Hazai György. Fordította Fehér Gézáné, Gericcs Tamás, Hazai György, Pintér Ferenc, Szende Tamás, Budapest, 1965, 182 стр. 16°.

76. *Ezo же*. Irodalmi boszorkányszer Törökországban. — «Nagyvilág», 10, 1965, стр. 957—958.

77. *Ezo же*. Nazim Hikmet [Zusammengestellt von G. Hazai]. — «Beispiele», Berlin, 1965, стр. 25—35.

78. *Ezo же*. [Рец.]. J. Németh. Die Türken von Vidin. Sprache, Folklore, Religion, Budapest, 1965. — MTANyIOK 23, 1965, стр. 335—336.

79. *Ezo же*. [Рец.]. K. Steuerwald. Untersuchungen zur türkischen Sprache der Gegenwart. Teil I. Die türkische Sprachpolitik seit 1928. Berlin, 1963. — OLZ 60, 1965, стр. 176—179.

✓ 80. *Ezo же*. Methodologische Fragen in der Periodisierung der türkischen Sprachgeschichte. — «Omagiu lui Alexandru Rosetti la 70 de ani». București, 1966, стр. 349—451.

81. *Ezo же*. Ein kyrillischer Transkriptionstext des Türkischen. — SSlaw 12, 1966, стр. 173—179.

82. Хазаи Г. Турецкий транскрипционный текст, написанный кириллицей. — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова». Москва, 1966, стр. 128—134.

83. *Его же*. Probleme und Aufgaben der Balkan-Turkologie (Sprachwissenschaft). — «1er Congrès International des Etudes Balkaniques et Sud-Est-Européennes», Sofia, 26 Août — 1 Septembre 1966, Résumés des communications, Linguistique, 1966, стр. 92—100.

84. Die V. Tagung der Fragen der Dialektologie der türkischen Sprachen (Пятое совещание по вопросам диалектологии тюркских языков, 5—8 октября 1959 г., Баку). — Orbis 15, 1966, стр. 288—291.

85. *Его же*. Mikes Kelemen, Törökországi levelek és misszilis levelek. Sajtó alá rendezte Hopp Lajos. A török vonatkozások c. részt és a tárgyi jegyzeteketben a török szó- és névanyag magyarázatait készítette Hazai György, Budapest, 1966, 863 стр. 8°.

86. *Его же* и А. Bombaci. Die sprachwissenschaftlichen Probleme der Balkan-Turkologie auf dem Balkanologen-Kongreß. — Orbis 16, 1967, стр. 269—272.

87. *Его же*. Dil çalışmaları'nin makineleştirilmesi. — TDAYB 1966, [1967], стр. 259—265.

88. *Его же*. Kiril harfleriyle yazılı bir Türkçe metin üstüne. — TDAYB 1966 [1967], стр. 143—155.

89. *Его же*. Tarih-i Ungurus Macar Bilimler Akademisi Doğu Kütüphanesinde bulunan Tercüman Mahmud'un eseri üzerine notlar. — VI. Türk Tarih Kongresi, Ankara 20—26 Ekim 1961, Kongreye sunulan bildiriler, Ankara, 1967, стр. 355—358.

90. *Его же*. Türkische Volksmärchen. Herausgegeben von P. N. Boratav. Übersetzung von D. Schultz und Gy. Hazai. Berlin, 1967, 360 стр. 8°.

91. *Его же*. Zur Geschichte der osmanisch-türkischen Mundarten. — «Verhandlungen des Zweiten Internationalen Dialektologenkongresses», Marburg/Lahn 5.—10. September 1965, Herausgegeben von Ludwig Erich Schmitt, I (=Zeitschrift für Mundartforschung, Beihefte. Neue Folge. Heft 3), Wiesbaden, 1967, стр. 342—345.

92. *Его же*. [Рец.]. K. Steuerwald. Untersuchungen zur türkischen Sprache der Gegenwart. Teil II. Zur Orthographie und Lautung des Türkischen. Berlin, 1964. — OLZ 62, 1967, стр. 61—62.

93. *Его же*. [Рец.]. Philologiae Turcicae Fundamenta [Tomus II]. Wiesbaden, 1964—1965. — «Göttingische Gelehrte Anzeigen» 219: 1—2, 1967, стр. 120—128.

94. *Его же*. [Рец.]. O. Böthlingk. Die Sprache der Jakuten, Bloomington — The Hague 1964. — J. K. Krueger. The Turkic Peoples. Bloomington — The Hague 1964. — OLZ 62, 1967, стр. 390—391.

95. *Его же*. [Рец.]. Ein neuer Beitrag zum Balkan-Türkischen. — UAJb 39, 1967, стр. 119—121.

96. *Его же*. [Рец.]. N. Poppe. Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965. — AAS 3, 1967, стр. 198—201.

97. *Его же* и P. Zieme. Ein uigurisches Blockdruckfragment einer Einleitung zum Vajracchedikāsutra. — AOH 21, 1968, стр. 1—14.

98. *Его же*. Anadolu ve Rumeli Türkçesinin bir yadigâri üstünde. — «XI. Türk Dil Kurultayında okunan bilimsel bildiriler, Jakab Nagy de Harsányi'nin dil kılavuzu (1672)», Ankara, 1966 [1968], стр. 13—16.

99. *Его же*. Probleme und Aufgaben der Balkan-Turkologie (Sprachwissenschaft). — «Actes du Premier Congrès International des Etudes Balkaniques et Sud-Est-Européennes. VI, Linguistique», Sofia, 1968, стр. 95—100.

100. *Ego же.* Neuere Literatur über Volksepen der altaischen Völker in der Sowjetunion. — «Volksepen der uralischen und altaischen Völker, Vorträge des Hamburger Symposions vom 16.—17. Dezember 1965, im Auftrage der Societas Uralo-Altaica herausgegeben von Wolfgang Veenker», Wiesbaden, 1968, стр. 66—74.

101. *Ego же.* Intensivierung der Turfan-Forschung. — MIO 14, 1968, стр. 127—128.

102. *Ego же.* Permanent International Altaistic Conference. — MIO 14, 1968, стр. 507—508.

103. *Ego же.* A huszadik század külföldi irói. Szerkesztette Köpeczi Béla, Pók Lajos, Budapest, 1968. Stichwörter: Beyatlı, стр. 57; Dağlarca, стр. 102; Güntekin, стр. 165; Nazım Hikmet, стр. 295; Nesin, стр. 298; Orhan Veli, стр. 310; Ömer Seyfettin, стр. 314; Sabahattin Ali, стр. 365—366; Sait Faik, стр. 369; Taner, стр. 408—409; Yaşar Kemal, стр. 455.

104. *Ego же.* [Рец.]. Philologiae Turcicae Fundamenta [Tomus II]. Wiesbaden 1964—1965. — AAS 4, 1968, стр. 176—180.

105. *Ego же.* [Рец.]. K. Steuerwald. Untersuchungen zur türkischen Sprache der Gegenwart. Teil III. Zur Ablösung des arabischen und persischen Grammatikgutes. Berlin 1966. — OLZ 64, 1969, стр. 376—377.

106. *Ego же.* [Рец.]. °Uşâqîzâde's Lebensbeschreibungen berühmter Gelehrter und Gottesmänner des osmanischen Reiches im 17. Jahrhundert (Zeyl-i Şaâ'îq), hrsg. u. eingeleitet von H. J. Kissling. Wiesbaden, 1965. — OLZ 64, 1969, стр. 587—588.

107. *Ego же.* [Рец.]. Türkische Gewänder und osmanische Gesellschaft im achtzehnten Jahrhundert. Facsimile-Ausgabe des Codex «Les portraits des differens habillemens qui sont en usage à Constantinople et dans tout la Turquie» aus dem Besitz des Deutschen Archäologischen Institutes in Istanbul. Vorwort von Rudolf Naumann. Hrsg. und eingef. von Klaus Tüchelt. Graz 1966. — DLZ 90, 1969, стр. 171—173.

108. *Ego же.* Ein buddhistisches Gedicht aus der Berliner Turfan-Sammlung. — AOH 23, 1970, стр. 1—21.

109. *Ego же.* On Some Questions of the Turkish Historical Grammar. — «Proceedings, VIIIth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences», 1968, Tokyo and Kyoto, Volume II, Ethnology, Science Council of Japan [Tokyo, 1970], стр. 418—419.

110. *Ego же.* Onbeşinci yüzyıl sonlarında Macar-Türk diplomatik münasebetleri üstüne. — «VII. Türk Tarih Kongresi, 25—29 Eylül 1970 — Ankara, Bildiri özetleri», Ankara, 1970, стр. 47—48.

111. *Ego же и P. Zieme.* Zu einigen Fragen der Bearbeitung türkischer Sprachdenkmäler. — «Acta Orientalia 32», 1970, стр. 125—140.

112. *Ego же.* Világirodalmi Lexikon. Első kötet. Budapest, 1970. Stichwörter: Ahmedî, стр. 102—103; Ahmet Vefik Paşa, стр. 104; Aka Gündüz, стр. 124; Akif Paşa, стр. 128; Ak Köbök, стр. 124; Alpamis, стр. 234; Altaji irodalom, стр. 236; Anday, стр. 291; Auezov, стр. 558; Azerbajdzán irodalom, стр. 596—597; Bâbur, стр. 613—614; Balkár irodalom, стр. 651; Baskir irodalom, стр. 736—737; Baykurt, стр. 759; Boratav, стр. 1037.

113. *Ego же.* [Рец.]. The Memoirs of General Makriyannis 1797—1864. Ed. and transl. by H. A. Lideerdale. London—New York—Toronto, 1966. — OLZ 65, 1970, стр. 62—63.

114. *Ego же.* [Рец.]. Das chwaresmische Sprachmaterial einer Handschrift der Muqaddimat al-Adab von Zamaxşari. 1. Text., Wiesbaden, 1968. — MIO 16, 1970, стр. 491—492.

115. *Ego же.* [Рец.]. Türkische Handschriften. Teil 1. Beschrieben von Barbara Flemming. Wiesbaden, 1968. — Türkische Handschriften. Teil 2. Beschrieben von Manfred Götz. Wiesbaden, 1968. — MIO 16, 1970, стр. 325—327.

116. *Его же* и P. Zieme. Fragmente der uigurischen Version des «Jin'gangjing mit den Gāthās des Meisters Fu» nebst einem Anhang von T. Inokuchi. Berlin, 1971, 86 стр. + XL Taf. 8°.

117. *Его же*. Turkish. — Current Trends in Linguistics 6. — «Linguistics in South West Asia and North Africa». The Hague, 1971, стр. 183—216.

118. *Его же*. Linguistics und Language Issues in Turkey. — «Current Trends in Linguistics» 6, «Linguistics in South West Asia and North Africa», The Hague, 1971, стр. 746—758.

119. *Его же*. Anadolu ve Rumeli Türk ağzlarının tasnifi üstüne. — «Вопросы тюркологии. К шестидесятилетию академика АН Азербайджанской ССР М. Ш. Ширалиева». Баку, 1971, стр. 84—86.

120. *Его же*. On Some Questions of the Turkish Historical Grammar. — Proceedings of the Twenty-Seventh International Congress of Orientalists, Ann Arbor, Michigan, 13th—19th August 1967, Edited by Denis Sinor with the Assistance of Tania Jaques, Ralph Larson, Mary-Elizabeth Meek. Wiesbaden, 1971, стр. 596—597.

121. *Его же*. Zur Frage der historischen Entwicklung der Personalendungen im Osmanisch-Türkischen. — «Studia Turcica». Budapest, 1971, стр. 231—234.

122. *Его же*. Aktuelle wissenschaftsorganisatorische Probleme der Permanent International Altaistic Conference. — PIAC Newsletter, № 6, 1971, стр. 6—9.

123. *Его же*. [Рец.]. J. Matuz. L'ouvrage de Seyfi Çelebi, historien ottoman du XVIe siècle. Paris, 1968. — MIO 17, 1971, стр. 155—157.

124. *Его же*. [Рец.]. Zwei neue Organe der Turkologie. — MIO 17, 1971, стр. 145—147.

125. *Его же*. [Рец.]. J. Németh. Die türkische Sprache in Ungarn im siebzehnten Jahrhundert. Budapest, 1970. — DLZ 92, 1971, стр. 902—903.

126. *Его же*. Sprachwissenschaftliche Ergebnisse der deutschen Turfanforschung. Text-Editionen und Interpretationen von Albert August von Le Coq, Friedrich Wilhelm Karl Müller, Willi Bang, Annemarie von Gabain, Gābdul Rašid Rachmati, Wilhelm Thomsen. Gesammelte Berliner Akademieschriften 1908—1938. Mit Vorwort von Georg Hazai. 1—2. Leipzig, 1972, 623 стр., 24 Taf.; 411 стр., 15 Taf.

127. *Его же*. Sur un passage de l'inscription de Tonyuquq. — «Turcica» 2, 1972, стр. 25—31.

128. *Его же*. Berlin'de Turfan yazmaları üzerinde çalışmalar. — TDAYB, 1971 [1972], стр. 47—59.

129. *Его же*. Eine neue Veröffentlichungsreihe für die Berliner Turfantexte. — PIAC Newsletter № 7, 1972, стр. 6—8.

130. *Его же*. Jakab Nagy de Harsányi'n Latin harfleriyle yazılmış Türkçe metinleri. — TDAYB, 1971 [1972], стр. 47—59.

131. *Его же*. A labiális illeszkedés az oszmán-török nyelvben a XVII. században. Harsányi-Nagy Jakab latinbetűs török szövegei. — NyK 74, 1972, стр. 417—426.

132. *Его же*. Világirodalmi Lexikon, Második kötet, Budapest, 1972, Stichwörter: Codex Cumanicus, стр. 280; Csagatáj irodalom, стр. 401—403.

133. *Его же*. [Рец.]. A. Bodrogligeti. A Fourteenth Century Turkic Translation of Sa'di's Gulistān. Budapest, 1969. — NyK 74, 1972, стр. 267—275.

134. *Его же*. [Рец.]. V. Diószegi. Popular Beliefs and Folklore Tradition in Siberia. Budapest — Bloomington — The Hague 1968. — OLZ 67, 1972, стр. 376—377.

135. *Его же*. [Рец.]. J. Th. Zenker. Türkisch-arabisch-persisches Handwörterbuch. 1—2. Hildesheim, 1967. — OLZ 67, 1972, стр. 377—378.

136. *Ezo же* и I. Meyer. Zur historischen Morphonologie des Osmanisch-Türkischen. — «Archivum Ottomanicum», 1, (1969) [1973], стр. 92—104.
137. *Ezo же*. Das Osmanisch-Türkische im XVII Jahrhundert. Untersuchungen an den Transkriptionstexten von Jakab Nagy de Harsány. Budapest, 1973, 498 стр. 8°.
138. *Ezo же*. [Рец.]. International Journal of Middle East Studies 1 (1970). — OLZ 68, 1973, стр. 109.
139. *Ezo же*. Nég egyyszer a magyar turkológiáról. — Valóság 16, 1973, стр. 100—102.
140. «A módszertani haladásról a nyelvtudományban». — «Magyar Tudomány», 18, 1973, стр. 746—749.
141. *Ezo же*. Die Turfantexte und ihre Erforschung. — «Das Altertum», 20, 1974, стр. 230—236.
142. *Ezo же*. Zum balkanischen Hintergrund der osmanisch-türkischen Transkriptionstexte von Bartholomaeus Georgievits. — SSLaw, 20, 1974, стр. 71—106.
143. *Helmholdt, Wolfgang*. Das türkische Vaterunser in Hans Schiltbergers Reisebuch. — CAJ XI: 2, 1966, стр. 141—143.
144. *Kleinmichel, Sigrid*. Türkische Literatur. — «Lexikon der Welt-Literatur», Weimar, 1963.
145. *Ee же*. Das Marzubān-nāme. — WZUB 3, 1969, стр. 519—534.
146. *Ee же*. [Рец.]. Muharrem Ergin. Osmanlıca Dersleri. Istanbul, 1962; *ee же*. Türk Dil Bilgisi, Istanbul, 1962. — OLZ 5/6, 1969, стр. 270—272.
147. *Ee же*. Untersuchungen zu phonologischen, morphophonologischen und morphologischen Problemen im Marzubān-nāme. Dissertation, Berlin, 1970, 448+80 стр.
148. *Ee же*. Verbalnomina und Partizipien im Altosmanischen. — CAJ XVII, 2—4, 1973, стр. 164—175.
149. *Ee же*. Beitrag zur Geschichte der Nomenverbindungen im Osmanisch-Türkischen (Izafet). — «Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Völker». Berlin, 1974, стр. 307—316.
150. *König, Wolfgang*. Die Achał-Teke. Zur Wirtschaft und Gesellschaft einer Turkmenen-Gruppe im XIX Jahrhundert. Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig, 12, Berlin, 1962, 178 стр.
151. *Ezo же*. Zur Wirtschaft der Turkmenen im XIX Jahrhundert. — JB 20, 1963, стр. 207—249.
152. *Ezo же*. Ethnographische Beobachtungen bei den Dzachč'in in der Mongolischen Volksrepublik (Kobdo-aimak, Manchan-sumun). — JB 21, 1964, стр. 91—110.
153. *Ezo же*. Die Ausstellung Zentral — und Mittelasien (Mongolei und Turkmenien) im Museum für Völkerkunde zu Leipzig. — JB 22, 1965, стр. 101—111.
154. *Ezo же* и Markov Genadi E. Vorläufiger Bericht über einige Ergebnisse der Teilnahme an einer ethnographisch-archäologischen Expedition in die Turkmenische Sowjetrepublik im Jahre 1959. — JB 18, 1961, стр. 31—58.
155. *Kurelia, Alfred*. (Über Nâzim Hikmet). — Hikmet, Nazim. Legende von der Liebe — Joseph in Egyptenland, Leipzig, 1961, стр. 185—191.
156. *Lorenz, Manfred*. Die partizipialen Wendungen — ein Unterscheidungsmerkmal des Tagikischen gegenüber dem Persischen. — MIO X, 1964, стр. 133—139.
157. *Ezo же*. Postpositionen im Tagikischen. — MIO XIII, 1967, стр. 382—393.

158. *Ego же*. [Рец.]. Doerfer, Gerhard. Türkische Lehnwörter im Tadschikischen. Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, XXXVII, 3, Wiesbaden, 1967. — MIO XIV, 1968, стр. 353—355.

159. *Markov, Genadi E.* Sechs turkmenische Teppicherzeugnisse aus dem Museum für Völkerkunde zu Leipzig. — JB 19, 1962, стр. 120—128.

160. *Melzig, Herbert*. (Über «Die skandalösen Geschichten vom türkischen Erzgauner Zübük»). — «Nesin, Aziz. Die skandalösen Geschichten vom türkischen Erzgauner Zübük», Berlin, 1965, стр. 355—362.

161. *Ego же*. (Über Hodscha Nasreddin). — Wer den Duft des Essens verkauft. Schwänke und Anekdoten vom Hodscha Nasreddin; ausgewählt, aus dem Türkischen übersetzt, mit einem Nachwort versehen von Herbert Melzig. Berlin, 1966, 273 стр.

162. *Meyer, Ingrid*. Siehe Hazai, Georg, № 136.

163. *Ee же*. Bibliographie altaistischer Arbeiten in der DDR nach 1945. WZUB 3, 1969, стр. 535—539.

164. *Novičev, Aron Davidovič*. Der Einfall der Franzosen in Ägypten und der französisch-türkische Krieg 1798—1802. — ZFG 9, 1971, стр. 1139—1153.

165. *Nowka, Helmut*. [Рец.]. Swift, L. B., A Reference Grammar of Modern Turkish, Den Haag 1963. — OLZ 61, № 7—8, 1966, стр. 392.

166. *Rathmann, Lothar*. Die Nahostexpansion des deutschen Imperialismus vom Ausgang des 19. Jahrhunderts bis zum Ende des I. Weltkrieges. Eine Studie über die wirtschaftspolitische Komponente der Bagdadbahnpolitik. Dissertation, Philosophische Fakultät der Karl-Marx-Universität, Leipzig, 1961, 806 стр.

167. *Ego же*. (Über Yaşar Kemal). — Kemal Jaschar. Ince Memed. Berlin, 1962, стр. 343—346.

168. *Ego же*. Berlin — Bagdad. Die imperialistische Nahostpolitik des kaiserlichen Deutschlands, Berlin, 1962, 114 стр.

169. *Ego же*. Stoßrichtung Nahost 1914—1918. Zur Expansionspolitik des deutschen Imperialismus im I. Weltkrieg. Berlin, 1963, 223 стр.

170. *Ego же*. «Volldampf vorwärts nach Euphrat und Tigris». Die planmäßige Vorbereitung des deutschen Imperialismus auf den Endkampf um die Beherrschung des Osmanischen Reiches in den Jahren 1897 bis 1903. — Kolonialismus und Neokolonialismus in Nordafrika und Nahost. Studien zur Kolonialgeschichte und Geschichte der nationalen und kolonialen Befreiungsbewegung, Bd. 10/11. Berlin, 1964, стр. 91—167.

171. *Röhrborn, Klaus*. Eine uigurische Totenmesse. Text, Übersetzung, Kommentar, 64 стр. + LXIV Tafeln. Berlin, 1971.

172. *Schultz, Doris*. Die Wiedergabe von Begriffen des modernen gesellschaftlichen Lebens im Özbekischen. Dissertation, Philosophische Fakultät der Humboldt-Universität. Berlin, 1959.

173. *Ee же*. Die aserbaidshanische, kasachische, tatarische, turkmenische und usbekische Literatur. — «Lexikon der Weltliteratur», Weimar, 1963.

174. *Ee же*. Die Suffigierung des Akkusativs im Özbekischen. — ZPhon 17, № 6, 1964, стр. 631—635.

175. *Ee же*. Bemerkungen zu Studium und Pflege der deutschen Sprache in Özbekistan. — MIO XIII, № 4, 1966, стр. 483—489.

176. *Ee же*. Siehe Hazai, G. № 90.

177. *Stein, Heidi*. Der türkische Transkriptionstext des Hieronymus Megiser. Ein Beitrag zur Sprachgeschichte des Osmanisch-Türkischen. Dissertation. Leipzig, 1975.

178. *Taube, Erika*. Kinderwiegen im Zengel-sum (Westmongolei). — MIO 13, 1967, стр. 199—206.

179. *Ее же*. Drei tuwinische Varianten zur Sage von der Herkunft der Murmeltiere. — *Studia Asiae*. Festschrift für Johannes Schubert. Part I-Supplement to «Buddhist Yearly» 1968, стр. 263—276.

180. *Ее же*. Mutter und Kind im Brauchtum der Tuwiner der Westmongolei. — *JB* 27, 1970, стр. 75—89.

181. *Ее же*. Die Widerspiegelung religiöser Vorstellungen im Alltagsbrauchtum der Tuwiner der Westmongolei. — «Traditions religieuses et para-religieuses des peuples altaïques». Strasbourg, 1972, стр. 119—138.

182. *Ее же*. Baldžin-xēr. Eine tuwinische Volksüberlieferung aus der Westmongolei zur Entstehung zweier Musikinstrumente. — *WZUH* 22, № 3, 1973, стр. 59—66.

183. *Ее же*. Tuvák. — *Sámándobok, szóljatok! Szibéria óslakoságnak népköltészete*. Európa könyvkiadó, Budapest, 1973, стр. 105—122, 369—371.

184. *Ее же*. Das Kastrierfest bei den Tuwinern des Cengel-sum. — «Asien in Vergangenheit und Gegenwart» — Beiträge der Asienwissenschaftler der DDR zum XXIX. Internationalen Orientalistenkongreß 1973 in Paris, Berlin, 1974.

185. *Ее же*. Zum Problem der Ersatzwörter im Tuwinischen des Céngel-sum. — «Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker». Berlin, 1974, стр. 589—607.

186. *Tezcan, Semih*. Das uigurische Insadi-Sūtra. Berlin, 1974.

187. *Uhse, Bodo*. Der Briefträger Nazim (Nâzim Hikmet). — *Uhse, Bodo*, Gestalten und Probleme. Berlin, 1959, стр. 192—196.

188. *Vietze, Peter*. Altaische Plural, Dual- und Nominalklassensuffixe. — *WZUB* 3, 1969, стр. 481—512.

189. *Его же и Warnke I., Zenker L.* Rückläufiges Wörterbuch der türkischen Sprache, Leipzig, 1975.

190. *Warnke, Ingrid*. Siehe Vietze, № 189.

191. *Werner, Ernst*. Einige Charakteristika des vorder- und mittelasiatischen Feudalismus. — *ZfG* XI, 1963, стр. 1134—1145.

192. *Его же*. Bemerkungen zu einer neuen marxistischen Darstellung der Geschichte der Türkei im Zeitalter des Feudalismus. — *ZfG* XI, 1963, стр. 1516—1525.

193. *Его же*. Häresie, Klassenkampf und religiöse Toleranz in einer islamisch-christlichen Kontaktzone: Bedred-din und Bürklüce Mustafâ. — *ZfG* XII, 1964, стр. 255—276.

194. *Его же*. Johannes Kantakuzenos, Umur Paşa und Orhan. — *Byzantinoslavica* XXVI, 1965, стр. 225—276.

195. *Его же*. Panturkismus und einige Tendenzen moderner türkischer Historiographie. — *ZfG* XIII, 1965, стр. 1342—1354.

196. *Его же*. Die Geburt einer Großmacht — Die Osmanen (1300 bis 1481). Ein Beitrag zur Genesis des türkischen Feudalismus. *Forschungen zur mittelalterlichen Geschichte* 13, Berlin, 1966, 358 стр.

197. *Его же*. Akritai und Ghāzī. *Studia Byzantina*. Beiträge aus der byzantinischen Forschung der DDR zum XIII. Internationalen Byzantinistenkongreß in Oxford. — Wissenschaftliche Beiträge der Martin-Luther-Universität, Halle, 1966, стр. 27—47.

198. *Его же*. Yürüken und Wlachen. — *WZUL* 3, 1966, стр. 471—478.

199. *Его же*. Sozial-religiöse Strömungen in der Welt des Islam. *Bābā Ishāq*. Festschrift Walter Baetke, Weimar, 1966, стр. 368—379.

200. *Вернер Э.* Пантюркизм и некоторые тенденции современной турецкой историографии. — «Вестник общественных наук АН Армянской ССР», 1966, № 6, стр. 81—91.

201. *Его же*. [Рец.]. Е. Ю. Казанова. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок (1908—1914), Баку, 1966. — *Balkan Studies*, 8, 1967, стр. 167—174.
202. *Его же*. [Рец.]. Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967. — *ZfG XVI*, 1968, стр. 1074—1077.
203. *Его же*. Historische Einleitung zum Koran. — *Der Koran*, Leipzig, 1968, стр. 5—15.
204. *Его же*. Wesen und Formen des türkischen Nationalismus. — *ZfG XVI*, 1968, стр. 1301—1308.
205. *Его же*. Die Türkei am Vorabend des ersten Weltkrieges im Spannungsfeld der Großmächte. — *ZfG XVI*, 1968, стр. 1563—1576.
206. *Его же*. Die Geburt der Türkei — Eine neue Synthese. — «*Studi medievali*» X, 1969, стр. 447—463.
207. *Его же*. Die Türkei 1914 zwischen Dreibund und Entente. Illusionen und Realitäten am Bosphorus. — *WZUL 3*, 1970, стр. 431—446.
208. *Его же*. Zur Diskussion um die Agrarstruktur Südosteuropas im 15. Jahrhundert unter den Osmanen. — *WZUL 3*, 1970, стр. 459—462.
209. *Его же*. [Рец.]. I. Beldiceanu-Steinherr. Recherches sur les actes des règnes des sultans Osman, Orkhan et Murat I., München, 1967. — «*Études balkaniques*», VI, 1970, стр. 146—147.
210. *Его же*. [Рец.]. Lectures delivered on the 511th Anniversary of the Conquest of Istanbul. Istanbul, 1967. — «*Revue des études Sud-Est européennes*», VIII, 1970, стр. 730—734.
211. *Его же*. [Рец.]. U. Trumpener. Germany and the Ottoman Empire 1914—1918, Princeton-New Jersey 1968. — *ZfG XVIII*, 1970, стр. 1627—1630.
212. *Его же*. Bemerkungen zur Wlachenfrage im Osmanenreich. — *Folia diplomatica I*, 1971, стр. 321—325.
213. *Его же*. Die Geburt einer Großmacht — Die Osmanen (1300—1481). 2. verb. und erg. Aufl., Berlin, 1972, 391 стр.
214. *Его же*. Despotie, Absolutismus oder feudale Zersplitterung? Strukturwandel im Osmanenreich zwischen 1566 und 1699. — «*Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte*» III, 1972, стр. 107—128.
215. *Его же*. Wandel im Osten: Das Sultanat Konya im 13. Jahrhundert. — «*Byzantinische Forschungen*», IV, 1972, стр. 220—230.
216. *Его же*. [Рец.]. П. В. Жогов. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая балканская война 1912—1913 гг. Москва, 1969, — *ZfG XX*, 1972, стр. 229—232.
217. *Его же*. Die Armeniengreuel 1915/16 — ein armenisches Greuelmärchen? — *ZfG XXI*, 1973, стр. 218—225.
218. *Его же*. [Рец.]. Sp. Vryonis, Jr. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century, Berkeley—Los Angeles—London, 1971. — *ZfG XXI*, 1973, стр. 1109—1110.
219. *Zieme, Peter*. Beiträge zur Erforschung des Xvāstvānīft. — *MIO XII*, № 4, 1966, стр. 351—378.
220. *Его же*. Die türkischen Yosīpas-Fragmente. — *MIO XIV*:1, 1968, стр. 45—67.
221. *Его же*. Meninski Sözlüğünün dili üzerine. — «*XI Türk Dil Kurultayında okunan Bilimsel Bildiriler*». Ankara, 1968, стр. 72—81.
222. *Его же*. Untersuchungen zur Schrift und Sprache der manichäisch-türkischen Turfantexte. Dissertation. Berlin, 1968.
223. *Его же*. Siehe Hazai, G, № 91.
224. *Его же*. [Рец.]. Г. Айдаров. Язык орхонского памятника Билге-Кагана. Алма-Ата, 1966. — *OLZ 63*, 1968, стр. 381—383.

225. *Его же*. Ein uigurisches Sündenbekenntnis. — АОН 22, 1969, стр. 107—121.
226. *Его же*. Türkçe bir Mâni şiiri. — TDAYB, 1969, стр. 35—51.
227. *Его же*. Zwei Textergänzungen zu A. von Le Coq's Türkische Manichaica aus Chotscho III. — RO 32, № 2, 1969, стр. 7—18.
228. *Его же*. [Рец.]. A. v. Gabain. Die Drucke der Turfan-Sammlung. Berlin, 1967, 40 стр. — OLZ 64, 1969, стр. 375—376.
229. *Его же*. [Рец.]. A. Bombaci. Histoire de la littérature turque. — MIO, XV, 1969, стр. 554—558.
230. *Его же*. Ein manichäisch-türkisches Fragment. — АОН 23, 1970, стр. 157—165.
231. *Его же*. Die türkischen Texte der Berliner Turfansammlung. — «Orientalistische Bibliotheken und Sammlungen», Berlin, 1970, стр. 39—53.
232. *Его же*. Siehe G. Hazai, № 104.
233. *Его же* и F. Geissler. Uigurische Pañcatantra-Fragmente. — «Turcica» II, 1970, стр. 32—70.
234. *Его же*. [Рец.]. «Древнетюркский словарь». Ленинград, 1969. — CAJ 14, 1970, стр. 228—236.
235. *Его же*. [Рец.]. K. Steuerwald. Türkisch-Deutsches Wörterbuch. Berlin—München—Zürich, 1966. — OLZ 65, 1970, стр. 61—62.
236. *Его же*. [Рец.]. M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuches der Türksprachen. Helsinki, 1969. — MIO XVI, 1970, стр. 624—629.
237. *Его же*. [Рец.]. Radloff. Index der deutschen Bedeutungen. — MIO XVI, 1970, стр. 630.
238. *Его же*. Siehe G. Hahai, № 109.
239. *Его же* и S. Tezcan. Uigurische Brieffragmente. — «Studia Turcica», Budapest, 1971, стр. 451—460.
240. *Его же*. Asop in Zentralasien. — «Das Altertum», 17, 1971, стр. 40—42.
241. *Его же*. Zu einigen Problemen des Manichäismus bei den Türken. — «Traditions religieuses et para-religieuses des peuples altaïques», Strasbourg, 1972, стр. 173—179.
242. *Его же*. Neue Funde zur Geschichte der Türken in der Mongolei. — «Das Altertum», 18, 1972, стр. 255—258.
243. *Его же*. [Рец.]. T. Tekin. A. Grammar of Orkhon Turkic. — OLZ 67, 1972, стр. 265—268.
244. *Его же*. [Рец.]. «Studia Turcica». Edidit L. Ligeti (Bibliotheca Orientalis Hungarica XVII). — MIO XVII, 1972, стр. 488—491.
245. *Его же*. [Рец.]. J. Nemeth. Die türkische Sprache in Ungarn im siebzehnten Jahrhundert. Budapest, 1970. — ZPhon 25, 1972, стр. 253—254.
246. *Его же*. Die Uiguren und ihre Beziehungen zu China. — CAJ 17, 1973, стр. 282—293.
247. *Его же*. [Рец.]. D. Sinor. Inner Asia. — OLZ 68, 1973, стр. 601—603.
248. *Его же*. [Рец.]. A. Raun. Basic Course in Uzbek. — OLZ 68, 1973, стр. 604—605.
249. *Его же*. Zu den nestorianisch-türkischen Turfantexten. — «Sprache, Geschichte und Kultur der altaïschen Völker», Berlin, 1974, стр. 661—668, Tafeln, стр. 51—54.
250. *Его же*. Ein uigurischer Landverkaufsvertrag aus Murtuq. — «Altorientalische Forschungen», 1, стр. 295—308.
251. *Его же*. Ein Turfanfragment einer türkischen Erzählung. — «Altorientalische Forschungen», 1, стр. 367—368.

252. *Его же*. Ein uigurisches Turfanfragment der Erzählung vom guten und vom bösen Prinzen. — AOH 28, 1974, стр. 263—268.

253. *Его же*. 70 Jahre Turfanforschung an der Berliner Akademie. — Spektrum, 12, 1974, стр. 17—19.

254. *Его же*. [Рец.]. N. I. Ashmarin. Thesaurus Linguae Tschuvaschorum. — OLZ 69, 1974, стр. 64—65.

255. *Его же*. [Рец.]. Э. И. Фазылов. Фрагменты неизвестного старотюркского памятника. Ташкент, 1970. — OLZ 69, 1974, стр. 174—175.

256. *Его же*. [Рец.]. «Sprachwissenschaftliche Ergebnisse der deutschen Turfanforschung». 1—2. Leipzig, 1972. — OLZ 69, 1974, стр. 173—174.

257. *Его же*. [Рец.]. «Ближний и Средний Восток». М., 1968. — ZfG 22, 1974, стр. 362—363.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AAS	«Asian and African Studies».
AOH	«Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae».
CAJ	«Central Asiatic Journal».
DLZ	«Deutsche Literaturzeitung».
FK	«Filológiai Közlöny».
JB	«Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig».
MIO	«Mitteilungen des Instituts für Orientforschung».
MTANyIOK	«Magyar Tudományos Akadémia Nyelv- és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei».
NyK	«Nyelvtudományi Közlemények».
OLZ	«Orientalische Literaturzeitung».
PIAC Newsletter	«Permanent International Altaistic Conference. Newsletter».
RO	«Rocznik Orientalistyczny».
SSlaw	«Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae».
TD	«Türk Dili».
TDAYB	«Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten».
UAIb	«Ural-altaische Jahrbücher».
WZUB	«Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin, Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe».
WZUH	«Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe».
WZUL	«Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig, Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe».
ZfG	«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft».
ZPhon	«Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationswissenschaft».

РЕЦЕНЗИИ

К. М. МУСАЕВ. ЛЕКСИКА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ (ЗАПАДНОКЫПЧАКСКАЯ ГРУППА)

М., ИЗД-ВО «НАУКА», 1975, 357 стр.

Рецензируемое исследование К. М. Мусаева включает: предисловие, введение, восемь разделов и заключение.

Как отмечает автор в предисловии, «в монографии впервые в тюркологии исследуются в сравнительном плане на широком тюркском фоне лексико-семантические схождения и расхождения, свойственные группе малоизученных тюркских языков, объединяемых под общим названием „западнокыпчакские языки“, выявляются ареальные и индивидуальные особенности этих языков в их отношении к другим тюркским языкам» (стр. 4).

К. М. Мусаев выдвигает в качестве одного из классифицирующих признаков тюркской лексики данные западнокыпчакских языков, развивая концепцию А. Н. Самойловича, Н. А. Баскакова, И. Бенцинга, К. Менгеса, объединяющих западнокыпчакские языки (куманский, армяно-куманский, карачаево-балкарский, кумыкский, караимский, крымско-татарский) в одну подгруппу, и полагает, что язык *Codex Cumanicus* территориально занимал среднее положение между западнокыпчакскими, восточнокыпчакскими (казахским, каракалпакским, ногайским) и северокыпчакскими (татарским, башкирским) языками. Это подтверждается и лексикой памятника, которая, будучи в своей основе западнокыпчакской, во многом сходна с восточнокыпчакской и северокыпчакской (стр. 16) лексикой.

К. М. Мусаев подвергает детальному анализу лексические особенности всех западнокыпчакских языков, глубоко и мотивированно раскрывая роль других тюркских языков в их формировании. Рассматривая лексико-семантическое развитие карачаево-балкарского языка в связи с историей народа, К. М. Мусаев выделяет следующие периоды: домонгольский, послемонгольский, российский, советский. Домонгольский период карачаево-балкарского языка, как убедительно показывает автор, ярко характеризуется кыпчакскими, огузскими, булгаро-хазарскими элемента-

ми. К. М. Мусаев не обходит также молчанием и вопрос об отношении аланского языка к карачаево-балкарскому. Мы полагаем, что вопрос о языковой принадлежности алан остается все еще открытым. Тюркоязычность части древних алан — исторический факт, подтверждаемый не только сведениями, исходящими от разных народов, и многими историческими документами, но и руническими памятниками, найденными в аланских городищах Карачаево-Черкесии.

С нашей точки зрения, следовало особо остановиться на периоде монгольского владычества, когда карачаево-балкарский язык находился в непосредственном контакте с монгольским языком. *Эмегены*, с которыми ведут борьбу *нарты* (богатыри) карачаево-балкарского нартского эпоса, не кто иные, как древние монголы-завоеватели. Само кбалк. слово *emege* 'чудовище', 'великан' восходит к монг. *emge* 'старуха', *övgön* 'старик', 'старец'; 'старый', 'престарелый'. По подсчетам Х. И. Суюнчева, в карачаево-балкарском и монгольском языках имеется свыше восьмисот слов, близких по звучанию и совпадающих по значению.

Автор раскрывает роль арабского, персидского, греческого, древнееврейского, русского, осетинского и иберийско-кавказских языков в обогащении лексики карачаево-балкарского языка. Незнание лексики западнокыпчакских языков все еще позволяет отдельным исследователям (в большинстве случаев не языковедам. — М. Х.), ссылаясь на старые издания, считать исконные карачаево-балкарские слова заимствованиями из осетинского, адыгских и других языков, в то время как на самом деле это карачаево-балкарские слова в названных языках (стр. 22—28).

В рецензируемой работе дается научное объяснение образованию крымско-татарского народа и его языка (стр. 28—31). Исследуемые материалы указывают на то, что в основу крымско-татарского языка лег язык тюркских племен Крыма домонгольского периода, и прежде всего куманов. Воздей-

стве турецкого крымско-татарский язык испытал в более поздний период.

Как отмечает К. М. Мусаев, кумыкский язык (стр. 32—35) длительное время являлся языком межнационального общения Дагестана и Чечни, чем и объясняется заметное влияние кумыкского языка на лексику дагестанских и чеченских языков. Наряду с этим автор отмечает влияние арабского, персидского, дагестанских и чеченских языков на развитие кумыкской лексики. В лексике кумыкского языка сохранились почти без изменения названия частей тела, домашних и диких животных, птиц, предметов и явлений природы, числительные и местоимения, являющиеся исконно тюркскими, а также собственно кумыкские слова.

Не возражая против высказанного автором мнения о возможности происхождения этнонимов *qıttıç* и *qıttap* от *qıtt* 'песок' (стр. 32), мы все же более склонны считать, что *qıttıç* и *qıttap* восходят к **qıtt* 'река'; 'волна'.

Особый интерес представляют страницы 35—51 работы, посвященные караимскому языку. На достоверном лексическом материале всесторонне рассматриваются в монографии исторические связи лексики караимского языка с лексикой других западнокавказских языков, а также чувашского, древнееврейского, славянских, арабского, персидского, осетинского и иберийско-кавказских языков.

Любопытны приводимые автором караимские названия месяцев (стр. 40), которые соотносятся с карачаево-балкарскими: кар. *kyş aj* — кбалк. *kyrk avuz aj* 'январь', кага *kyş aj* — *kyrk avuznu art aju* 'февраль', *süvünç aj* — *süjünç aj*, *baldražüz aj* 'март', *artaryx aj* — *žaz başy aj* 'апрель', *kural aj* — *žaz aj*, *kural aj* 'май', *baškusxañ aj* — *baškusxañ aj*, *žajny al aju* 'июнь', *žaz aj* — *žajny art aju* 'июль', *ulay aj* — *künñü al aju* 'август', *čirik, syryx aj* — *künñü art aju* 'сентябрь', *ağryxsy aj* — *soym aj*, *et uyuk aj* 'октябрь', *küz aj* — *kaç aj* 'ноябрь', *soym aj* — *kyrk avuznu al aju* 'декабрь'.

Все разделы монографии насыщены примерами из современных и древних тюркских языков. Каждый лексический элемент подвергается автором сравнительно-историческому анализу, устанавливается его семантическая и формальная роль. Слово рассматривается как изолированная лексическая единица в системе свободных, устойчивых сочетаний, пословиц и поговорок, с точки зрения расширения и сужения его семантики под влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов, а также вследствие словообразовательных возможностей. Это иерархическое исследование проводится автором в пределах лингвистических фаз развития языка: общетюркской, кыпчакской, западнокыпчакской, огузо-кыпчакской, огузо-западнокыпчакской, западнокыпчакско-булгарской и т. д. К. М. Мусаев анализирует роль иноязычных элементов в обогащении лексики, что выгодно отличает его работу от других исследова-

ний подобного характера, придавая ей особую значимость.

Обстоятельным глоттохронологическим анализом характеризуется первый раздел исследования — «Названия животных» (стр. 52—120). Сравнительно-историческое изучение слов с собирательным значением (скот, стадо), а также названий домашних и диких животных (корова, овца, свинья, кошка, мул, лошадь, заяц, тигр) путем широкого привлечения лексических материалов из неродственных языков позволяет К. М. Мусаеву сделать весьма показательные выводы: скотоводство с древнейших времен являлось основным видом хозяйства тюркоязычных народов, и тюркская терминология в этой области складывалась в общетюркский период, когда основу скотоводческого хозяйства составляло коневодство, верблюдоводство и овцеводство.

Наряду с общетюркскими названиями автор четко выделил возникшие позднее ареальные и индивидуальные особенности языков. Так, например, *mal*, *myşyk*, *katyr*, *at* являются общетюркскими, *toñuz*, *karlap* — огузо-кыпчакскими, *kojan* — кыпчакским, *alaşa* — северо- и западнокыпчакским, *koj* — восточно- и западнокыпчакским, *syjyr*, *inek* — восточно- и западно-тюркским, *tuvar* — западнокыпчакским названиями. Особо выделено автором кбалк. *kışık* 'кошка'.

К. М. Мусаев подробно останавливается на инновациях семантики названий. Это хорошо продемонстрировано на примере возникновения переносных значений *mal*, *tuvar*, *koj*, *toñuz* по способу образования метафор, метонимий, синекдох и т. д. Так, слово *mal*, имевшее в древнейшее время значение «лошадь», с течением времени приобретает переносные значения, выходящие за пределы единого семантического гнезда, и в результате возникают слова-омонимы: *mal* 'скот', *mal* 'овца', *mal* 'товар'. В дальнейшем эти слова-омонимы в свою очередь начинают выражать и переносные значения.

Весьма содержателен второй раздел работы — «Названия частей тела животных» (стр. 121—157). Названия эти в подавляющем большинстве общетюркские: *jäl*, *žal* 'грива', *jelin*, *želin* 'вымя', *kapat* 'крыло', *müjüz* 'рог', *kujrük* 'хвост'. От опытного глаза исследователя не ускользнули названия, характерные для отдельных языков, входящих в западнокыпчакскую группу. Ср. кар. *trak*. *jerčäk*, кар. *гал*. *bik*, кбалк. *dukur*, *dukuz* 'горб', кбалк., кумык., ктат. *buğun*, кар. *крым*. *čökka*, ктат. *yağa* 'клюв', кар. *крым*. *baууңçak* 'копыто'. Здесь следовало бы также привести характерные для карачаево-балкарского языка фонетические варианты: *žuvak* 'копыто (крупного и мелкого рогатого скота)' наряду с *tujak* 'копыто (вообще)'.

Интересны также высказывания автора относительно отдельных слов, например, шерсть в исследуемой группе языков обозначается двумя словами *žip*, *jüp* 'шерсть' и *tük* 'шерсть'.

Третий раздел монографии посвящен названиям растений (стр. 158—210). Здесь автор убедительно показывает, что тюркоязычные народы с древнейших времен хорошо знали лес и его растительность. Помимо общетюркских *terek*, *jaŋač*, *aŋač* 'дерево', *kajun* 'береза', *tal* 'ива', автор отмечает присутствие общекыпчакских по происхождению названий: *emeŋ* 'дуб', *jöge*, *zöge* 'липа', *žerk*, *žerik* 'ольха'. Приведенный материал указывает на то, что западнокыпчакские языки по названию сосны образуют особый ареал. По мнению К. М. Мусаева, *paŋat* 'сосна' является монголизмом и восходит к монг. *paŋs* (an), бур. *paŋx* (an) 'сосна'. С этим согласиться трудно. Скорее всего, кбалк., кумык., ктат., кар. гал., чув., башк., поволжско-татарское *paŋat* 'сосна' — болгаро-хазарское слово, вместе с монгольскими вариантами восходящее к единому источнику. Из карачаево-балкарского слова возникло и кабардино-черкесское *pāŋat* 'хвоя'. С корнем *paŋat* — *paŋ* через альтернацию *g ~ z* связаны кбалк. *paz* 'пихта' и корни *паз*, *пуз* слов *пазу*, *пузу* 'ель'. Это подтверждается и азерб. *kükpaŋ*, тур. *kökpaŋ* 'ель', которые, вероятно, можно разложить на *kök* 'голубая' + *paŋ* (ср. кбалк. *paz* 'пихта') 'пихта'. Осетинское *pāzu* 'сосна' восходит к кбалк. *puzu* 'ель'. Представляется, что в *čuršu*, *šurša*, *čarāš* 'ель' выступает тот же корень *paŋ*, *paz*, *paŋ* посредством альтернации начальных *č ~ p*. Ср. шор. *paуus* — хак. *čaуus* 'один', саг. *paурт* — кбалк. *sumyrtā* 'черемуха', саг. *paп* — бап 'сторона', 'бок' и т. д.

Мы полагаем также, что одним из древних названий леса у тюркских народов было чув. *čak* 'густой лес', кбалк. *čeget* 'лес', алт. *čet* 'молодой хвойный лес', 'молодая роща', 'кусты'.

Анализ названий плодовых деревьев свидетельствует о том, что западнокыпчакские наименования непосредственно связаны с их появлением в основной группе тюркских языков в эпоху тесных контактов с иранскими языками. Общетюркские названия *alma* 'яблоко', *tut* 'тутовое дерево', 'шелковица' немногочисленны, незначительно и число западнокыпчакских ареальных названий: *kertme* 'груша', *erik* 'слива'. Западнокыпчакским и восточноогузским названием является *koz* 'гречкий орех'. Названия абрикоса, апельсина, граната, каштана, маслины, миндаля, персика в большинстве западнокыпчакских языков представляют собой заимствования из персидского, греческого, арабского или русского языков. В отдельных западнокыпчакских языках отмечаются индивидуальные названия плодовых деревьев: кумык. *kürege* 'абрикос', кар. трак. *turupč* 'апельсин', карач. *ičkobuz* 'каштан'.

Полагаем, что не до конца раскрыто происхождение общекыпчакского слова *čörtlevük*, изначально употреблявшегося в значении 'лесной орех': кбалк. *čörtlevük*, кумык. *čertlevük*, кум. *čatlavuk*, арм.-кум. *četlevuk*, кар. трак. *četlävük*, Абу-Хайян. *četlevük*, каз. *šetlevik* 'мелкий лесной

орех', башк. *sätlōüek*, тат. *čiklāvek* 'орех'. Ср. еще с кбалк. *maŋar*, чув. *mājār*, венг. *modőgo* 'лесной орех', восходящими к болгарскому языку.

Следует отметить, что данный раздел монографии наиболее убедительно и наглядно говорит об экономических, культурных и языковых связях тюркских народов со многими народами древнего мира.

Многими интересными наблюдениями характеризуется четвертый раздел — «Названия частей растений» (стр. 121—258). Автор выделяет общетюркские (*butak* 'ветвь', *jar-gak* 'лист'), кыпчакские (*čamut* 'корень', *jemiš* 'плод'), огузо-кыпчакские (*salkum*, *solkun* 'гроздь'), западнокыпчакские (*bür-tük* 'зерно', *urluk* 'семя') названия.

Сравнительное изучение наименований растений и названий их частей позволило автору выявить моносемантическую первых и многозначность вторых. Особенно богаты семантическими вариантами названия ветви, корня и семени. Заслуживает внимания обнаруженная К. М. Мусаевым интересная закономерность: в названиях частей растений различий между тюркскими языками больше, чем в названиях частей тела животных. По мнению автора, это объясняется тем, что в древнюю эпоху скотоводческие тюркоязычные племена были между собой теснее связаны, при переходе же к земледелию связи между племенами и народностями ослабли, и это обусловило возникновение в различных тюркских языках самостоятельных земледельческих терминов (стр. 215). Исходя из этого, К. М. Мусаев приходит к заключению, что западнокыпчакские языки не составляют единого ареала по названиям пня, колоса, ягоды, побега, лозы и т. д. Только в одном карачаево-балкарском языке наряду с кыпчакскими и огузскими элементами заметно выступает болгарский пласт: *mirzev*, *mürzev* 'зерно', ср. чув. *pärsä* 'зерно', кбалк. *bulčuk*, *bürčük* 'побег', 'отпрыск' и такие исконные образования, как *žorpu*, *žokku* 'гроздь', *čurpu* 'ветвь', *žetek*, *čirčik* 'побег', 'отпрыск', *köget* 'плод', 'фрукт', *kylyk*, *kylčyk* 'колос' и др. Все эти слова образовались позднее общетюркского периода, хотя и в древнейшее время. К карачаево-балкарским названиям восходят осетинские *bilč*, *birč* 'побег', 'почка (у растений)', *källäy*, *kálnäy* 'стебли хлебных злаков, остающиеся после жатвы'. Характерные названия входят в состав и всех других западнокыпчакских языков. Ср. кар. крым., ктат. *dal* 'ветвь', арм.-кум., кар. крым. *kök* 'корень', кар. трак. *čacuv* 'зерно' и т. д.

В пятом разделе — «Термины родства» (стр. 259—267) автор показывает, что большинство исконных названий родственных отношений в каждом языке западнокыпчакской группы имеет свои особенности. Специфика обнаруживается в наименованиях отца, деда, сестры, бабушки, внука, ребенка, семьи. Как следует из содержания книги, это объясняется отмежеванием той или иной народности от общекыпчакской среды и сближением ее с другими племена-

ми, что вызывалось рядом внешних и внутренних факторов, а также возникавшим в связи с этим своеобразием развития родственных отношений. Например, у карачаевцев и балкарцев, в отличие от остальных тюркских народов, лица, принадлежащие к одной фамилии (а каждая фамилия — это род), не рождаются. Нежелательным является и вступление в брак представителей одного и того же клана. А клан может объединять до двадцати фамилий (или родов). В силу этого «деление на роды и племена в западнокыпчакских языках не играет той роли, которую сохранили другие тюркские языки, носители которых в течение длительного времени жили родами и племенами» (стр. 259).

Особенно ценным, с научной точки зрения, представляется нам шестой раздел монографии — «Названия дней недели» (стр. 268—282). Почти все западнокыпчакские языки по особенностям названий дней недели распадаются как бы на отдельные своеобразные островки. Куманские дни недели персидского происхождения, с ними совпадают в основном и крымско-татарские названия. Караимские дни недели восходят к древнееврейским и близки к армяно-куманским и чувашским; карачаево-балкарские названия восходят к древнегреческим, а кумыкские — к арабским.

Особый интерес представляют карачаево-балкарские, армяно-куманские и караимские схождения названий дней недели: кбалк. *ujux kün*, арм.-кум. *jix kin*, кар. трак. *jāx kün*, кар. гал. *jix kin*, кар. крым. *jux kün* 'воскресенье', кбалк. *baš kün*, арм.-кум. *juxraškün*, кар. трак. *jexbaškün*, кар. гал. *jixbaskin*, кар.-крым. *juxbaškün* 'понедельник', кбалк. *orta kün* 'четверг', кар. трак. *orta kün*, кар. гал. *orta kin* 'вторник', кбалк. *baras kün* 'среда', кар. трак. *kiči baraski* 'четверг', *baraski* 'пятница', кбалк. *šabat kün*, арм.-кум. *šarat*, кар. *šabbat*, *šarat* 'суббота'. Вероятно, приведенные названия дней недели возникли еще в недрах алано-булгаро-хазарских племенных объединений и в их основе лежит христианский отсчет дней. Как указывает Махмуд Кашгари, у тюрков не было названий дней недели (стр. 268). Очевидно, в некоторых западнокыпчакских языках названия дней недели появились под влиянием христианства и мусульманства, задолго до появления сочинения Махмуда Кашгари.

В седьмом разделе — «Названия качеств» (стр. 283—305) рассматриваются западнокыпчакские слова со значением «умный, глупый, чистый», в большинстве

своем общетюркского происхождения. Эти слова подверглись заметному семантическому развитию. Довольно четко раскрыты в разделе синонимические ряды с разными ведущими словами в различных языках. Показано обогащение синонимического ряда за счет заимствований, приводятся случаи, когда заимствованное слово становится доминантой.

Последний восьмой раздел работы — «Названия действий» (стр. 306—335) посвящен наиболее употребительным глаголам, связанным со скотоводством и земледелием. Названия действий в западнокыпчакских языках в основном едины и являются либо общетюркскими (*say, sav* 'донести', *suviŋ* 'веять', *süŋ-* 'гнать скот'), либо общекыпчакскими (*og-* 'жать'), или же адекватны названиям смежных тюркских языков (*süŋ-* 'пахать', *šač-* 'сеять'). Вероятно, к общетюркским следовало отнести и слово *kuv-* 'гнать скот', 'погонять', 'догонять', так как оно наряду с кыпчакскими и карлукскими языками употребляется и в огузских языках: азерб. *gov-*, тур., турк. *kov-* 'гнать'. Все это, как отмечает К. М. Мусав, свидетельствует о том, что у тюрков земледелие и скотоводство — наиболее древние занятия.

Трудно согласиться с утверждением, что у тюркских народов земледельческая культура впервые возникла в Средней Азии (стр. 308). Еще автор V в. до н. э. Геродот писал о скифах-землепахцах, обитавших к северу от Черного моря. Мы полагаем, что скифы имели прямое отношение к славянам, тюркам, угро-финнам и осетинам.

В заключении (стр. 336—354) автором резюмируются выводы. Все эти выводы основаны на сравнительно-историческом анализе фактического материала.

Несмотря на то, что автор монографии избрал выборочный метод исследования групп слов, относящихся к разным фазам и сферам лексики, лексико-семантический критерий при выделении западнокыпчакской группы языков оказался надежным и, пожалуй, определяющим.

Рецензируемая монография — результат многолетнего труда талантливого тюрколога. Это ценное научное исследование достоверного лексического материала, опирающееся на достижения современной лингвистики, истории и других смежных наук, безусловно, будет способствовать активизации и углубленному изучению лексики урало-алтайских, индоевропейских, семитских и иберийско-кавказских языков.

М. А. Хабичев

Р. Г. КУЗЕЕВ. ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАШКИРСКОГО НАРОДА. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ, ИСТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ

М., ИЗД-ВО «НАУКА», 1974, 572—1 стр. + 4 вкл.

Рецензирование в филологическом журнале историко-этнографического исследования может быть оправдано двумя факторами: 1) привлечением и обобщением автором новой языковой и фольклорной информации, требующей тюркологических комментариев; 2) новыми данными в области этнической истории тюркских народов, классификации их родо-племенного состава в прошлом, а также успешной разработкой проблем социогенеза, экономики, демографии, материальной и духовной культуры населения изучаемого ареала, что дает лингвистам и литературоведам возможность коррелировать свои выводы с данными соответствующих исторических дисциплин.

Оба эти фактора, присущие монографии Р. Г. Кузеева, привлекли к ней пристальное внимание специалистов.

Книга включает следующие части: 1. Предисловие; 2. Введение; 3. Три основных раздела (10 глав); 4. Заключение; 5. Карты; 6. Литература и источники; 7. Указатели этнических и географических названий.

В текст монографии включены: многочисленные таблицы административного деления, родового, подвального и так называемого «душевого» состава башкир XVIII в.; структуры племенной организации тюрков Средней Азии и Восточной Европы; схемы башкирских шежере-родословных (от арабск. *šazarāt* 'древо'); изображения тамг.

Исходным моментом исследования Р. Г. Кузеева является концепция, согласно которой прошлое башкир на разных этапах их истории может быть глубоко изучено лишь во взаимосвязи с историческими процессами современного им этнополитического мира. Естественно, что рассматриваемый труд органически сочетает материалы собственно башкирской истории с данными многочисленных документальных источников по истории большинства тюркских, иранских и финно-угорских народов, находившихся в этнических контактах на обширной территории от Алтая до Черного моря.

Богатейший полевой этнографический материал, относящийся к XIX—XX вв., разработан автором в свете последних данных, полученных в области истории, археологии, антропологии, языкознания и фольклористики. Выдвинутые автором принципы создания качественно обновленной источниковедческой базы для решения поставленных научных проблем имеют общетюркологическое значение.

Таков вполне обоснованный в целом подход исследователя к арабографичным текстам с территории исторической Башкирии (стр. 8 книги). Правда, позиции этноисто-

рика и текстолога в сложном вопросе датировки подобных источников и особенно их языковой идентификации несколько расходятся: Р. Г. Кузеев, исходя преимущественно из содержания памятника, считает, что «наиболее ранние башкирские тексты на основе арабской графики были составлены в XVI в., но ... они дошли до нас в поздних копиях» (там же). С нашей же точки зрения, достоверный возраст названных «копий», имеющих факсимильную ценность, датируется лишь начиная с XVIII в., причем принадлежат они, строго говоря, языку тюрки и позднее — старотатарскому языку. Другое наше замечание касается кыпчакской эпиграфики золотоордынского периода (с XIII в.), к сожалению, почти не привлекаемой автором. Существенны и обычно не отмечаемые специальной литературой пробелы в письменной традиции (например, XII в.).

Весьма обстоятельны историко-географический корпус монографии, включающий разнообразные характеристики материалов исследования, излагающий принципы их систематизации и картографирования, а также описание свода этнического (родо-племенного) состава башкир за три века — с XVII по XIX (стр. 30 и след).

Особо актуальной представляется историко-географическая направленность анализа и современная статистико-демографическая интерпретация сведений авторов XVIII в. (стр. 48—61). Самостоятельный научный интерес представляют насыщенные многообразной информацией перечни этнонимов и топонимов, названий тамг и иных родовых знаков, приложенные карты.

Сложнейшие проблемы происхождения, формирования и этнической эволюции башкир решаются в широких хронологических рамках — от середины I тысячелетия н. э. до XIX в. Сопоставив собранные и изученные им в течение более чем двадцати лет полевые, рукописные и архивные источники с обобщенными лингвистическими сведениями, Р. Г. Кузеев убедительно аргументировал историю формирования четырех этнографических групп башкир с их подразделениями. Наиболее детально характеризуется развитие хозяйства и социальных отношений на Урале в XVII—XIX вв., способствовавшее формированию одной из крупных тюркских народностей — башкирской².

¹ Ср.: Т. М. Гарипов. Старотюркские письменные памятники Башкирии. — «Советская тюркология», 1972, № 4, стр. 39—45.

² Численность башкир в 1970 г. достигла 1.240 тыс. человек.

Известно, что каким бы подробным и тщательным ни было описание фактов, оно не может претендовать на подлинно исследовательскую глубину при отсутствии проблемности изложения, авторских оценок и концептуальности.

Работа Р. Г. Кузеева носит проблемный характер. Автор выходит далеко за пределы основных вопросов этнического состава и истории расселения башкир. Он воссоздает убедительную картину тех этнических обстоятельств, которые непосредственно влияли на развитие исторического процесса формирования башкирской народности. Решая, применительно к условиям Башкирии, болгарскую, мадьярскую и кыпчакскую проблемы, Р. Г. Кузеев сумел охватить все стороны этнической истории башкир и предложить оптимальную в своей основе научную концепцию, которая в отдаленной ретроспективе — общетюркской и алтайской — в принципе правомерна и оправдана.

Наиболее существенные положения монографии отличаются новизной и аргументированностью. Такова плодотворная гипотеза Р. Г. Кузеева о постепенном вытеснении у тюркского населения древней Башкирии языка болгарского типа типом кыпчакским; высказывание о параллельном распространении болгарского субстрата на все три родственных языка Урало-Поволжского региона: башкирский, татарский и чувашский; мысль о наличии в складывавшемся башкирском этносе как автохтонного (дотюркского) начала, так и миграционных потоков, вызванных великими переселениями древних народов Евразии — особенно центральноазиатского и приаральского происхождения.

Успеху издания во многом способствуют этногенетический и глоттогенетический под-

ход к теме исследования, рассмотрение исследуемых фактов в их глубоких диалекто-материалистических связях, привлечение данных различных дисциплин и, наконец, хорошее полиграфическое оформление.

К сожалению, в оглавлении не нашли отражения все рубрики и подзаголовки монографии, а это затрудняет ее рабочее использование. Не очень удачно ооаавлен и обширнейший раздел «Литература и источники» (стр. 529—550) — приведено несколько сот названий, в том числе на ряде западных и зарубежных восточных языков, но без конкретного указания цитируемых страниц.

Опора на выводы предшественников, особенно работавших в смежных областях науки, могла бы носить более избирательный характер [так, например, современная классификация башкирских говоров (стр. 103—105) не может считаться окончательно установленной].

Интереснейшие тамги башкирских родоплеменных групп заслуживают, безусловно, отдельной публикации в виде сводного альбома с дополнительными комментариями и необходимыми аналогиями, желательно с фотокопиями сохранившихся изображений.

Новая книга Р. Г. Кузеева представляет собой капитальное и оригинальное исследование, содержащее важные теоретические обобщения и практические рекомендации, которые, несомненно, будут способствовать дальнейшему развитию этногенетических исследований как в самой Башкирии, так и за ее пределами.

Т. М. Гарипов, С. Г. Кляшторный

Х. ДОНИЕРОВ. ЭСКИ ЎЗБЕК АДАБИЙ ТИЛИ ВЭ ҚИПЧОҚ ДИАЛЕКТЛАРИ

ТОШКЕНТ, 1976, 138 стр.

Узбекская диалектология как самостоятельная область языковедения начала развиваться сравнительно недавно и за последние годы достигла серьезных успехов.

Узбекский язык, как известно, характеризуется большим разнообразием диалектов и говоров, что объясняется историческими условиями образования узбекской народности. Рецензируемая книга Х. Даниярова с этой точки зрения представляется нам весьма актуальным и интересным исследованием.

Впервые в узбекском языковедении автор ставит перед собой задачу проследить возникновение, формирование и распространение кыпчакских диалектов и проанализировать в сравнительно-историческом плане их влияние на формирование узбекского литературного языка.

Книга Х. Даниярова включает предисловие и три главы.

В истории тюркоязычных народов Средней Азии вопросы этногенеза занимают едва ли не первое место в ряду проблем, на-

стоятельно требующих своего разрешения. Этой сложной и актуальной проблеме посвящена первая глава, в которой автор книги, основываясь на таких достоверных источниках, как «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари, «Джами-ат-таварих» Рашидаддина, «Шаджаран тюрк» Абулгази Бахадирхана и других, приводит сведения о расселении тюркских племен.

Значительную часть работы составляет анализ интересных высказываний и фактов, содержащихся в произведениях Алишера Навои, Лутфи, Бабира, Мухаммада Салиха, а также сопоставление кыпчакских говоров узбекского языка с языком египетских кыпчаков XIV века. Правда, и раньше многие ученые (академик А. Н. Самойлович, профессор Газы Алим и др.) отмечали участие кыпчакских диалектов в формировании староузбекского литературного языка, однако это были частные замечания, связанные с рассмотрением влияния кыпчакских диалектов лишь в фонетическом аспекте.

Автор работы тщательно изучил фонетическую систему языка Навои, анализируя характер гласных не в корне слов, а в их аффиксах. Немаловажными являются и выявленные им лексические особенности. Рассматривая лексический пласт узбекских говоров в сравнительно-сопоставительном плане, Х. Данияров убедительно раскрывает близость восточной их группы к литературному языку.

В разделе «Тарих ҳақида икки оғиз сўз» («Два слова об истории») автор пишет о сложной судьбе кыпчакских племен, вошедших в состав узбекского народа как один из его основных компонентов. Основываясь на трудах А. К. Боровкова, А. Н. Бернштама, М. Ш. Ширалиева, он полемизирует с учеными, считающими, что кыпчаки-узбеки в Среднюю Азию пришли лишь в XVI в., во времена появления здесь шейбанидских узбеков. «Как утверждает А. Н. Бернштам, — пишет автор, — „джеканье“ в языке тюркских племен известно с древнейших времен. Оно издавна отмечалось и на территории Средней Азии. А это свидетельствует о том, что кыпчакские племена, наряду с ираноязычными и тюркскими племенами, — также являются коренными обитателями Средней Азии. М. Ш. Ширалиев указывает, что кыпчакские племена еще в VI—VIII вв. жили на современной территории Азербайджана»¹.

Видный ученый-этнограф Н. В. Ханьков писал, что кыпчакские племена (например, *каглы*) с древнейших времен имели тесную торгово-экономическую связь со Средней Азией, в том числе и с Бухарой, а некоторая часть кыпчакских племен обосновалась на этой территории². И не случайно в сов-

ременном Азербайджане встречаются топонимы, возникшие на основе языков тюркоязычных племен, проживавших здесь в различные исторические эпохи, в числе которых отмечены и *каглы*, *кыпчак*, *могал* и др. Потомки этих племен в настоящее время говорят на азербайджанском языке, но названия этих племен закрепились в топонимах. Как отмечает А. А. Ализаде, «тюркоязычные племена, захватив Азербайджан, встретились здесь с родственными племенами, занимающимися оседлым и кочевым хозяйством. На протяжении ряда веков они породнились как между собою, так и с местными жителями и ассимилировались»³.

Приток тюркоязычных племен в Среднюю Азию происходил и в последующие века, он продолжался и после распада Золотой Орды. «Однако исторический процесс ассимиляции племен, — отмечает автор, — благодаря совместной жизни и смешению не мог не оказать влияния на быт, культуру и, наконец, на язык». Узбекский язык обогащался новыми понятиями, словами и терминами в основном абстрактного содержания. В литературный язык проникло большое количество арабских, персидских, монгольских и индийских слов.

Весьма важные сведения содержатся в разделе работы «Махмуд Кошгарийнинг „Девону луготит турк“ асари гувоҳлик беради». Как известно, Махмуд Кашгари выделяет кыпчаков как отдельную группу тюркских народов. По его свидетельству, кыпчаки в языковом отношении ближе всего к огузам. В «Дивану лугат-ит-тюрк» приводится множество примеров на «джеканье» в начале слов. Х. Данияров предполагает, что «джеканье» было присуще главным образом кыпчакам.

Как уже отмечалось, пришедшие в Среднюю Азию кыпчакские племена стали основным компонентом в формировании узбекской народности, а язык кыпчаков оказал сильнейшее влияние на развитие узбекского литературного языка. Это подтверждают дошедшие до нас памятники. В частности, известный историк XIV в. Рашидаддин Казвини в своем труде «Джами-ат-таварих» сообщает, что, хотя все племена, пришедшие в Среднюю Азию, получили известность под общим названием «монголы», среди них значительное место занимали тюркские племена⁴. Х. Данияров отмечает в этом памятнике кыпчакские элементы, проливающие свет на развитие узбекского языка.

Ценным и интересным является также кыпчакский памятник XIV в. «Аттухфатуз

¹ См.: М. Ш. Ширалиев. Озарбайжон тилида кыпчак элементарлари. — «Узбек тили ва адабиёти», 1961, № 6.

² Н. В. Ханьков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1943, стр. 54—55.

³ А. А. Ализаде. О произведении и родном языке Мухаммеда Ибн-е Хиндушаха Нахчивани (XIV век). — «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права». Баку, 1973, № 3, стр. 60.

⁴ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. I. М.—Л., 1952, стр. 102—103.

закняту филлугатит туркия», содержащий сведения о грамматике и лексике тюркских языков, особенно о языке египетских кыпчаков. Интересно, что слова, зафиксированные в «Аттухфа», семантически адекватны этим же словам в кыпчакских диалектах и говорах современного узбекского языка. Например: *бoвyр (жигар)*⁵ 'печень', *туш кўрди (туш кўрди)* 'видел сон', *тумов (касаллик)* 'болезнь', *ямов (ямоқ)* 'заплата', *жўқ (йўқ)* 'нет', *чилиш (қилич билан уриш ёки пичоқ билан сўйиш, тилиш)* 'удар мечом', *овур (огир)* 'тяжелый', *айран (айрон)* 'кислое молоко', *овуз (огиз)* 'рот', *тов (тоғ)* 'гора', *ури (ўғри)* 'вор' и др. Факты языка памятников свидетельствуют о том, что кыпчакские диалекты имеют много сходных особенностей с языком египетских кыпчаков XIV века (у мамлюков) и с современными казахским и каракалпакским языками, составляющими группу современных кыпчакских языков. В «Аттухфе» отсутствует характерная особенность, присущая казахскому языку, — переход *g > ш*, *ш > с*, а такие особенности, как переход *a* во втором слоге в *э*, употребление афф. -доқ вместо -лок, афф. -ти вместо -ли, получили отражение.

О близости языка этого памятника к кыпчакским говорам современного узбекского языка свидетельствует и употребление формы направительного падежа на -га, а также формы повелительного наклонения глагола *кўр* 'видеть': *кўрсат* и *кўргаз*. Все это имеет очень важное значение для разрешения некоторых исторических и этнографических проблем.

Автора работы привлекают историко-этнографические факты, приведенные в произведениях Лутфи, Алишера Навои, Бабира и Мухаммада Салиха. В фонетике, морфологии и лексике этих произведений ярко отразились кыпчакские элементы.

Как отмечает Х. Данияров, некоторые ученые утверждают, что у Алишера Навои этноним «узбек» отсутствует, ибо до начала XVI века узбеками называли кочевников, основная часть которых до этого времени занимала территорию Белой Орды, от низовьев Сырдарьи до Оренбурга.

Возражая против такой точки зрения, Х. Данияров отмечает, что Алишеру Навои уже были известны родовые этнонимы и та роль, которую играли узбекские роды и племена в современной ему общественно-политической жизни. Учитель Алишера Навои, знаменитый поэт Лутфи, уже употребляет этноним «узбек». Х. Данияров предполагает, что упоминание в литературных произведениях классиков таких узбекских родов, как *кыят*, *конграт*, *огар*, *мангит*, *найман*, *кушчи*, *мирак*, *карлук* (*каллик*), *сулдуз*, *минг*, *юз* и других, объясняется усилением кыпчакизации в период XI—XV вв.

⁵ В скобках приводятся слова, употребляющиеся в современном узбекском литературном языке.

Выясняя влияние кыпчакских диалектов на формирование узбекского литературного языка, Х. Данияров тщательно изучил язык произведений Алишера Навои и в своей работе впервые дал научное освещение данной проблемы. Поддерживая утвердившееся мнение, что Алишер Навои является основоположником староузбекского литературного языка, автор убедительно доказывает, что в произведениях Навои староузбекский язык поднялся в своем развитии до уровня арабского и персидского. Наряду с арабским и персидским в развитии староузбекского языка немалую роль сыграли и среднеазиатские кыпчакские диалекты. Этому процессу посвящены главы «Навои тилининг вокализми ва кыпчоқ диалектлари» («Вокализм языка произведений Алишера Навои и кыпчакские диалекты») (стр. 58—68) и «„Мухокаматул-лугатайн“ ва кыпчоқ шевалари» («„Мухокаматул-лугатайн“ и кыпчакские диалекты») (стр. 83—88).

Подвергая критическому анализу предшествующие исследования, автор на основе достоверного фактического материала приходит к выводу, что в языке произведений Алишера Навои присутствуют характерные для кыпчакских языков морфологические черты: аффиксы инфинитива -*y(v)*, -мок, мак; имени действия -*(y)v*; интенсивная и сравнительная степени прилагательных, закономерное употребление аффиксов родительного падежа -*нинг*; четырехвариантный аффикс дательного-направительного падежа -*га*, -*га*, -*қа*, -*ка*; аффиксы причастий прошедшего времени -*гон*, -*ган*; глаголы будущего времени -*гай*, прошедшего времени -*ибман*, повелительного залога -*тир*, -*дир*, -*ғыз*, -*гиз* и др. (стр. 72—74). На основе всего этого автор приходит к выводу, что в языке Навои существовали заднеязычные *y* и *o* и поэтому состав самостоятельных гласных фонем включал девять звуков. Это еще раз свидетельствует о том, что языку Навои свойственна гармония гласных, присущая как кыпчакским диалектам, так и другим сингармоническим диалектам узбекского языка.

В главе «„Мухокаматул-лугатайн“ ва кыпчоқ шевалари» автор дает сравнительный анализ кыпчакских диалектов и языка узбекского народного эпоса. Он раскрывает лексическое, семантическое, фонетическое и грамматическое многообразие и богатство языка народных дастанов, «джекающих» диалектов и говоров, участвовавших в формировании узбекского литературного языка.

Одним из важных фонетических фактов, зафиксированных в «Мухокаматул-лугатайн», является наличие в языке того времени, особенно в произведениях Навои, губно-губного звука (*в*) в составе аффикса -*y(v)*.

Автор стремится доказать, что употребление формы на -*y(v)* помогает решить вопрос о том, с какого времени афф. -*к/-ғ*,

-к/-г в староузбекском языке начал переходить в аффикс -у(в), выступающий в староузбекском языке в функции инфинитива.

Х. Данияров приводит немало примеров из «Мухокаматул-лугатайн», подтверждающих фонетическую близость языка этого памятника с кыпчакскими диалектами. Интересны и такие чередования, как $g > \dot{y}$, $sh > p$, $n > \phi$, свидетельствующие о том, что Навон свободно пользовался элементами других языков и диалектов, в частности, огузского, уйгурского, карлукского. Автором зафиксированы также и морфологические особенности, указывающие на совпадение многих элементов языка памятника и современных кыпчакских диалектов, в частности: двух вариантов аффикса инфинитива -мок/-мак, показателя дательного-направительного падежа -га (-га/-га, -қа/-қа), а также аффикса глаго-

ла будущего времени -гай, встречающихся в кыпчакских говорах хорезмской группы. Х. Данияров приводит в качестве примера ряд слов, бытующих в современных кыпчакских диалектах и говорах в той форме, в какой они выявлены им в «Мухокаматул-лугатайн»: *курут* 'сушеное кислое молоко', *бўсага* 'порог юрты', *қаллоқ* 'тюбейка' и многие другие.

Всестороннее изучение характерных черт кыпчакских диалектов и их взаимодействия с литературным узбекским языком позволило автору сделать верные теоретические и практические выводы об особенностях языка исследуемых диалектов.

Рецензируемая книга представляет собой законченное исследование, отвечающее высоким научным требованиям.

М. А. Мамедов, С. А. Ахмедов,

Б. Т. Туйчибаев

«TURCICA. REVUE D'ÉTUDES TURQUES»

TOME XI, PARIS—STRASBOURG, 1975

Вышел шестой том международного тюркологического ежегодника, издаваемого Институтом тюркологии Страсбургского университета совместно с Институтом тюркологических исследований Парижского университета и университетом в Экс-ан-Провансе.

Сборник включает 12 статей, посвященных истории, литературе и искусству, отношениям Сефевидского Ирана и Османской империи в XV—XVIII вв.

В статье Джахита Озтели «Произведения Хатайи» (Les oeuvres de Hatâyi) дается анализ дошедших до нашего времени списков рукописей, принадлежащих перу шаха Исмаила (Хатайи), писавшего syllabическим и метрическим стихом на турецком, персидском и арабском языках. Автор приводит также сведения об известных ему изданиях стихотворных произведений Хатайи.

А. Мамедов в статье «Самая древняя рукопись „Дивана“ шаха Исмаила Хатайи» (Le plus ancien manuscrit du Divân de Shah Ismail Khatayi) характеризует самый ранний из известных списков «Дивана» основателя сефевидской династии в Азербайджане (начало XVI века), шаха Исмаила Хатайи (1486—1524). Список хранится в Институте восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР в Ташкенте. Дата переписки — 1535 год, имя переписчика-каллиграфа, служившего при дворе шаха Тахмаспа I, — шах Махмуд ал-Нишабури; почерк — насталик. Список, по мнению автора, чрезвычайно близок к оригиналу.

А. Мамедов сопоставляет ташкентский список рукописи со списками «Дивана» Хатайи, хранящимися в других рукописных собраниях мира.

Статья О. Эфендиева «Роль тюркоязычных племен в создании сефевидского государства» (Le rôle des tribus de langue turque dans la création de l'état Safavide) посвящена разработке сравнительно малоизученного вопроса о значении тюркоязычных этнических элементов в процессе формирования сефевидского государства. О. Эфендиев останавливается на выводах, сделанных в связи с рассмотрением данной проблемы такими крупными учеными-востоковедами, как В. Бартольд, А. Крымский, В. Минорский, а в настоящее время — ленинградским иранистом И. П. Петрушевским. На основании данных ряда источников автор приходит к заключению, что сефевидское государство было создано феодальной аристократией тюркоязычных кызылбашиских племен. Именно эти племена, по мнению О. Эфендиева, придя к власти, завладели всеми материальными ресурсами страны и поделили между собой большую часть территории государства.

В статье И. Белдичаню-Штайнер «Правление Селима I — поворотный момент в политической и религиозной жизни Османской империи» (Le règne de Selim Ier: tournant dans la vie politique et religieuse de l'Empire Ottoman) критически оцениваются три исторические точки зрения на причины возникновения и суть антиишинитской политики Османской империи в период правления Селима I. Для

одних исследователей антишиитские гонения — следствие политического процесса, отражавшего османско-сефевидское соперничество. Для других — это результат столкновения религиозных направлений внутри османского государства. Для третьих — это выражение социального протеста сельского населения против тех, кто их эксплуатировал. По мнению Ирэн Белдичаню-Штайнерр, ни одна из этих концепций не может быть признана вполне удовлетворительной. Автор считает необходимым рассматривать данную проблему, исходя из следующих основных положений: 1) с самого начала возникновения османского государства шиитские и суннитские элементы сосуществовали; 2) османское государство не было гомогенным. Его развитие ущемляло интересы не только христиан, но и самих мусульманских династий, что приводило к протесту против завоевателя; 3) земельная реформа Мехмеда II сыграла решающую роль в развитии кризиса. Она привела к недовольству среди дервишей и вызвала волнения, расшатавшие устой османского государства.

И. Белдичаню-Штайнерр приходит к заключению, что в османском государстве не только много многонациональных, но и получили широкое распространение религиозные учения шиитского толка. Различные категории населения считали себя ущемленными политикой султанов. Среди них в первую очередь следует упомянуть некоторые анатолийские княжества и турецкое население Румелии, включенное в границы османского государства.

Ко времени вступления на престол Селима I кризис, по мнению автора, достиг своего апогея. Шейхи Эрдебили, не довольствуясь ролью обычных суфиев, выступили на политическую арену. Воспользовавшись ослаблением центральной власти в результате междоусобной борьбы сыновей Баязида II, они стали подрывать основы османского государства.

Статья Ирэн Меликовой «Проблема „кызылбаш“» (*Le problème kizilbaş*) посвящена этимологическому анализу конкретного содержания термина «кызылбаш» в различные исторические периоды, а также выяснению истоков «религии кызылбашей». Материалы, связанные с данной проблемой, по свидетельству автора, были собраны им в Иранском Азербайджане, в среде местного населения, исповедующего шиизм. Автор замечает, что, несмотря на продолжительное изучение проблемы при постоянном контакте с наблюдаемой средой, все еще остается множество неясных моментов, связанных с выявлением новых аспектов этой комплексной проблемы. В связи с этим данная статья, по словам И. Меликовой, является лишь попыткой частичного ее разрешения.

В статье Жана-Луи Бакэ-Граммона «Турецко-сефевидские исследования. I. Заметки по вопросу о блокаде иранской торговли Селимом I» (*Études turco-safavides,*

I. Notes sur le blocus du commerce iranien par Selim Ier) предпринята попытка исследования истории османско-сефевидских отношений в первой четверти XVI века. По мнению автора, вследствие скудости источников и противоречивости приводимых в них сведений эти взаимоотношения до настоящего времени не получили должного освещения в исторической литературе. Ж.-Л. Бакэ-Граммон, используя исторические хроники и документальные материалы, анализирует политику султана Селима I в области межгосударственных отношений Османской империи и сефевидской Персии, выразившуюся в запрещении этим султаном торговых отношений между двумя государствами на протяжении семилетнего периода. С точки зрения автора, этот исторический факт важен для исследования как один из самых ранних на Востоке примеров длительной экономической войны. В статье дан тщательный анализ внутреннего состояния Османской империи и ее внешнеполитического положения в период правления Селима I.

Ганс-Иоахим Кисслинг в статье «Шах Исмаил I, новый путь в Индию и османы» (*Shāh Ismā' il Ier, la nouvelle route des Indes et les ottomans*) характеризует ряд географических факторов, оказавших в конце XV — начале XVI в. существенное влияние на осуществление внешнеполитических акций Османской империи при Баязиде II, сефевидского Ирана при шахе Исмаиле.

В статье Эльке Нивенер-Эберхард «Великодержавные аспекты османско-сефевидской борьбы за Багдад в XVI—XVII веках» (*Machtpolitische Aspekte des osmanisch-safawidischen Kampfes um Bagdad im 16/17 Jahrhundert*) прослеживается борьба османского и сефевидского государств за овладение Багдадом. На основании персидских, турецких и местных багдадских источников автор описывает историю борьбы за Багдад шаха Исмаила (1508 г.), султана Сулеймана I (1534 г.), шаха Аббаса I (1623 г.) и, наконец, османского султана Мурада IV (1638 г.).

Статья Б. Кютюкоглу «Отношения между Османской империей и Ираном во второй половине XVI века» (*Les relations entre l'Empire Ottoman et l'Iran dans la seconde moitié du XVIe siècle*) посвящена изучению ирано-турецких отношений в XVI веке. Автор подробно освещает персидские военные кампании Мурада III (1578—1590), завершившиеся заключением в 1590 году мирного договора между османским и персидским государствами, оценивает его значение для дальнейшей политической судьбы обоих государств.

В статье А. С. Меликян-Ширвани «Исследования по вопросу о школе османской бронзы в XVI веке» (*Recherches sur l'école du bronze Ottoman du XVIe siècle*) характеризуются особенностями искусства османских мастеров XVI века по бронзе, устанавливаются истоки декоративных сюжетов на предметах из бронзы.

В статье «Қызылбаши, образование и ремесла» (The qizilbash, education and the arts) Р. М. Сейвори прослеживает на конкретных примерах проникновение новых тюркских элементов в административную систему сефевидского государства XVI века, в которой до той поры господствовали таджикские или персидские элементы.

В статье Б. Фрагнера «Второй ардебильский султан и шах. 10 грамот шаха Тах-

маспа II» (Ardabil zwischen Sultan und Schah. Zehn Urkunden Schah Tahmasps II) приводятся важные источники из Азербайджанского музея в Тебризе, относящиеся ко времени правления Тахмаспа II, перевод которых частично выполнен самим автором.

И. Е. Фадеева

TURKOLOGISCHER ANZEIGER (1)

SONDERAUS DRUCK AUS: «WIENER ZEITSCHRIFT FÜR DIE KUNDE DES MORGENLANDES» 67. BAND. WIEN, 1975, стр. 343—488

«Тюркологический указатель» содержит обзор научных публикаций, начиная с 1973 г., посвященных турецкому языку, истории турецкой литературы и истории Турции (включая и историю Малой Азии в доосманский период). Предполагается, что «Указатель» будет иметь продолжение, ежегодно информируя читателей о новых публикациях, и расширится за счет включения в него ряда других разделов тюркологии. Издание подготовлено Георгом Хазаи (Берлин) и Андреасом Титце (Вена). В составлении «Указателя» участвовали и другие тюркологи: материалы были присланы Зигмунтом Абрахамовичем (Польша), Душанкой Боянич (Белград), Ванчо Бошковым (Сараево), Ларсом Йохансоном (Швеция), Барбарой Кельнер-Хейнке (Гамбург), Клаусом Крайзером (Берлин), Гюнаем Кутом (Чикаго), Тадеушем Майдой (Варшава), Эдвардом Трыарским (Варшава).

В «Указатель» включены отдельные работы и статьи, напечатанные в различных сборниках и журналах, без упоминания издательств. Рецензии указаны вместе с работами. Названия публикаций приводятся в транскрипции, за исключением изданных в латинской и греческой графике. В ряде случаев (например, публикаций на грузинском языке) дается на языке оригинала только заглавие, резюме же представляется в переводе. Классификация публикаций внутри отдельных разделов основана на следующем принципе: вначале следуют работы более общего характера, часто в хронологической последовательности, иногда в алфавитном порядке по темам. В заключение приводится алфавитный указатель авторов, издателей, переводчиков и рецензентов.

«Указатель» состоит из четырех частей: I. Общая часть; II. Язык; III. История ли-

тературы; IV. История. Каждая часть содержит разделы и подразделы.

I часть состоит из следующих основных разделов: 1) общий (работы самого общего характера), 2) тюркология в различных странах, 3) библиотеки, 4) архивы, 5) музеи, 6) персоналии, 7) работы по библиографии, 8) сборники, 9) сборники, изданные по случаю юбилеев крупных ученых.

II часть содержит разделы: 1) общие работы (в частности, работы, посвященные развитию тюркологии в различных странах), 2) грамматика турецкого языка, 3) предшественники османского языка в Анатолии, X—XIII вв., 4) староосманский язык XIII—XVI вв., 5) среднеосманский язык XVII в., 6) новоосманский и современный турецкий язык, 7) исследования турецкого языка в различных аспектах (фонетика, словообразование, морфология, синтаксис, семантика), 8) фразеология, 9) словарный состав, ономастика, 10) диалекты, 11) влияние других языков на турецкий (работы, посвященные иноязычным заимствованиям в турецком языке), 12) влияние турецкого языка на другие языки (работы, посвященные турецким заимствованиям в других языках), 13) турецкая языковая политика, 14) прочие работы (в разделе приводится одна работа — турецкая хрестоматия!).

III часть включает следующие разделы: 1) общие работы, 2) библиография, 3) общая история турецкой литературы, 4) антологии, хрестоматии (как на турецком языке, так и в переводах), 5) литература до 1500 г., 6) литература 1500—1800 гг., 7) литература XIX в., 8) литература XX в., 9) работы, посвященные отдельным аспектам турецкой литературы: театр, 10) народная литература (общие работы; проза, театр, эпическая поэзия, лирическая поэзия; четверостишия и скороговорки; загадки, пословицы).

IV часть состоит из разделов: 1) общие работы, 2) основные периоды истории Турции: доосманский период, раннеосманский период, 1453—1600 гг., 1600—1700 гг., 1700—1839 гг., 1839—1908 гг., 1908—1918 гг., 1918—1923 гг., республиканский период, 3) отдельные области Османской империи и современной Турции: современная Турция, Балканы, Венгрия, Словакия, Крым, Кавказ, Греция, арабские провинции в Азии, Египет, Северная Африка (без Египта), 4) религиозные группы, 5) этнические группы, 6) экономическая и социальная история: общие работы, экономическая и социальная история по отдельным периодам (до 1453 г., 1453—1700 гг., 1700—1839 гг., 1839—1908 гг., с 1908 г. до наших дней), сельское хозяйство, ремесло и промышленность, торговля и транспорт, финансы, города, проблемы населения и историческая демография, положение женщины (работы по двум последним вопросам приводятся в других разделах), прочие работы, 7) история учреждений: султан и двор; государственные деятели; администрация и бюрократия; армия и военное дело; вакуфы; религия, религиозные ордена, мистицизм; право; образование и школьное дело; история науки; книгопечатание и пресса, 8) история культуры: работы собственно по истории культуры; обычаи и этнография (общие работы, даты, праздники и времена года, семья, суеверия, магия и знахарство, прочие обычаи), музыка и танец; история искусства (общие работы); прикладное ис-

кусство; ткачество и костюм; строительство и архитектура (общие работы, описание отдельных построек), живопись, графика и скульптура, включая каллиграфию и миниатюру, 9) источники и вспомогательные науки: хронисты и хроники, мемуары (приводятся в других разделах), описания путешествий, дипломатика, палеография и изготовление бумаги, эпиграфика, монеты и медали, меры и веса, астрология, историческая география и картография, геральдика и сфрагистика.

В конце «Указателя» приводятся прочие публикации, не включенные ни в один из разделов.

«Указатель», несомненно, представляет собой очень ценное и нужное пособие для занимающихся турецким языком, литературой, историей, экономикой и культурой Турции. Следует, однако, сделать и некоторые замечания. В «Указатель» включены издания сочинений Насими и работы о нем (стр. 377), тогда как творчество великого азербайджанского поэта и мыслителя, безусловно, нельзя было относить к истории турецкой литературы. При расположении работ внутри отдельных разделов составители не придерживались единого принципа.

С точки зрения удобства пользования «Указателем» перечень публикаций внутри небольших разделов следовало бы располагать в алфавитном порядке.

В. Г. Кондратьев

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СЕССИЯ ПОСТОЯННОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ АЛТАИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (ПИАК)

Очередная XIX сессия ПИАК, организованная генеральным секретарем ПИАК, проф. Д. Шинором и Финским оргкомитетом в составе президента, проф. Аулиса Йои и членов: П. Аалто, Ю. Дахера, Х. Халэна, А. Саало, О. Дахэра и Ю. Янхунэна, состоялась 8—11 июня 1976 г. в столице Финляндии — Хельсинки в Финно-шведском культурном центре, расположенном на острове Хана-Саари.

В работе XIX сессии ПИАК принимали участие 58 ученых, представлявших 15 стран, в том числе: Англию — 1 (Дж. Коутес), Венгрию — 4 (Л. Лоринц, А. Рона-Таш, М. Татар, И. Вашари); Западную Германию — 3 (Д. Ниссман, Д. Стаатс, Б. Шернер); Голландию — 3 (Д. Коорман, А. Наута, Ю. Симонис); Индию — 1 (Р. Хабиб); Южную Корею — 1 (С. Хо); Польшу — 2 (С. Калужинский, Э. Трыарский); СССР — 9 (Н. А. Баскаков, Н. З. Гаджиева, С. К. Камалов, К. М. Мусаев, З. Б. Мухаммедова, Ш. Ф. Мухаммедьяров, Б. О. Орузбаева, А. И. Харисов, Б. Ч. Чарьяров); США — 9 (И. Лауде-Циртаутас, К. Менгес, Р. Миллер, Н. Поппе, Д. Шинор, Дж. Шинор, С. Халкович, П. Хайер, С. Ягчид); Тайвань — 2 (Х. Чэн, М. Чэн); Турцию — 7 (Д. Аксан, Ф. Из, А. Карахан, Т. Тэкин, С. Эсин, Э. Эсин, Н. Юдже); Финляндию — 8 (П. Аалто, О. Дахэр, У. Дахэр, А. Йои, Л. Сирка, А. Саало, Х. Халэн, Ю. Янхунэн); Францию — 2 (М. Л. Бэффа, Р. Хамаюн); Швецию — 6 (Б. Арапович, Дж. Боссон, Б. Коллиндер, Бр. Коллиндер, Л. Нейман, Г. Ярринг).

Из шести заседаний два были посвящены информационным сообщениям (confessions) участников сессии о своей работе, одно — организационным вопросам (business meeting) и три заседания — специальным докладам.

Почти все участники сессии выступили с краткими информационными сообщениями о своей личной научной работе; руководители институтов, групп, отделов и т. д. информировали о деятельности руководимых ими научных коллективов. С соответст-

вующими развернутыми сообщениями выступили также и все члены советской делегации. Информационные сообщения как иностранных, так и советских участников сессии вызвали большой интерес и способствовали более эффективному проведению координационной работы по алтаистике.

Весьма содержательными и важными в научном отношении были специальные доклады.

Первое научное заседание сессии, состоявшееся 9 июня, посвящалось докладом, связанным с проблемой отношений алтайских и уральских языков, то есть с проблемой Урало-Алтайской общности языков. К этой группе следует отнести доклады: Н. Понне «The problem of Uralic and Altaic Affinity», отметившего близкие генетические и типологические связи между уральскими и алтайскими языками; Д. Аксана «Zur Frage der semantischen Kriterien in der ural-altaischen Sprachwissenschaft neue Anwendungsmethode», указавшего на необходимость учета не только фонетических и морфологических, но главным образом семантических критериев при решении вопросов о языковых связях и отношениях; Д. Шинора «Fence, enclosure, city», продемонстрировавшего на конкретных примерах лексико-семантические связи, существующие между индоевропейскими, финно-угорскими, тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками; Б. Коллиндера «Pro Hypotesi Uralo-Altaica», которым были приведены многочисленные фонетические, лексические и грамматические факты, позволяющие предположить генетическое родство урало-алтайских языков; А. И. Харисова «Категория определенности и неопределенности в урало-алтайских языках». На основе собственных наблюдений и данных Дж. Кнекбаева докладчик привел ряд доказательств типологической общности категорий определенности и неопределенности в тех и других языках; Р. Миллера «The Altaic Accusatives in the Light of Old and Middle Korean», отметившего общность форм и

значений категории винительного падежа в алтайских и корейских языках; *М. Нулло* «Zum Ural-Altäischen Satzbau: Numerus kategorie im Indogermanischen, Altaischen und Uralischen», остановившегося на категории числительных и на их связях в языках индоевропейских, уральских и алтайских.

По всем этим докладам были проведены прения.

Второе заседание, посвященное специальным докладам, состоялось утром 10 июня. На нем были заслушаны следующие шесть докладов, темой которых являлись главным образом языковые контакты алтайских языков с другими языками: *К. Менгеса* «Drawidisch-altäische Urverwandtschaft» — о древних дравидо-алтайских связях; *С. Хо* «On the Contacts between Korean and the Turkic languages» — о корейско-тюркских языковых контактах; *Ю. Янхунэна* «Samoyed-Altai Contacts Present State of Research», в котором докладчиком было приведено 27 самоедско-алтайских лексических параллелей; *С. Камалова* «Исторические контакты народов Хорезмского оазиса», рассказавшего о культурных связях, существовавших между казахами, туркменами, каракалпаками и узбеками, а также другими народами Хорезма; *Х. Чэча* «Introduction Notes to the Manchu Script Memorials», остановившегося на некоторых комментариях к одному из маньчжурских манускриптов; *Э. Эсин* «Sacrificial themes in the art of Uralic and Altaic peoples in the Light of Turkish tomb inscriptions», посвященный сравнительному сопоставлению разработки некоторых общих тем в искусстве алтайских и уральских народов. Этот доклад сопровождался демонстрацией соответствующих диапозитивов.

На третьем заседании, состоявшемся днем 10 июня, были заслушаны доклады: *А. Карахана* «The development of Turkish written languages» — о развитии тюркских письменных языков; *Н. А. Баскакова* «Периодизация истории развития и формирования тюркских языков» — об установлении основных эпох и периодов истории тюркских языков в связи с историей тюркоязычных народов; *А. Рона-Таш* «New data on Volga Bulgarian» — об уточнениях в расшифровке некоторых волжско-булгарских памятников; *Ш. Ф. Мухаммедьярова* «Изучение в СССР этнокультурных связей тюркоязычных и финно-угорских народов Поволжья» — о необходимости разработки региональной истории народов Поволжья; *Р. Хамаюн* и *М. Бэффа* «Spatial cases in the Altaic languages» — о соответствиях в формах пространственных падежей уральских и алтайских языков; *Н. З. Гаджиевой* «Соотношение внешних и внутренних факторов в изменениях структуры тюркских языков при их контактировании с неродственными языками» — о некоторых структурных сдвигах в языках при их контактировании с другими иностранными языками; *Б. О. Орузбаевой* «Место иранских

лексических заимствований в киргизском языке» — о характере иранских заимствований, относящихся главным образом к сельскохозяйственной и промышленной терминологии в киргизском языке; *Б. Шернера* «Zur Entwicklung von gemein-türkisch *č, *š und anlautenden *y im Nogaischen» — о соответствиях общетюркских č и š и начального j в ногайском языке; *Б. Ч. Чарьярова* «Развитие туркменского языкознания в советскую эпоху» — о достижениях туркменской тюркологии.

Четвертое и последнее научное заседание сессии включило десять следующих докладов: *Э. Трыарского* «Turkic names for mushrooms: native terms and loan words» — о тюркских названиях грибов; *К. М. Мусаева* «О некоторых общеалтайских синкретичных корнях» — об омонимии глагольных и именных корней, общих для алтайских языков; *З. Б. Мухаммедовой* «Сбруя и украшения туркменского коня» — о специальной туркменской терминологии, связанной с коневодством; *И. Лауде-Циртаутас* «Some notes on the development of the Uzbek literary language» — о некоторых изменениях в составе лексики современного узбекского языка и, в частности, о замещении арабских и иранских терминов соответствующими терминами современного русского языка; *Л. Лоринца* «Wer war vor Gesser der Sonnenheros der burjatischen Mythologie» — о роли Гесера в бурятской мифологии; *И. Вашари* «The Word swswn in Middle Turkic texts» — о слове swswn в средневековых тюркских текстах; *Т. Тэкина* «On the structure of Turkic echoic verbs in [- (g) (i) r (a)]» — о происхождении форманта -r в тюркских языках; *Н. Юдже* «Dokurcun-ein türkisches Wort mit einem mongolischen Suffix» — о некоторых тюркских основах, содержащих монгольские аффиксы; *С. Ягчида* «An interpretation of „Mongolian Bandits“ — Meng-fei» — о типологии героев монгольского эпоса; *П. Хайера* «The Chientan-tao Movement: A. Chinese revolt in Mongolia» — о китайско-монгольских отношениях и восстании китайцев в Монголии.

После заслушания трех-четырёх близких по тематике докладов открывались прения, задавались вопросы, делались соответствующие замечания.

10 июня, кроме научных заседаний, было созвано организационное собрание участников (business meeting), на котором обсуждались три основных вопроса.

Первый вопрос — о присуждении ПИАК очередной медали Блумингтонского университета. Специальным комитетом, включившим президента XIX сессии ПИАК, проф. Аулиса Йоки, генерального секретаря ПИАК, проф. Д. Шинору и двух избранных на предыдущей сессии ПИАК членов — профессоров Э. Трыарского и Г. Хазан, были выдвинуты для тайного голосования делегатов (участников не менее двух сессий) два кандидата — академик А. Н. Кононов (СССР) и проф. С. Хаттори (Япония). Подавляющим большинством голо-

сов медаль была присуждена академику А. Н. Кононову.

Второй вопрос — избрание двух членов Комитета для присуждения следующей медали XX сессии ПИАК. Большинство голосов были избраны проф. А. Рона-Таш (Венгрия) и проф. Э. Трыарский (Польша).

Третий вопрос — о состоянии и перспективах издания специального листка [PIAC Newsletter]. Было принято решение о необходимости более широкой публикации сведений библиографического характера о книгах и трудах, связанных с алтаистической проблематикой.

В процессе работы XIX сессии ПИАК Оргкомитетом были организованы: экскурсия по г. Хельсинки, круиз по окрестностям Хельсинки на парохоме с посещением крепости Свеаборг и прием у министра просвещения Финляндии. Весь состав XIX сессии ПИАК был приглашен на прием к члену Оргкомитета У. Дахэру.

Работа XIX сессии ПИАК была завершена 11 июня официальным завтраком с прощальными выступлениями президента ПИАК, проф. Аулиса Йоки и генерального секретаря, проф. Дениса Шинора.

Ежегодные сессии ПИАК, по мнению всех участников, имеют весьма важное значение для изучения проблем алтайской и уральской семей языков, объединяющих многие народы мира, из которых преоблада-

ющими по количеству являются народы СССР. Ежегодные встречи ученых позволяют не только эффективно координировать научные исследования по алтаистике и урало-алтаистике, но и создают благоприятные условия для взаимного обмена мнениями и информацией о текущих исследованиях каждого из участников этих сессий.

Недостатком в работе сессий ПИАК продолжает оставаться пестрота тематики специальных докладов. Некоторые из представляемых докладов иногда совершенно не связаны с алтайской или уральской теориями. По-видимому, в дальнейшем следует устанавливать более узкие темы сессий и включать в программу доклады только по ним. Это позволит сосредоточить внимание на наиболее важных проблемах алтаистики и прийти к более конкретным выводам и решениям.

В заключение следует с признательностью отметить радушие, с которым была принята в Финляндии советская делегация, и готовность, с которой была представлена всем членам делегации возможность выступить с докладами. Многими участниками XIX сессии ПИАК было высказано желание провести одну из очередных сессий ПИАК в Советском Союзе.

Н. А. Баскаков

PERSONALIA

СОЛОМОН СЕРГЕЕВИЧ МАЙЗЕЛЬ

(К семидесятипятилетию со дня рождения)

С. С. Майзель был талантливым ученым-востоковедом, широко эрудированным преподавателем по ряду восточных языков: турецкому, арабскому, персидскому, а позднее — и ивриту. Свободно владел он и западноевропейскими языками.

Всех, знавших С. С. Майзеля, привлекали его влюбленность в свой предмет и педагогическое мастерство, доведенное почти до артистизма. Практиковавшаяся им методика обучения требовала от студентов умения находить собственное решение того или иного поставленного вопроса. Применяя семантическое, морфологическое и синтаксическое сравнение и сопоставление, С. С. Майзель добивался активного участия слушателей в учебном процессе, увлекая аудиторию неожиданно острой постановкой вопроса. Огромная работоспособность С. С. Майзеля, его организованность, преданность своему делу были известны всем. Его постоянными спутниками были

блокнот и карандаш. Любая, неожиданно возникающая, мысль или идея тут же им фиксировались.

Демобилизовавшись из рядов Красной Армии, С. С. Майзель поступает в 1921 году одновременно на историко-филологический факультет МГУ и в Московский институт востоковедения. Через два года он делает окончательный выбор в пользу последнего. Успешно овладев сразу тремя восточными языками — турецким, арабским и персидским, он одновременно изучает историю и экономику стран Ближнего и Среднего Востока. Таким образом, С. С. Майзель в 1926 году заканчивает институт сразу по двум отделениям: дипломатическому и экономическому, по специальностям: турецкий и арабский языки. Еще в студенческие годы у него проявился живой интерес к исследовательской работе. В 1925 году выходит его первая публикация по Арабскому Востоку. Через год после окончания института, в 1927 году он печатает вторую статью, посвященную национально-освободительному движению в Египте. Этот интерес к историко-экономическим проблемам не ослабевал у него и в последующие годы. В частности, он публикует ряд статей о национально-освободительном движении в Турции.

Послеинститутские годы С. С. Майзеля — годы постоянных переездов. С 1928 по 1932 год он работает драгоманом Советского торгпредства в Турции. В 1932 году он направляется в г. Яффу для участия в подготовке Советского павильона на Международной выставке. С 1934 по 1936 год он находится в Иране, а в 1936 году вторично едет в Турцию, но уже в качестве корреспондента ТАСС, где работает до 1938 года. С 1941 по 1942 год вновь командирован в Иран.

С. С. Майзель был эрудированным специалистом, сочетавшим дипломатические, экономические, исторические и филологические знания. Он хорошо знал жизнь, быт, историю культуры и языки ряда восточных стран и народов. В 1947 г.

С. С. Майзель командировался в международную комиссию по бывшим итальянским колониям, где ему оченьгодились его знания как западноевропейских, так и восточных языков, в том числе арабского литературного и его диалектов.

Плодотворная научно-педагогическая деятельность С. С. Майзеля была тесно связана с работой вузов: Московского института востоковедения, Института красной профессуры, Высшей дипломатической школы. В 1933 году С. С. Майзель участвует в работе авторского коллектива составителей учебника турецкого языка. В 1946 г. вышел в свет его учебник турецкого языка¹ под редакцией В. А. Гордлевского, включавший и начальный этап обучения. Большое внимание уделялось С. С. Майзелем лингвометодическим проблемам обучения восточным языкам. В 1933 г. С. С. Майзель участвует в подготовке материалов по синтаксическим конструкциям и употреблению времен в турецком языке. В 1937 году им готовятся к печати «Материалы по освещению турецкого синтаксиса».

В 1944 году С. С. Майзелем была представлена к защите кандидатская диссертация «Изафет в турецком языке». Выступившие в качестве официальных оппонентов член-корреспондент АН СССР, проф. Н. К. Дмитриев и проф. В. М. Насилов отметили, что вопрос об изафете так широко до С. С. Майзеля никем еще не ставился. «Пользуясь теми многочисленными функциями, которые имеет изафет в турецкой грамматике. — писал Н. К. Дмитриев, — автор, можно сказать, пересматривает все основные положения грамматики сквозь призму изафета. И в процессе такой „ревизии“ автор приходит к ряду очень интересных ... выводов, а также касается таких явлений, которые в науке еще совершенно не разработаны». Эта работа С. С. Майзеля была издана лишь в 1957 году по инициативе и под редакцией проф. А. Н. Кононова². С. С. Майзель впервые в тюркологической литературе обстоятельно разработал категорию определенности применительно к турецкому языку, опубликовав результаты своего исследования в статье «Категория дефинитивности в турецком языке»³. Высокую оценку получила разработанная им теория вещественных имен⁴,

которая, по выражению Н. К. Дмитриева, «относится к числу научных открытий». Исследовательская мысль С. С. Майзеля всегда была направлена на разрешение нерешенных и до него даже не ставившихся вопросов, таких, например, как «Категория уникальности и плюральности»⁵, рассмотренная на материале турецкого языка.

Оригинальным учебным пособием по турецкому языку явилась его работа «Арабские и персидские элементы в турецком языке»⁶. Насыщенность турецкого языка, особенно письменного, арабской и персидской лексикой, а также арабо-персидскими грамматическими конструкциями и формами требовала специального раскрытия основных путей словообразования и словоизменения заимствованных слов и оборотов.

В круг научных интересов С. С. Майзеля входили и проблемы лексикографии. Им были составлены два военных разговорника⁷. Ценной лексикографической работой является и оставшийся, к сожалению, в рукописи «Полный русско-турецкий фразеологический словарь» (около 150 авторских листов). Сохранились отзывы академика А. Н. Самойловича и члена-корреспондента АН СССР Е. А. Бертельса об этом словаре. Е. А. Бертельс, в частности, писал, что «общее впечатление работа производит прекрасное», и высказывался за издание словаря, поскольку «не только в скудном ряду словарей восточных языков (особенно почти совершенно отсутствующих русско-турецких словарей), но и вообще среди всей советской лексикографии она будет являться одной из наиболее интересных ... работ». А. Н. Самойлович, также давая высокую оценку словарю, рекомендовал, «чтобы словарь был издан без сокращения».

Для составителей русско-турецких переводных словарей особую трудность представляет выбор способов и конструкций, позволяющих выражать адекватно лексические значения, привносимые в русское слово префиксальным словообразованием и изменениями видовой характеристики слова. Словарь С. С. Майзеля ценен тем, что в нем каждое заглавное слово сопровождается образцами его сочетаемости, кроме того, в словарных статьях приводятся примеры употребительных выражений и сочетаний — клише.

В последние годы своей научно-педагогической деятельности С. С. Майзель был всецело поглощен подготовкой многопла-

¹ С. С. Майзель. Учебник турецкого языка. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР проф. В. А. Гордлевского, вып. I (уроки 1—20). М., 1946.

² С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. Редакция, предисловие и примечания А. Н. Кононова. М.—Л., 1957.

³ С. С. Майзель. Категория дефинитивности в турецком языке. — В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому. К его семидесятипятилетию». М., 1953, стр. 168—186.

⁴ С. С. Майзель. Категория вещественности в турецком языке. — «Труды Московского института востоковедения». М., 1946, № 3, стр. 146—161.

⁵ С. С. Майзель. Категория уникальности и плюральности в турецком языке. — «Труды Московского института востоковедения». М., 1947, № 4, стр. 7—31.

⁶ С. С. Майзель. Арабские и персидские элементы в турецком языке. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР, проф. В. А. Гордлевского. М., 1945, стр. 1—59.

⁷ С. С. Майзель. Краткий русско-турецкий военный разговорник. М., 1940; С. С. Майзель. Краткий русско-персидский военный разговорник. М., 1940.

нового исследования словаря арабского и других семитских языков «Пути развития основного словарного фонда арабского и других семитских языков (Введение в семасиологию семитских языков)», задуманного как докторская диссертация. В этой работе С. С. Майзель выдвигает совершенно новую концепцию размножения основного семитского корневого слова путем чередования (аллотеzy) и перестановки (метатеzy) корневых согласных, дифференцирующих значения соответствующих слов. Автор приводит большое число примеров чередования и перестановки в синонимичных корнях и в корнях с разошедшимися значениями, разрабатывает семасиологический критерий проверки аллотеzy и метатеzy (изосемантические ряды). В настоящее время эта монография готовится к изданию.

На научно-методических конференциях Московского института востоковедения и Высшей дипломатической школы С. С. Майзель неоднократно выступал с интересными методическими докладами. К сожалению, не увидела свет его работа «Опыт классификации русских предлогов по семантическим категориям с точки зрения их типовой передачи на турецком языке» (Пособие для переводчиков с русского языка на турецкий). А. Н. Кононов, рецензировавший эту работу, в своем отзыве писал, что в процессе подготовки специалистов-тюркологов «особое место занимает вопрос о преподавании теории и практики перевода с русского языка на турецкий. В этой большой проблеме есть один крайне

важный раздел: способы передачи русских предлогов средствами турецкого языка... Работа С. С. Майзеля... ценна тонкой разработкой семантических оттенков значений русских предлогов и турецких эквивалентов... Работа... четко решает ряд чисто теоретических вопросов, связанных с методикой перевода с русского языка на турецкий».

Отличное знание турецкого языка и литературный талант позволили С. С. Майзелю осуществить ряд художественных переводов с турецкого языка на русский. В сборнике «Турецкие рассказы»⁸ были помещены его переводы рассказов Садри Эртема и Омера Сейфеттина. Особо следует отметить его поэтические переводы произведений А. С. Пушкина «Памятник»⁹ и «Моцарт и Сальери»¹⁰ на турецкий язык. Скончался С. С. Майзель в 1952 году на пятьдесят втором году своей жизни.

Незаурядный исследователь-востоковед, талантливый переводчик, прекрасный педагог, опытный методист — таким запомнился С. С. Майзель всем тем, кому посчастливилось с ним работать и учиться у него.

Р. А. Аганин

⁸ Сб. «Турецкие рассказы». М., 1940, стр. 10—37, 256—270.

⁹ «Труды Института востоковедения». М., 1940, стр. 233.

¹⁰ «Труды Московского института востоковедения». М., 1947, № 4, стр. 153—160.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Г. К. Кулиев (Баку). Сравнительно-исторический анализ лексико-семантического развития глаголов зрания в тюркских языках огузской группы 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Я. Ш. Хертек (Кызыл). О фразеологических параллелях в некоторых тюркских и современном монгольском языках 12

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- И. В. Стеблева (Москва). К вопросу о комплексном изучении древнетюркской культуры 25

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Ф. А. Ганиев (Казань). К вопросу о сложных словах в современном татарском языке 31
Н. Маматов (Ташкент). О классификации сложных слов в узбекском языке 38

СООБЩЕНИЯ И ОБЗОРЫ

- Л. Р. Тумиянц (Ашхабад). О неграмматичности категории числа имен существительных в туркменском языке 46
Г. Дёрфер (Геттинген, ФРГ). О трех количественных градациях гласных в тюркских языках 56
И. Лауде-Циргаутас (Сиэтл, США). К вопросу о табу и эвфемизмах в казахском, киргизском и узбекском языках 72
Б. Чарыяров (Ашхабад). Исследование актуальных проблем туркменской филологии 87
З. Клейнмихель (Берлин). Современное состояние тюркологии в Германской Демократической Республике 93

РЕЦЕНЗИИ

- М. А. Хабичев (Карачаевск). К. М. Мусаев. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении 108
Т. М. Гарипов (Казань), С. Г. Кляшторный (Ленинград). Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа 112
М. А. Мамедов, С. А. Ахмедов, Б. Т. Туйчибаев (Сырдарья). Х. Дониёров. Эски ўзбек адабий тили ва қипчоқ диалектлари 113
И. Е. Фадеева (Ленинград). «Turcica. Revue d'études turques», том VI 116
В. Г. Кондрагев (Ленинград). Türkologischer Anzeiger (1). Sonderausdruck aus: «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes» 118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Н. А. Баскаков (Москва). Сессия Постоянной Интернациональной Алтаистической Конференции (ПИАК) 120

PERSONALIA

- Р. А. Аганин (Москва). Соломон Сергеевич Майзель 123

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- G. K. Kuliyeu* (Baku). Comparative-historical analysis of lexical semantic development of verba vidiendi in turkic languages of oguz group 3

LANGUAGES IN CONTACT

- Ja. Sh. Khertek* (Kisil). On phraseological parallels in some turkic and modern mongolian languages 12

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

- I. V. Stebleva* (Moscow). Towards the problems of complex study of ancient turkic culture 25

DISCUSSIONS

- F. A. Ganiyeu* (Kazan). Towards the problem of compound words in the modern tatar language 31
- N. Mamatov* (Tashkent). On classification of compound words in the uzbek language 38

REPORTS, SURVEYS

- L. R. Tumiyants* (Ashkhabad). On the non grammatical character of category of number of nouns in the turkmen language 46
- G. Doerfer* (Göttingen, GFR). On the three quantitative gradations of vowels in turkic languages 56
- I. Laude-Cirtautas* (Seattle, USA). On taboo and euphemisms in kazakh, kirghiz and uzbek languages 72
- B. Chariyarov* (Ashkhabad). Urgent problems of turkmen philology 87
- Z. Kleynmihel* (Berlin). Modern position of Turkology in the German Democratic Republic 93

REVIEWS

- M. A. Khabichev* (Karachayevsk). К. М. Мусаев. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении 108
- T. M. Garipov* (Kazan), *S. G. Klashtorny* (Leningrad). П. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа 112
- M. A. Mamedov*, *S. A. Akhmedov*, *B. T. Tuychibayev* (Syrdaria). X. Дониёров. Эски ўзбек адабий тили ва кипчок диалектлари 113
- I. E. Fadeyeva* (Leningrad). «Turcica. Revue d'études turques», tome VI 116
- V. G. Kondratyev* (Leningrad). Türkologischer Anzeiger (1). Sonderausdruck aus: «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes» 118

SCIENTIFIC LIFE

- N. A. Baskakov* (Moscow). Session of the Permanent International Altaistic Conference (PIAC) 120

PERSONALIA

- R. A. Aganin* (Moscow). Solomon Sergeyevich Mayzel 123

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Корректоры *Э. Я. Алиева, Ф. М. Джавадова, С. В. Лисицова*

Сдано в набор 15/XI 1976 г. Подписано к печати 19/I 1977 г. ФГ 03021. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 5336. Тираж 3080. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.